

УДК 802.0
ББК 81.2.9.Англ.
А 79

Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие. — 3-е изд. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. — 232 с. — ISBN 5-9221-0023-8.

Пособие составлено в соответствии с программой по курсу сравнительной типологии языков. Включает разделы, соответствующие всем уровням, на которых возможен сравнительный анализ английского и русского языков (фонетическому, морфологическому, синтаксическому, лексическому).

Для студентов старших курсов факультетов педагогических институтов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Введение	7
Типология языков как особый раздел языкознания	7
Разделы типологии языков	8
Историческая типология как одно из обоснований периодизации истории языка	11
Содержание термина «типология языков»	12
Понятие о языковом типе и о типе языка	14
Уровни типологического исследования	22
Понятие изоморфизма и алломорфизма	23
Понятие об универсалиях и о значении типологии для их определения	24
Понятие о языке-эталоне	30
Связь типологии с другими лингвистическими дисциплинами	33
Глава 2. Краткий обзор истории типологических исследований	34
Глава 3. Методы типологического анализа	57
Сопоставление как основной метод типологических исследований	58
Метод типологических индексов	61
Глава 4. Типология фонологических систем английского и русского языков	63
Понятие фонологического уровня языка	63
Отбор показателей для установления типологии фонологических систем двух языков	64
Типологические показатели подсистемы гласных фонем в двух языках	69
Типологические показатели подсистемы согласных фонем в двух языках	72
Типологические характеристики суперсегментных средств	76
Типологические показатели ударения	76
Типологические свойства интонации	79
Типология слоговых структур	84
Основные типы слоговых структур в английском и русском языках	85
Глава 5. Типология морфологических систем английского и русского языков	89
Понятие морфологического уровня языка	89
Отбор констант, необходимых для установления типологии морфологических систем двух языков	90

Основные типологические различия морфологической системы двух языков	92
Типология частей речи	94
Различный подход к определению понятия «часть речи»	95
Типологические критерии, существенные для сопоставления частей речи	96
Типология грамматических категорий в двух языках	100
Глава 6. Типология синтаксических систем	129
Понятие синтаксического уровня	129
Типология словосочетаний	129
Критерии выделения типов словосочетаний	130
Типы атрибутивных словосочетаний в двух языках	133
Типы объектных словосочетаний в двух языках	150
Типология членов предложения	161
Структурно-семантические типы подлежащего	163
Структурно-семантические типы сказуемого	165
Структурно-семантические типы дополнения	167
Структурно-семантические типы определения	168
Структурно-семантические типы обстоятельств	169
Типология предложения	170
Глава 7. Типология лексических систем	186
Слово как основная типологическая единица словарного состава языка	186
Типология слова. Морфологическая структура слова	189
Типология словообразовательных систем	192
Типология безаффиксального словообразования	193
Типология средств словопроизводства	196
Словосложение и типы сложных слов	206
Типы сложных слов в обоих языках	209
Глава 8. Сравнительная типология и методика преподавания английского языка	215
<i>Приложение I. Изоморфизм в системе глагола . . . . .</i>	<i>220</i>
<i>Приложение II. К определению понятия «типологически существенный» — «типологичный» . . . . .</i>	<i>225</i>
<i>Приложение III. Примерные темы семинарских занятий . . . . .</i>	<i>231</i>

Предисловие

Настоящее учебное пособие по сравнительной типологии английского и русского языков написано выдающимся отечественным лингвистом XX века Владимиром Дмитриевичем Аракиным. Пособие предназначается для студентов старших курсов филологических факультетов, но его теоретическая ценность выходит далеко за рамки учебного материала. Первые главы (1–3) по существу являются введением в теорию и проблематику общей и частной типологии. Автор предлагает свою собственную оригинальную типологическую концепцию, основанную на обширном фактологическом материале разноструктурных языков мира, разрабатывает фундаментальные понятия типологического анализа, — такие, как тип отдельного языка, языковой тип и др., дает обоснование метода типологических исследований. Особое внимание уделяется такой актуальной проблеме как отбор констант, — единиц типологического сопоставления, на всех уровнях языковой структуры (4–7 главы). Для иллюстрации целого ряда положений и выводов привлекаются данные из других славянских и германских, а также тюркских, малайскополинезийских и прочих иносистемных языков.

При анализе межъязыковых соответствий в области выделенных категорий используется комплекс критериев — содержательных, формальных и функциональных, что обеспечивает целостный характер сопоставления. Системный подход к рассмотрению языкового материала, опора на содержательную сторону рассматриваемых категорий, учет функциональных особенностей сопоставляемых единиц, лежащие в основе типологической концепции автора, отвечают запросам современной лингвистики.

Изложение теоретического материала в данном пособии построено таким образом, чтобы поуровневый анализ систем обоих языков и их микросистем показал их сопоставляемые черты во взаимной связи и взаимной обусловленности. То преимущественное внимание, которое уделяется межъязыковым расхождениям английского и русского языков, призвано создать рациональную основу для преподавания английского языка в русской аудитории. В этой связи автор посвящает последнюю, 8 главу своей книги теоретическому обоснованию трудностей, возникающих при изучении английского языка, и обоснованию эффективной методики его преподавания. Сформулированные в тексте 8-й главы методические проблемы могут служить программой для разработки теоретических и практических вопросов методики

преодоления межъязыковой интерференции в условиях преподавания иностранного языка в определенной национальной аудитории. Второе и третье (настоящее) издания пособия дополнены выдержками из двух статей Владимира Дмитриевича: «Изоморфизм в системе глагола» (Приложение 1) и «К определению понятия “типологически существенный” — “типологичный”» (Приложение 2).

Непреходящее значение этой книги определяется также и тем, что проблематика типологического изучения языков остается в центре внимания современного языкознания, а сопоставительно-типологическое рассмотрение 2-х языков — английского и русского — на всех уровнях их структуры, — фонологическом, грамматическом и лексическом — определяет совершенно особое по своей актуальности место этой дисциплины на завершающем этапе лингвистической подготовки студента языкового вуза.

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ

Типология языков как особый раздел языкознания

Язык, важнейшее и удивительно совершенное средство человеческого общения, средство обмена мыслями, может выполнять эти разнообразные и сложные функции потому, что он представляет собой весьма гибкую и в то же время отлично организованную систему. Как всякая система, язык имеет две стороны. Он состоит, с одной стороны, из элементов — фонем, морфем, слов, облеченных в материальную субстанцию — звуки, а с другой — он обладает структурой. Под структурой языка следует понимать его внутреннюю организацию, схему связей и отношений бесчисленного числа его элементов, названных выше и обеспечивающих его функционирование в форме акта общения.

Рассматривая отдельные языки, мы легко можем убедиться в том, что, с одной стороны, в ряде языков обнаруживаются сходные черты. Например, в русском, польском, болгарском мы найдем много слов общего корня. Это явление объясняется принадлежностью их к одной и той же генетической группе языков — славянской. В то же время мы видим, что в русском языке существует система склонения, оформленная в шести падежах, а в болгарском языке система склонения отсутствует. Следовательно, с точки зрения структуры имени существительного оба языка резко отличаются друг от друга.

На земном шаре существует огромное число языков, причем каждый из них обладает как некоторыми общими с другими языками чертами, так и чертами, которые мы находим только в отдельном языке.

Если мы поставим перед собой задачу выявить все общие признаки или характеристики структуры некоторого количества языков, то получим сумму признаков, которые будут отличать данную группу языков от какой-то другой группы языков, где этих признаков не будет.

Общие структурные признаки обнаруживаются в самых различных языках, не имеющих никакого генетического родства. Так, определенное словосочетание, в котором прилагательное предшествует существительному без всякого согласования с ним, обнаруживается

в английском, тюркских, монгольских языках, в японском и в китайском языках.

По этому структурному признаку, независимо от материального состава слов, перечисленные выше языки могут быть объединены в одну группу с общей структурной характеристикой (языки, имеющие определительное словосочетание со структурой А + N), где прилагательное соединено с существительным по способу примыкания.

Группировкой основных, существенных характеристик признаков и выведением общих закономерностей, наблюдаемых в ряде языков, занимается особый раздел языкознания — *лингвистическая типология*, которую можно также определить как *учение о типах языков и о типах языковой структуры*.

Следует подчеркнуть, что лингвистическая типология исследует не частные, единичные случаи сходства и различия в структуре языков, а только такие, которые носят общий характер, то есть охватывают широкий круг однородных признаков.

«Типологическим сопоставлением предстоит охватить все выделяемые системы группируемых языков и по ним установить то, что их разделяет, и то, что их объединяет. Это будут, с одной стороны, те понятия, которые передаются соответствующими лексическими и грамматическими единицами, а с другой стороны, сами последние во всем их разнообразии»¹

Разделы типологии языков

В зависимости от тех целей и задач, которые призвана решать лингвистическая типология, а также и от того объекта, который изучает данная наука, типология условно подразделяется на *типологию общую* и *типологию частную*.

Общая типология занимается изучением общих проблем, связанных с выявлением суммы сходных и различных черт, характеризующих системы отдельных языков мира.

В свое время И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними. Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы в языках, чуждых друг другу исторически и географически»².

---

¹ Мещанинов И. И. Типологические сопоставления и типология систем // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. — 1958. — №3. — С. 12.

² Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. 1. — С. 371.

Вот эти-то общие свойства, общие изменения, общие процессы в языках, принадлежащих к самым различным генетическим группам, и исследует общая типология. Сюда можно отнести, например, исследование общих черт в структуре фонологических систем, во взаимоотношении отдельных групп фонем, объединенных либо по признаку ряда или подъема, или еще какому-либо признаку, распределение фонем и их слогов, наличие или отсутствие грамматических классов существительных, общие черты в структуре словосочетания и предложения, типы морфологической структуры слов и т. д.

«Подобного рода сравнение языков служит основанием для самых обширных лингвистических обобщений как в области фонетики, так и в области морфологии языка, так и, наконец, в области семасиологии, или науки о значении слов и выражений»¹.

Как можно видеть из сказанного, типологические исследования значительно расширяют границы лингвистических исследований, выводя их за рамки родственных языков, дают возможность привлечь широкий круг разноструктурных языков, обогащая этим привлекаемый для исследования материал, и тем самым позволяют решать широкие общезыковые проблемы.

Частная типология занимается изучением проблем более ограниченного характера. Это может быть исследование типологических характеристик одного языка или ограниченной группы языков. Причем в отличие от сравнительно-исторического языкознания, занимающегося исследованием языков только генетически родственных, таких, как языки славянские и германские, типология, как общая, так и частная, занимается исследованием типологических характеристик и свойств не только и не столько языков родственных, сколько языков неродственных. При этом исходным моментом для исследования служит не общность материальной формы, как в исследованиях родственных языков, а общность семантики или функций тех или других морфем в неродственных языках. Так, можно представить себе в качестве объекта типологического исследования систему личных местоимений в таких-то языках или систему суффиксальных морфем, образующих имена деятеля и т. д.

В зависимости от более частных и конкретных задач и объектов, подвергающихся исследованию, частная типология включает *историческую*, или *диахроническую*, типологию, перед которой стоят задачи изучения исторических изменений типологии состояний отдельных языков, типологии структуры отдельных языков и групп языков; например, переход языков от синтетического типа к аналитическому или изменение структуры грамматических категорий, характеризующих

---

¹ Там же.

данную часть речи в древний, средний или новый период истории языка.

Типологические исследования могут проводиться как в области отдельных подсистем, так и отдельных уровней языков, например, в области фонологических систем, в области морфологических систем, в области как лексических систем в целом, так и типологии слова. Работы этого цикла составят так называемую *уровневую*, или *аспектную*, типологию, или *типологию подсистем*.

Наконец, можно выделить также и *ареальную* типологию, в задачи которой входит исследование общих типологических характеристик и закономерностей языков, находящихся на какой-либо определенной территории, или ареале, например: установление типологических признаков языков Балканского полуострова или языков Восточно-Сибирского ареала, таких, как становление постпозитивного артикля в болгарском, албанском и румынском языках; ср.: болг. рѣчникът — *словарь*, планината — *гора*; слънцето — *солнце* и т. д.

Потребности обучения иностранным языкам с настоятельностью требуют научно обоснованного исследования и описания основных типологических особенностей фонологического, морфологического и синтаксического строя, а также лексической системы иностранного и родного языков. Поэтому определение как общего типа, так и типологических характеристик отдельных уровней иностранного и родного языков представляет собой вполне актуальную проблему.

Для педагогического процесса обучения иностранному языку основное значение имеет выявление типологически важных структурных отличий иностранного языка от родного языка учащихся, с которым они постоянно сравнивают изучаемый иностранный язык и от которого они постоянно отталкиваются.

Как показывают многочисленные наблюдения и экспериментальные исследования, родной язык учащихся всегда обуславливает те трудности и те так называемые устойчивые ошибки, которые учащиеся допускают в процессе обучения иностранному языку.

Таким образом, в данном случае мы будем иметь дело не с установлением типологии языка в целом, а с определением типологических характеристик изучаемого языка относительно родного.

Этот вид типологических исследований мы условно называем *сравнительной типологией родного и иностранного языков*, которая представляет собой один из разделов частной типологии.

Освещению проблем этого раздела типологии и посвящается данная книга.

Курс сравнительной типологии английского и русского языков ставит перед собой задачу научить студентов выявлять наиболее существенные типологические характеристики (признаки) английского и русского языков, показать те методы и приемы, с помощью которых

можно сопоставлять структуру этих языков и учитывать компоненты структуры английского языка, отсутствующие в родном языке учащихся, а также и средства, используемые для их передачи на родном языке студентов.

Историческая типология как одно из обоснований периодизации истории языка

В процессе исторического развития в фонологической системе языка, его грамматической структуре, его словарном составе происходят различные изменения. Некоторые изменения, например, переход существительных из одной основы в другую, слияние одного падежа с другим, появление новой временной формы, носят частный характер, затрагивая лишь отдельные категории или микросистемы. Другие изменения, как, например, превращение трехморфемного слова в одноморфемное (ср.: др. герм. *dagaR > да. ðæg > на. day — *день*; др. герм. *skaunis > нн. schön — *красивый*) или утрата согласования зависимого компонента со стержневым в роде, числе и падеже и замена его примыканием в атрибутивных словосочетаниях (как, например, в английском языке XV в.: вследствие отпадения слабого [ə] (в графике *e*) прилагательные утратили согласование как форму выражения синтаксической связи) носят глубокий характер, затрагивая всю структуру языка; они приводят к изменению типологии языка. Поэтому изменения этого типа мы будем называть *типологическими изменениями*. Такого рода изменения имеют самое непосредственное отношение к периодизации истории соответствующего языка. Так, замена согласования примыканием является одним из критериев, характеризующих новоанглийский период.

Названное выше изменение трехморфемного слова в одноморфемное имело место не только в английском языке. Древние индоевропейские языки: санскрит, древнегреческий, латинский, славянский, древнегерманские языки — все имели в далеком прошлом трехморфемную структуру; ср.: рус. *неб-ес-а*, *врем-ен-а*; лат. *hom-in-is* — *человека*, *virtut-em* — *добродетель* (вин. пад. ед. ч.). Трехморфемная структура, следовательно, может рассматриваться как одна из типологических характеристик морфологической структуры этих языков древнего периода.

В современных языках, их потомках, сохранились лишь следы прежней типологии; ср.: рус. *им-ен-а*, *знам-ен-и*, *неб-ес-а*; лат. *hom-in-um* — *людей* (род. пад. мн. ч.). Все же существительные современных языков, как правило, имеют одноморфемную или двухморфем-

ную структуру; ср.: англ. spring — *весн-а*; франц. rivière — *рек-а*; исп. ciudad — *город*.

Такое сложное изменение основных типологических признаков древних языков, происходившее по сходным закономерностям, общим для ряда языков, и, следовательно, имевшее общие черты, которые привели к изменению типологических характеристик языка, мы вслед за М. М. Гухман называем *диахронической константой*. Таким образом, *диахронические константы* — это аналогичные процессы изменения структуры ряда языков, вносящие существенные сходные изменения в их типологию и поэтому тесно связанные с их периодизацией.

Содержание термина «типология языков»

В литературе по языкознанию, как общему, так и частному, можно встретить различное понимание термина «типология».

Наиболее распространенное и, по-видимому, наиболее раннее по времени своего возникновения значение этого термина относится к названию целого раздела нашей науки — лингвистической типологии, или типологии языков.

Объем этого понятия до настоящего времени остается расплывчатым и неопределенным. Одни ученые вкладывают в него один объем понятий, одно содержание, другие — другой, что очень наглядно было продемонстрировано на совещании по типологии восточных языков в 1963 г. в Москве.

Однако большая часть языковедов сходится на понимании типологии в языкознании как учения о типах языков, которые изучаются путем сравнения, или, как теперь чаще говорят, сопоставления, как отдельных уровней, подуровней и микросистем, так и систем отдельных языков в целом и групп языков.

Типологические исследования предполагают выделение того общего, что представлено во всех языках. На это справедливо указал И. И. Мещанинов. «Общими для всех языков оказываются, — пишет он, — не только отношения между словами в составе предложения, но и такие передаваемые в языке понятия как предметность и действие, как субъект, предикат, объект, атрибут с их модальными оттенками и т. д. Это общее для всех языков ложится в основу типологических сопоставлений именно потому, что грамматическая форма его выявления на конкретном языковом материале не дает единой схемы»¹.

¹ Мещанинов И. И. Типологические сопоставления и типология систем // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. — 1958. — № 3. — С. 5.

Само собой разумеется, что выделение общих признаков языков, о чем говорилось выше, предполагает систематизацию и инвентаризацию явлений разных языков на основе их структурных признаков, что также входит как компонент в понятие «типология» в рассматриваемом значении ¹.

Типология в данном значении также включает построение на основании набора ряда свойств классов отдельных языков, группировку этих классов в более крупные классы и, наконец, установление более крупных классификационных единиц, — типов языков ².

Наряду с только что рассмотренным общим значением термина «типология языков» мы встречаемся с его более частным значением, ограничивающимся характеристикой строя отдельного языка или его отдельных микросистем. Именно в этом значении употребляет термин «типология» С. Д. Кацнельсон, когда он пишет: «Сравнивать между собой языки, с моей точки зрения, следует прежде всего не по изолированным признакам, а по отдельным микросистемам, по отдельным фрагментам структуры языка» ³. В этом же значении мы часто встречаем термин «типология» в ряде современных исследований, например: «Типология структур слога в славянских языках» ⁴ или «К вопросу о типологии консонантных систем современных германских языков» ⁵.

Термин «типология» употребляется еще в одном значении — как принцип организации языкового материала ⁶, дающий возможность составить сводку типологических характеристик какого-нибудь одного языка и тем самым наметить его место в типологической классификации. Именно в этом значении употреблено слово «типология» в статье «К типологической характеристике языка суахили» ⁷.

---

¹ См.: Успенский Б. А. Структурная типология языков. — М., 1965. — С. 10.

² См.: Ломтев Т. П. Типология языков как учение о классах и типах языков // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1965. — С. 39–47.

³ Кацнельсон С. Д. Основные задачи лингвистической типологии // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1965. — С. 75.

⁴ См.: Лекомцева М. И. Типология структур слога в славянских языках. — М., 1968.

⁵ См.: Раевский М. В. К вопросу о типологии консонантных систем современных германских языков // Структурно-типологическое описание современных германских языков. — М., 1966. — С. 277–290.

⁶ См.: Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М., 1974. — С. 526.

⁷ См.: Охтина Н. В. К типологической характеристике языка суахили // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1965. — С. 148–156.

Понятие о языковом типе и о типе языка

Одним из основных понятий лингвистической типологии является понятие «тип языка». Однако дать его точное и адекватное определение в достаточной мере трудно. Происходит это потому, что еще до настоящего времени не определился сам подход ученых к тому, что следует считать типом языка, не установлены также и те критерии, которые могли бы служить надежным основанием для определения того или иного типа языка.

Слово «тип» имеет широкое распространение как в быту, так и в научной литературе. Так, говорят о литературном типе, имея в виду литературного героя, обладающего определенными чертами, представляющими собой обобщение черт частных и конкретных лиц, которых наблюдал писатель. Говорят и пишут о различных психических типах — холерическом, сангвиническом и т. д., также подразумевая под этим некоторую совокупность определенных обобщенных признаков.

Для определения содержания понятия «тип языка» рассмотрим некоторые черты или признаки, имеющиеся в отдельных языках и составляющие их характеристику.

Начнем со структуры слова. В русском языке существует возможность расчленить подавляющее большинство слов на корень, основу, словообразовательные морфемы, словоизменительные морфемы; ср.: *врем-* (корень)-*ен* (основообразующий аффикс)-*н* (словообразовательная морфема)-*ой* (словоизменительная морфема). При этом мы обычно сталкиваемся с таким фактом, что корень (правда, не всегда) не существует самостоятельно как отдельное слово (например, *врем-*). Это также относится и к прилагательным и к глаголам; ср.: корни *черн-* и *сид-* не существуют как самостоятельные слова. Если же мы возьмем такие слова, как тур. *ау* — *месяц* или индонез. *kota* — *город*, то увидим, что в этих языках корень равен основе. Кроме того, корень по своему звуковому составу всегда будет совпадать с целым словом, то есть тур. *ау*-(корень) *ау* (слово); индонез. *kota*-(корень) *kota* (слово). Посмотрим теперь, какие морфемы может принимать слово в сопоставляемых языках. В русском языке мы уже видели, из каких морфем складывается слово *временной*, причем ни форма *врем-*, ни *времен-*, ни *временн-* не существуют как самостоятельные слова. Чтобы получить целое слово, способное существовать как самостоятельная лексическая единица, его нужно оформить словоизменительной морфемой, в данном случае морфемой *-ой*, сигнализирующей о том, что слово *временной* — прилагательное мужского рода, единственного числа, именительного падежа.

Если же мы возьмем турецкое слово *okul* — *школа* и будем его наращивать суффиксами, то, в отличие от русского языка, каждая

морфема, которую мы будем прибавлять, не лишит это слово его самостоятельности, а будет придавать ему новое грамматическое значение; ср.: okul — *школа*; okul + lar = okullar — *школы*; okullar + imiz = okullarimiz — *наши школы*; okullarimiz + da = okullarimizda — *в наших школах*.

Отметим еще одну интересную черту, отличающую турецкий язык от русского и от английского: полное отсутствие в турецком языке префиксов. Все лексические изменения, так же как и грамматические, производятся путем прибавления суффиксов, в то время как в русском и английском языках для тех же целей могут быть использованы как префиксы, так и суффиксы.

Если мы обратимся к структуре предложения, то увидим, что как в английском, так и в турецком наблюдается общий признак — твердый порядок слов, но в английском языке это подлежащее — сказуемое — дополнение: S + P + O (subject, predicate, object), а в турецком это подлежащее — дополнение — сказуемое S + O + P.

В русском же языке мы имеем относительно свободный порядок слов с преобладанием основного варианта: подлежащее — сказуемое — дополнение S + P + O. Однако в особых стилистических условиях русский язык допускает и другие, сравнительно редко употребляемые варианты порядка слов: O + P + S, O + S + P и P + O + S, чего ни в английском, ни в турецком языке не бывает.

Приведенные примеры, показывающие особенности структуры единицы лексического уровня — слова и единицы синтаксического уровня — предложения, наглядно свидетельствуют о том, что каждый язык обладает какими-то свойственными ему и отличающими его от других языков чертами. И эти черты или признаки сосуществуют друг с другом не просто механически, а составляют определенную и устойчивую систему.

Как показал чешский лингвист В. Скаличка¹, между явлениями языка существуют следующие виды отношений:

1) Если есть А, то есть и В. То есть, если в языке имеется явление А, например согласование в роде, как в русском, немецком, шведском, французском языках, то должно быть и В, в данном случае — грамматический род. В английском, турецком, японском, индонезийском языках отсутствует А, то есть согласование в роде, отсутствует и В, то есть в этих языках нет грамматического рода.

2) Если есть А, то, вероятно, есть и В. Этот вид отношения может получить два способа выражения: а) *изоморфизм*, то есть такое отношение, при котором, если проблема А решается определенным об-

¹ См.: Скаличка В. К вопросу о типологии // ВЯ. — 1966. — №4. — С. 26–27.

разом, то также будет решаться и проблема В. Так, если в языке имеется много классов склонения, как, например, в древнеанглийском, древнерусском и других индоевропейских языках, где было несколько классов склонения с основами на гласный и на согласный, то в этих же языках имеется несколько классов спряжения: семь классов сильных глаголов и три класса слабых глаголов; б) *компенсация*, то есть такое отношение, при котором, если язык располагает двумя средствами для выражения одного грамматического явления, то есть основания предполагать, что найдется такой язык, который использует лишь одно из этих средств. Так, если в языке существует грамматически значимый порядок слов, как например, в английском, тюркских, монгольских языках, то в согласовании как в синтаксическом приеме выражения связи определения с определяемым необходимости не будет, и оно проявляться в языке не будет.

3) Если есть А, то может быть и В. Этот вид отношения, хотя и носит чисто случайный характер, все же может быть учтен при определении типологических свойств данного языка.

Современное языкознание исходит из понимания языка как системы, в которой отдельные ее элементы, материально оформленные единицы — фонемы, морфемы, слова и т.д. — находятся в определенных, строго установленных в данном языке отношениях. Этим предопределяется то основное положение, что в языке как в очень хорошо отработанной системе одно явление может быть обусловлено другим или же само обуславливает другое явление. С другой стороны, каждый элемент системы в силу того же принципа оказывается взаимосвязанным со множеством других элементов этой системы.

Приведенные примеры служат иллюстрацией того, что было показано выше. Поэтому нам трудно согласиться с определением типа языка, которое предложил В. Скаличка и которое гласит: «Совокупность таких благоприятствующих друг другу явлений (то есть, если есть А, то есть и В. — В. А.) мы называем типом»¹. Не можем мы также согласиться и с другим определением того же автора, которое звучит так: «Сумма свободно сосуществующих явлений называется типом»². Эти оба определения вызывают тем большее недоумение, что автор все время подчеркивает, что отдельные явления языка находятся во взаимосвязи, а как раз этот-то критерий и выпал из определения типа языка.

Т. П. Ломтев определяет тип отдельного языка как набор признаков, «общих для некоторого подмножества общего множества язы-

¹ Скаличка В. К вопросу о типологии // ВЯ. — 1966. — № 4. — С. 27.

² Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III. — С. 34.

ков»¹. Однако это определение типа языка имеет отвлеченный характер и мало чем способствует раскрытию понятия «тип» в приложении к отдельно взятому языку.

Не получило четкого определения это понятие и в большом труде по общему языкознанию, где сказано, что «тип языка — это строй языка»².

Между тем анализ строя различных языков, как родственных, так и неродственных, показывает, что в структуре каждого языка сосуществуют черты, характеризующие различные типы языков. Так, в английском языке, исторически несомненно флективном, как и все индоевропейские языки, явно просматриваются черты агглютинативного типа: однозначность словоизменяемых морфем (морфем множественного числа *-es*, *-en*, которые ничего, кроме числа, не обозначают), отсутствие категории грамматического рода и связанное с ним отсутствие согласования существительного, прилагательного и притяжательных местоимений; ср.: англ. *the new town — the new towns*; тур. *yeni şehir — yeni şehirler*; ср. рус. *новый город — новые города*.

В то же время в английском языке порядок слов в предложении полностью совпадает с порядком слов в простом предложении в китайском языке, в котором преобладают черты изолирующего типа: S (подлежащее) + P (сказуемое) + O (дополнение).

В русском языке, в котором преобладают черты синтетического строя, можно обнаружить признаки аналитического строя; ср. образование форм будущего времени и степеней сравнения.

Из приведенных примеров становится очевидным, что так называемых «чистых» языковых типов в действительности не существует. В структуре каждого языка можно обнаружить признаки различных типов. Но, как бывает в таких случаях, типология языка определяется по преобладающим в нем признакам, которые в противоположность типологическим взглядам лингвистов XIX в. черпаются из всех уровней структуры языка.

Все сказанное выше дает нам основание сформулировать наше понимание типа языка следующим образом: *под типом отдельного языка мы понимаем устойчивую совокупность ведущих признаков языка, находящихся между собой в определенных связях, причем наличие или отсутствие какого-нибудь одного признака обуславливает наличие или отсутствие другого признака или других признаков.*

---

¹ Ломтев Т. П. Типология языков как учение о классах и типах языков // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1965. — С. 41.

² Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М., 1972. — Гл. VIII: Лингвистическая типология. — С. 517.

В связи с этим определением возникает и другое определение. Как мы уже говорили, в структуре языка могут иметься черты, не являющиеся ведущими для данного его состояния, но тем не менее образующие некоторую устойчивую совокупность признаков. Так, в английском языке мы можем обнаружить черты, пережиточно в нем сохранившиеся и относящиеся к другому типу языковой структуры: при наличии признаков, характеризующих английский язык как агглютинативный (отсутствие согласования), мы находим в нем согласование в числе указательных местоимений и существительных, к которым они относятся; ср.:

this town — these towns
that town — those towns

Наличие таких признаков и составляет то, что мы называем *типом в языке*.

Сопоставляя различные родственные и неродственные языки, мы можем обнаружить в них некоторые сходные признаки. Так, во всех тюркских языках мы находим одни и те же признаки: 1) сингармонизм, — основной признак на фонологическом уровне; 2) однозначность аффиксов; 3) отсутствие согласования как типа синтаксической связи; 4) положение определения перед определяемым; 5) наличие развернутых членов предложения вместо придаточных предложений и некоторые другие признаки, которые образуют устойчивую совокупность.

Такая *устойчивая совокупность ведущих признаков, общих для ряда языков, образует определенный языковой тип*.

В типологии XIX в. было установлено четыре языковых типа: *флективный*, к которому были отнесены индоевропейские и семитские языки; *агглютинативный* — тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, японский языки; *изолирующий* — языки китайской группы; *полисинтетический* — чукотско-камчадалские языки и языки американских индейцев за исключением языков кечуа и аймара в Перу и Боливии, которые относятся к агглютинативным языкам.

Эта классификация языков была произведена на основании учета признаков и свойств формальных сторон слова, его способности присоединять словоизменительные и словообразовательные морфемы.

В современной науке типологическая характеристика языка составляется не только на основании учета типа формы, но и на основании учета типа отношений. Кроме того, определение типологических признаков производится по уровням языка.

Учет всех вышеприведенных данных привел В. Скаличку к выводу о существовании в языках мира пяти языковых типов: флективного, интрофлективного, агглютинативного, изолирующего и полисинтети-

ческого. При этом он подчеркивает, что в каждом конкретном языке эти различные типы реализуются одновременно. Этот вывод свидетельствует о том, что языковой тип представляет собой некоторое абстрактное понятие, которое проявляется в каждом конкретном языке или группе языков. В то же время наблюдения над естественными языками показывают, что ни один из реально существующих языков по своим признакам не может быть признан адекватным ни одному из названных пяти типов. Эти данные привели к возникновению идеи о необходимости создания идеального искусственного языка-эталона, о чем будет сказано ниже (с. 30–32).

В. Скаличка сделал попытку установить признаки, которые образуют тот или другой тип. Но выделил он по преимуществу только грамматические признаки. Одним из таких признаков он считает твердый порядок слов в предложении для агглютинативного, флективного и изолирующего типов. Но для флективного и изолирующего типов этот порядок такой: S (подлежащее) + P (сказуемое) + O (дополнение), в то время как для агглютинативного типа это S + O + P. Ср.: тур. *ben bir kitap okuyorum* — букв. *я книгу читаю*, где *ben* — я, *bir kitap* — *одна книга, одну книгу*, *okuyorum* — *читаю*; япон. *ватакуси ва хон о йомимас* — букв. *я книгу читаю*, где *ватакуси ва* — я, *хон о* — *книгу*, *йомимас* — *читаю*.

А вот примеры из языков, которые исторически считаются флективными: рус. *я читаю книгу*; англ. *I am reading a book*; нем. *Ich lese ein Buch*; франц. *je lis un livre*.

Во всех этих примерах сказуемое предшествует дополнению. Однако не во всех флективных языках мы наблюдаем такую картину. В языках кельтской группы — ирландском и уэльском — сказуемое занимает первое место.

Далее В. Скаличка отмечает в агглютинативных языках обилие причастий, деепричастий, инфинитивов и глагольных имен, чего нельзя сказать о других языковых типах.

В то же время флективный тип характеризуется четким противопоставлением частей речи, так как каждая часть речи в этих языках обычно имеет свои, свойственные ей морфологические показатели; ср.: *певец* — *пение* — существительные, *певчий* — *певческий* — прилагательные, но *петь*, *спеть*, *запеть*, *пою*, *пел* — глаголы.

Однако английский язык в современном его состоянии благодаря развитию так называемой конверсии приобрел признаки, свойственные агглютинативному или изолирующему типу, где части речи различаются слабо; ср.: тур. *soğuk* — *холодный* и *soğuk* — *холод*; англ. *cold* — *холод, простуда* и *cold* — *холодный*; *look* — *смотреть*, *look* — *взгляд*.

Типологические признаки, установленные В. Скаличкой, можно для лучшего обозрения представить в виде таблицы.

Таблица типологических признаков (по данным В. Скалички ¹⁾)

№ п/п	Языковой тип	Флективный	Интрофлексивный	Агглютинативный	Изолирующий	Полисинтетический
	Типологические признаки					
1	2	3	4	5	6	7
1.	Противопоставление корневых и служебных элементов	- ²	+ ³	+	+	+
2.	Противопоставление словообразовательных элементов и окончаний	+	-	-	+	⁴
3.	Противопоставление частей речи	+		-	-	-
4.	Формальные слова	+	-	-	+	
5.	Согласование	+		-	-	-
6.	Порядок слов: а) твердый б) свободный			+	+	+
7.	Словообразовательные элементы	-		+	-	-
8.	Сложные слова-предложения	-	-	-	-	+
9.	Синонимия и омонимия грамматических элементов	+		-	-	-
10.	Грамматический род или классы существительных	+		-	-	
11.	Категория предложения	+		-	+	
12.	Категория слова	+		+	-	-
13.	Порядок слов: а) S + P + O б) S + O + P	+			+	
14.	Наличие причастий, деепричастий, инфинитивов			+		
15.	Развитость подчиненных предложений	+		-	+	
16.	Количество: а) гласных б) согласных	+				
		-		-	+	

¹ Скаличка В. К вопросу о типологии // ВЯ. — 1966. — № 4. — С. 29–30.² Знак - обозначает слабую степень признака.³ Знак + обозначает сильную степень признака.⁴ Пустые клетки обозначают, что у В. Скалички данных нет.

1	2	3	4	5	6	7
17.	Инкорпорирование					+
18.	Вставки внутрь морфемы грамматических и словообразовательных элементов		+			

Рассмотрение приведенных в таблице данных показывает, что 1) они носят лишь предварительный характер и не включают типологических признаков слова, его морфологической структуры, данных о типах словообразовательных средств языка; 2) отсутствует учет языков с эргативным строем предложения и в связи с этим категории переходных и непереходных глаголов, что представляет собой, по нашему мнению, важный типологический признак; 3) недостаточно ясно выражен критерий количества гласных и согласных в различных языковых типах: отмечается, что для флективного типа характерно большое количество гласных. Между тем в ряде флективных языков, как, например, в русском, новогреческом и некоторых других, число гласных ограничено пятью-шестью.

В связи с вопросом о типологических признаках или критериях, определяющих языковой тип, полезно остановиться на характеристике агглютинативного строя, данной Б. А. Серебренниковым¹. Причину устойчивости этого строя он видит в наличии двух факторов: 1) отсутствие в языках этого типа деления имен существительных по классам, что имело место в древних индоевропейских языках и имело свои последствия в переходе этих языков от синтетического к аналитическому строю; 2) наличие твердого порядка слов: определение + определяемое.

В древних индоевропейских языках имя существительное имело трехморфемную структуру: корень + основообразующий суффикс, образывавший вместе с корнем основу, и падежную флексию. Основообразующие суффиксы были различны, следовательно, и основы имен существительных были различны.

В результате последовавшей десемантизации основообразующего суффикса он превратился в чисто фонетический компонент слова и, взаимодействуя с падежной морфемой, слился с ней, вызвав к жизни, во-первых, переход трехморфемной структуры слова в двухморфемную и, во-вторых, образование омонимичных падежных форм, что мы находим во всех древнегерманских языках; ср.: им., вин. ед. ч. wudu; род., дат. ед. ч.; им., род., вин. мн. ч. wuda. Дальнейшее развитие этого процесса привело к отмиранию падежной системы

¹ См.: *Серебренников Б. А. О причинах устойчивости агглютинативного строя // ВЯ. — 1963. — № 1. — С. 46–56.*

и к переходу синтетических языков в аналитические, как это имело место в английском, нидерландском и других германских языках.

Ничего подобного в языках агглютинативного типа не происходило. Там падежные морфемы присоединялись к неизменяемому корню-основе, вследствие чего не могли возникнуть падежные варианты, расшатавшие индоевропейскую систему склонения. Морфологические швы, то есть места соединения падежной морфемы с корневой, на протяжении веков оставались неизменными, что и послужило одной из причин устойчивости агглютинативного строя.

Твердый порядок словосочетания: определение — определяемое следует понимать в широком смысле. В языках агглютинативного типа определение может быть выражено одним словом — прилагательным, существительным, причастием; может быть выражено атрибутивным словосочетанием и, наконец, сложным по своей структуре развернутым членом предложения; ср.: *siz bana dün verdiğiniz kitabı memnuniyetle okudum* — *я прочел с удовольствием книгу которую вы мне вчера дали*, букв.: *вы мне вчера давший-вы книгу удовольствие-с прочел-я*.

Б. А. Серебренников видит причину отсутствия склонения прилагательных в языках этого типа в развитии способа примыкания, имеющего в них самое широкое распространение.

Анализируя структуру языков агглютинативного строя, Б. А. Серебренников наглядно показывает, как все основные признаки этого типа взаимосвязаны и взаимозависимы, что может служить дополнительным подтверждением того, что *типологические признаки, образующие тот или иной тип, во-первых, представляют собой некоторую устойчивую совокупность, во-вторых, эту совокупность нельзя рассматривать как свободно существующую, а, наоборот, следует рассматривать как взаимообусловленную и взаимозависимую, в которой каждый признак связан с другим и обусловлен другим признаком, и, наконец, в-третьих, эти признаки следует рассматривать как ведущие при возможном наличии других признаков, занимающих подчиненное положение и не включающихся в характеристику данного языкового типа.*

Уровни типологического исследования

В начале нашего изложения мы отмечали, что каждый язык обладает своей, характерной для него структурой, под которой следует понимать его внутреннюю организацию.

Последняя представляет собой сложную систему связей и отношений неограниченного числа единиц различных уровней: фонем, морфем, слов и т. п.

Эти единицы, различаясь между собой во многих планах и отношениях, обладают в то же время рядом общих свойств и признаков, например, словоизменительные морфемы обладают общим свойством использоваться в рамках слова в качестве аффиксов. Фонемы, не имея самостоятельного значения, то есть будучи единицами односторонними, служат материалом для образования морфем и слов и в то же время обладают различительными, или дистинктивными, признаками. Эти свойства дают возможность объединять различные единицы языка по признаку их общности в совокупности различной величины, называемые подсистемами. Так, мы можем говорить о подсистеме фонем, подсистеме морфем и т. д.

Эти подсистемы не существуют изолированно в структуре языка, они связаны между собой различными связями и отношениями. От числа фонем и их типов в конкретном языке зависит структура слова, его протяженность. Слова используются для построения словосочетаний и предложений. Из сказанного следует, что не все подсистемы занимают в структуре языка одинаковое положение. Одни как бы являются основанием для других, а те в свою очередь служат основанием для третьих и т. д. Таким образом, создается ярусная организация структуры языка. Каждый из ярусов представляет собой уровень языка, в котором объединены однотипные единицы, обладающие определенными свойствами, признаками и системой отношений. В состав уровней языка входят уровни *фонетический*, *фонологический*, *морфемный*, *морфологический*, *синтаксический* и *уровень слова*.

Объектом изучения в типологии, кроме этих относительно крупных уровней, могут служить и отдельные микросистемы, входящие в данный языковой уровень, например, *микросистема времени* или *микросистема словопроизводства* и т. д.

Понятие изоморфизма и алломорфизма

Для типологии очень важно установить сходство или подобие систем различного объема и масштаба.

Такое подобие, или параллелизм, отдельных звеньев структуры языка, отдельных микро- или макроструктур, ее составляющих, получило название *изоморфизм*.

Термин «изоморфизм» был введен в лингвистический обиход польским языковедом Е. Куриловичем¹ из математики, где он обозначает тождество, подобие внутреннего устройства двух систем чисел.

---

¹ См.: *Kurilowicz J. La notion de l'isomorphisme // Recherches structurales TSLC. — V., 1949; То же. Понятие изоморфизма / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. — М., 1962.*

В отличие от Е. Куриловича Э. А. Макаев определяет изоморфизм как «однотипность структуры конститутивных языковых единиц различных уровней, следствием чего является или может являться однотипность отношений между этими единицами на разных уровнях»¹.

Такое понимание изоморфизма, по мнению Э. А. Макаева, отражает особенности структуры языка и связано с его различными уровнями. Оно будет способствовать выявлению однотипного характера структур единиц различных уровней, таких, как ограниченное количество инвариантов при неограниченном числе вариантов, наличие парадигм, образуемых единицами всех уровней; дает возможность реконструировать различные уровни языка, что имеет отношение к построению типологической грамматики. Э. А. Макаев полагает также, что при описании уровней языка и установлении однотипности их структуры наиболее эффективными окажутся дистрибутивный и трансформационный анализы².

По нашему мнению, одной из целей топологического описания языка следует считать выявление изоморфизма различных языков, то есть установление подобия или сходства не только микросистем, но также и подсистем и целых систем ряда языков.

Изоморфизму противостоит *алломорфизм*, свидетельствующий о разнотипности структуры языковых единиц, составляющих данный уровень.

Понятие об универсалиях и о значении типологии для их определения

Если мы сравним структуру нескольких языков, например, русского, английского, немецкого и французского, то мы легко обнаружим в них ряд общих черт. Так, в каждом из этих языков мы находим систему гласных и согласных. Но в одних языках гласных фонем меньше, а согласных фонем больше, и сам их состав иногда значительно отличен. Примером может служить русский язык, в котором имеется всего 6 гласных фонем, не различающихся по долготе и краткости, и 34 согласных фонемы. На другом конце сопоставляемых явлений оказывается английский язык, в котором мы находим не только 10 монофтонгов с избыточным признаком долготы и краткости, но также 9 дифтонгов и 2 дифтонгоида. Этому обильному числу гласных фонем противостоит 25 согласных фонем.

¹ Макаев Э. А. К вопросу об изоморфизме // ВЯ. — 1961. — № 5. — С. 51.

² Там же. — С. 55–56.

Анализируя звуковой строй других языков, даже самых далеких от русского и английского, мы легко убеждаемся в том, что и там обязательно существует система гласных и согласных фонем. Иначе говоря, мы не можем себе представить такой язык, где бы отсутствовали, например, гласные или согласные. Таким образом, факт наличия в структуре языка системы гласных и системы согласных носит всеобщий, универсальный характер.

В подавляющем большинстве известных науке языков существует, например, форма настоящего времени глагола. Но в английском языке существуют две формы настоящего времени, которые противостоят одной форме настоящего времени русского, французского и немецкого языков. Тем не менее форма настоящего времени носит всеобщий, универсальный характер, несмотря на некоторые отклонения в английском языке. Мы также не можем представить себе такой язык, который бы не имел слов или в котором не существовало бы предложений.

Все эти и им подобные факты носят всеобщий языковой характер, отражая определенные закономерности структуры, свойственные всем языкам.

Такие закономерности, общие для всех или для большинства языков, получили название *языковых универсалий*.

Приведенное выше определение, данное Б. А. Успенским¹, относится преимущественно к универсалиям, характеризующим язык в синхронном плане. Этот тип универсалий можно поэтому назвать описательными или абсолютными универсалиями.

Абсолютные универсалии как закономерности, свойственные всем языкам, благодаря своему всеобщему языковому характеру могут быть использованы для выделения универсалий, свойственных только языковым системам в отличие от любых других систем, например различных семиотических систем. Поэтому мы можем говорить о лингвистических и об экстралингвистических универсалиях, например об универсалиях, свойственных той или другой системе знаков в отличие от системы знаков языка; ср.: универсалия «2.1 Вокально-слуховой канал. Канал для любой языковой коммуникации является вокально-слуховым»², в отличие от животных, у которых коммуникация может быть слуховой, но не голосовой.

Однако поскольку абсолютные универсалии не дают возможности выявить специфические признаки отдельных языков или групп язы-

---

¹ См.: Успенский Б. А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. — М., 1970. — Вып. V. — С. 10.

² Хоккетт У. Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. — М., 1970. — Вып. V. — С. 45.

ков, то приходится признать, что большее значение для типологии приобретают те явления и факты лингвистического характера, которые представлены не во всех, а в подавляющем большинстве языков. Так, в ряде индоевропейских языков существует система падежей, начиная с 8 падежей, как в языке маратхи в Центральной Индии, и кончая двумя падежами, как в скандинавских языках — шведском, датском, норвежском. С другой стороны, в составе индоевропейских языков имеется ряд языков, в которых не существует склонения в системе существительных. Это болгарский, французский, испанский, английский языки.

Группировка индоевропейских языков по критерию наличия — отсутствия системы склонения является важным типологическим признаком классификации языков. В данном случае факт наличия системы склонения, признак, общий для значительного числа языков, может рассматриваться как языковая универсалия. С другой стороны, отсутствие системы склонения, черта, также общая для ряда языков, может быть воспринято как языковая универсалия. Таким образом, можно получить классификационный показатель, основанный на оппозиции языки, имеющие систему склонения ↔ языки, не имеющие системы склонения.

Наряду с универсалиями, имеющими описательный, или статический, характер и определяющими типологию языка в синхронном плане, необходимо говорить об универсалиях диахронических, характеризующих процесс движения или развития в языке. Логическая структура этих универсалий формулируется так: «Для всех x и всех y где x есть более раннее, а y — позднейшее состояние того же языка...»¹. Это означает, что некоторое состояние языка x изменяется в состояние y ; и этот процесс имеет общие черты в ряде языков, как генетически родственных, так и неродственных. Это можно показать на ряде конкретных примеров.

Наблюдения над развитием фонем [k] > [tʃ] безусловно носят характер универсалии. Так, в древнерусском языке фонема [к] перед гласным переднего ряда [э] систематически переходила в [ч]; ср.: *пеку* — *печешь* — *печет*, но *пекут*; *крепкий* — *крепче* и т. д. В древнеанглийском языке согласный [k] изменялся в [tʃ] в течении IX-XI вв.; ср.: да. *sēosan* > са. *chesen* > на. *choose*. В шведском языке мы находим тот же процесс, причем шведская орфография сохранила следы этого изменения; ср.: швед. *köra* [çø:pa] *покупать* < лат. сауро. То же явление мы наблюдаем в итальянском языке; ср.: лат. *centum* [kɛntum] > итал. *cento* [tʃɛnto] — *сто* и т. д.

¹ Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. — М., 1970. — Вып. V. — С. 40.

Мы, следовательно, видим, что совершенно одинаковые и независимые друг от друга процессы развития в нескольких языках имеют общий характер. Это дает нам право рассматривать изменение фонемы [k] > [tʃ] перед гласным переднего ряда как своего рода языковую универсалию диахронического характера.

Такую же диахроническую универсалию можно видеть в факте удлинения кратких гласных под ударением во втором слоге от конца; ср.: са. XII в. *maken* > XIII в. *māken*.

Не менее интересными могут считаться и морфологические универсалии, такие, как редукция окончаний в неударных слогах (наблюдается в английском, нидерландском, русском, французском языках), а также исчезновение форм двойственного числа, бытовавшего в большей части известных нам древних индоевропейских языков.

Приведенные примеры позволяют дополнить определение языковых универсалий, данное выше, и принять как более полное определение языковой (лингвистической) универсалии, предложенное Б. А. Серебренниковым, которое звучит так: «Языковая универсалия — это единообразный, изоморфный способ выражения внутрисистемных отношений языковых элементов, или однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира»¹.

Мысли об универсальности языковых явлений появились еще в средние века и получили свое воплощение в попытке создать единую для всех тогда известных языков универсальную грамматику, ставившую перед собой задачу изучить те логические принципы, которые лежат в основе всех языков. При этом неправильно отождествлялись логические и языковые категории. Эта ошибочная концепция имела следствием взгляд на развитие языка как на его порчу, как на отклонение от идеального стандарта, каким на Западе считалась классическая латынь. Так родилась мысль о необходимости предохранить язык от порчи путем его фиксирования в нормативных словарях (словарь Итальянской академии делла Круска, 1612 г.; словарь Французской академии, 1694 г.; словарь Сэмюэла Джонсона, 1755 г.).

Однако подлинное начало разработки проблемы универсалий следует отнести к середине XX в. В 1957 г. на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло Р. Якобсон в своем докладе о значении типологических исследований для сравнительно-исторического языкознания, касаясь универсалий, подчеркнул, что типология вскрывает законы предугадываемости явлений (импликации), лежащие в основе

---

¹ *Серебренников Б. А. О лингвистических универсалиях // ВЯ. — 1972. — № 2. — С. 5.*

различных уровней структуры языков. Это означает, что наличие элемента А предполагает наличие или отсутствие элемента В ¹.

Важным этапом для разработки проблемы универсалий была конференция по языковым универсалиям, которая состоялась в Нью-Йорке в 1961 г. На этой конференции был заслушан доклад Р. Якобсона о значении лингвистических универсалий для языкознания ², а также обсуждался «Меморандум о языковых универсалиях», подписанный Дж. Гринбергом, Дж. Дженкинсом и Ч. Осгудом. В этом меморандуме языковые универсалии определяются как обобщенные высказывания «о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке» ³. В меморандуме рассматриваются универсалии различных типов, а также показана сфера действия универсалий и намечена программа дальнейшей работы по исследованию проблемы универсалий.

Интерес представляют разработанные Дж. Гринбергом 45 грамматических универсалий, представляющие, по существу, первую попытку этого рода ⁴. Для примера приведем несколько универсалий ⁵.

«2. В языках с предлогами генитив почти всегда следует за управляющим существительным, а в языках с послелогом он почти всегда предшествует ему».

Эта универсалия хорошо подтверждается на материале славянских языков: в этих языках, имеющих предлоги, существительное в родительном падеже действительно всегда следует за управляющим существительным; ср.: *крыши домов*.

¹ См.: *Jakobson R. Typological Studies and Their Contribution to Historical Comparative Linguistics // Proceedings of the Eighth International Congress of Linguistics. — Oslo, 1958. — Pp. 17–25; То же, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III. — С. 95–105.*

² См.: *Jakobson R. Implications of Language Universals for Linguistics // Universals of Language. — Cambridge (Mass.), 1966. — Pp. 263–278; То же. Значение лингвистических универсалий для языкознания // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. — Ч. II. — С. 383–395.*

³ *Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. — М., 1970. — Вып. V. — С. 31.*

⁴ См.: *Greenberg J. H. Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements // Universals of Language. — Cambridge (Mass.), 1963; То же. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов: Приложение III // Новое в лингвистике. М., 1970. — Вып. V. — С. 158–162.*

⁵ Номер универсалии дается тот же, что в работе Дж. Гринберга.

В тюркских, финно-угорских и некоторых других языках, не имеющих предлогов, форма существительного в родительном падеже, как правило, предшествует управляющему существительному; ср.: тур. *kardeşimin çantası* — *портфель моего брата* (где *kardeşim* — *мой брат*, *çanta* — *портфель*); фин. *Leningradin kadut* (где *Leningrad* — *Ленинград*, *kadut* — *улицы*).

«27. Если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогами; если язык исключительно префиксальный, то это язык с предлогами». Примером языков первого типа служат языки тюркские, монгольские, японский; примером языков второго типа могут служить языки индонезийской группы.

Более полная разработка универсалий, относящихся к фонологии, фонетике, морфонологии и грамматике, принадлежит нашему ученому, автору солидного труда по типологии Б. А. Успенскому¹. Особый интерес представляет собой приложение № 11 к этой книге, содержащее обширный список универсалий из области фонологии и грамматики (с. 182–222).

В 1966 г. в Москве состоялась конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков, на которой обсуждались вопросы теории языковых универсалий. Результаты работы этой конференции получили свое отражение в сборнике «Языковые универсалии и лингвистическая типология»². В нем имеется приложение, содержащее новые универсалии, предложенные докладчиками в дополнение к тем, которые даны в книге Б. А. Успенского.

Дальнейшая разработка проблемы универсалий в нашей стране связана с именами ряда отечественных ученых. Были уточнены такие понятия, как универсальные дефиниции, под которыми следует понимать дедуктивно выводимое знание, касающееся аналитических средств нашей науки, и лингвистические универсалии, представляющие собой обобщение наблюдаемых фактов языка, полученные индуктивным путем (Ю. В. Рождественский³). Были предложены новые универсалии, представляющие собой выражение отношения актантов к действию и субъектно-предикатных отношений, и была показана зависимость между способом выражения названных универсалий и характером структуры слов в разных языках (В. З. Панфилов⁴).

¹ См.: Успенский Б. А. Структурная типология языков. — М., 1965.

² См.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. — М., 1969. — С. 342.

³ См.: Рождественский Ю. В. О лингвистических универсалиях // ВЯ. — 1968. — № 2. — С. 3–13.

⁴ См.: Панфилов В. З. Языковые универсалии и типология предложения // ВЯ. — 1974. — № 5. — С. 3–16.

Синхронный состав универсалий был дополнен диахронными универсалиями (Б. А. Серебренников ¹). Была высказана мысль о необходимости замены отношения «форма — значение» более широким отношением «форма — функция — значение», которое складывается из отношений «форма — функция» и «функция — значение». Импликационные универсалии дают возможность установить некоторую сумму признаков, на основании которых можно будет установить типологическую принадлежность исследуемого языка (В. Н. Ярцева ²).

Разработанная учеными теория универсалий имеет ряд недостатков, к числу которых следует отнести априоризм, или недостаточную обоснованность реальными фактами методики определения языковых типов, недостаточное понимание причин, обуславливающих ту или иную универсалию.

Однако, несмотря на эти недостатки, теория универсалий имеет очень большое значение, так как дает возможность установить, насколько правомерны и справедливы гипотезы, которые выдвигаются учеными в связи с теми или иными проблемами ³.

Понятие о языке-эталоне

Для того чтобы определить черты, сходные в нескольких языках (изоморфизм), или черты, различающиеся в них (алломорфизм), необходимо эти языки сравнить друг с другом или, как чаще говорят, сопоставить один с другим. При таком сопоставлении один из языков оказывается измерителем, а тот язык, который сравнивают, — измеряемым. Так, в случае сопоставления иностранного языка с родным иностранный язык будет той величиной, которая определяется или описывается относительно родного языка, в данном случае условно принимаемого за единицу измерения, или за эталон.

Но структура родного языка может быть различной. Поэтому результаты сопоставления с родным языком типа русского языка будут одни, а результаты сопоставления с родным языком другой структуры, например с французским, будут совершенно другие.

Следовательно, сопоставление с родным языком, условно принятым за эталон, не имеет абсолютного характера и приводит к весьма относительным результатам, не дающим надежных научных оснований для каких-либо выводов.

---

¹ См.: *Серебренников Б. А. О лингвистических универсалиях // ВЯ. — 1972. — № 2. — С. 3–16.*

² См.: *Ярцева В. Н. Типология языков и проблема универсалий // ВЯ. — 1976. — № 2. — С. 6–16.*

³ См.: *Серебренников Б. А. О лингвистических универсалиях // ВЯ. — 1972. — № 2. — С. 3–16.*

Типология языков как особый раздел науки имеет дело с неограниченным числом языков. Это могут быть языки, имеющие генетическое сходство, например языки индоевропейские; это могут быть языки, ограниченные определенным ареалом, например балканские языки. Наконец, это могут быть языки, отмеченные каким-либо языковым признаком, принятым в качестве определяющего критерия, например: языки, в которых представлены пространственные падежи, или языки, в которых дополнение предшествует сказуемому, и т. д.

Из сказанного становится ясно, что научное описание языка, определение его типологии не будет носить безусловный характер, если не будет найден эталон, то есть такой измеритель, с которым можно было бы соизмерить или сопоставить любой известный науке язык.

Б. А. Успенский предлагает различать два языка-эталона — *минимальный*, под которым он понимает «теоретико-множественное произведение всех характеризующих (в определенном аспекте) языков (моделей), то есть как инвариантную для всех этих языков модель»¹, и *максимальный*, который представляет собой «теоретико-множественную сумму всех признаков описываемых языков (моделей)»². Иными словами, минимальный язык-эталон должен соединять в себе типологические признаки того уровня, или аспекта, всех языков, который подлежит исследованию. Максимальный же язык-эталон должен соединять в себе совокупность всех признаков описываемых языков. Но какой же из существующих естественных языков может удовлетворить перечисленным выше условиям?

Б. А. Успенский предлагает рассматривать в качестве языка-эталона аморфные языки, которые, как он полагает, имеют наиболее простую структуру и в которых наиболее четко и последовательно выражены общие для всех языков инвариантные отношения³. Он полагает, что структуру любого языка можно охарактеризовать по схеме: «аморфная структура + введение обязательных служебных элементов (не являющихся элементами-скобками) + распространение обязательных служебных элементов + введение алгоритма согласования + синтетизм элементов»⁴.

Однако в действительности аморфные языки, как показал Н. Н. Коротков⁵, по своей структуре гораздо сложнее того идеала,

¹ Успенский Б. А. Структурная типология языков. — М., 1965. — С. 63.

² Там же.

³ Успенский Б. А. Структурная типология языков. — М., 1965. — С. 132.

⁴ Там же.

⁵ См.: Коротков Н. Н. Структурная типология, язык-эталон и задачи общей теории языка // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1965. — С. 93–99.

к которому должен приближаться язык-эталон. Поэтому в настоящее время делаются попытки сконструировать некую априорную систему языка, которая могла бы выступать как язык-эталон.

Другой путь выявления типологических признаков — сопоставление классов слов разных языков. Это сопоставление проводится на основе установления значения каждого класса слов путем применения так называемых правил эквивалентности данного класса, которые показывают его сочетаемость с другими классами.

Учитывая важное значение, которое имеет язык-эталон для типологических исследований и разработки теории науки, Ю. В. Рождественский выделил ряд признаков, которым, по его мнению, должен соответствовать язык-эталон¹:

1. Язык-эталон создается для проверки и установления универсальных дефиниций и влияет на создание собственно-типологической (содержательной) теории.

Под универсальными дефинициями в данном случае имеются в виду дедуктивно выведенные положения, правила лингвистического анализа. Как отмечает Ю. В. Рождественский, язык-эталон представляет собой часть типологии.

2. Язык-эталон содержит утверждения, описывающие два рода свойств языка: утверждения, объясняющие строение всех языков без их типологических различий, и утверждения, касающиеся универсальных дефиниций, различающих языки.

3. Язык-эталон представляет собой язык-объект для типологической теории: он представляет все языки мира в одном языке.

Поскольку в языке-эталоне представлено лишь все то общее, что свойственно всем языкам мира, его можно рассматривать как некоторый типологический инвариант, от которого можно отталкиваться при установлении типологии различных языков.

4. Язык-эталон строится на генеративных основаниях и обычно пользуется символами.

5. Язык-эталон представляет собой метаязык типологии, так как он интерпретирует предшествующие типологические высказывания.

Хотя проблема языка-эталона и поставлена на повестку дня лингвистами, занимающимися проблемами типологии и универсалий, тем не менее в настоящее время наша наука ограничивается лишь теоретическими суждениями по этому вопросу и не может предложить никакого средства научного описания языков, которое бы могло претендовать на название язык-эталон.

---

¹ См.: Рождественский Ю. В. Типология слова. — М., 1969. — С. 40.

Связь типологии с другими лингвистическими дисциплинами

Курс сравнительной типологии родного и изучаемого языков строится с учетом и на основе всех теоретических курсов по языку, которые входят в учебный план факультетов или отделений иностранных языков.

Курс истории языка подготавливает студентов к пониманию тех сложных и многообразных процессов в развитии всей структуры языка и отдельных его подсистем и микросистем, которые послужили основой его современного состояния. Так, знание и отчетливое понимание тех изменений, которые происходили в английском языке в средний период (например, отпадение конечного слабого [ə] в XV в.), поможет осознать изменение его типологии, столь значительно отличной от типологии русского языка, с которым он когда-то имел столько общих типологических черт.

Знание особенностей грамматического строя современного английского языка, получаемое из *курсов нормативной и теоретической грамматики*, дает студенту представление о существующей в языке системе, которая представляет собой обобщение частного и единичного. Типология языка строит свои выводы на основе тех общих признаков, которые и составляют типологические черты языка. Так, например, категория числа в английском языке имеет различное морфологическое оформление: с помощью морфемы -(e)s, морфемы -en и чередования гласного корня. Но в типологии подлежит учету только морфема -(e)s, как имеющая общий характер, отражающий тип оформления категории числа в английском языке.

Многочисленные предложения и словосочетания, составляющие основу речи на данном языке, сводятся к определенным типам, которые в своей совокупности характеризуют *синтаксический строй данного языка* — его синтаксическую типологию. Аналогичные обобщенные данные дают в распоряжение типологии и другие теоретические курсы: *теоретической фонетики*, из которой студенты узнают о фонологической структуре языка, о суперсегментных средствах и т. д., *курс лексикологии*, который дает большой фактический материал о словообразовательной системе языка, о продуктивных средствах словопроизводства, составляющих в своих микросистемах типологические характеристики языка.

Из сказанного следует, что *типология как особый раздел языкознания строит свою теорию, опираясь на обобщенные данные наук, изучающих историческое развитие и современное состояние языка как системы систем.*

Глава 2

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Разнообразие структур различных языков, с которыми столкнулись европейцы в XVI–XVIII вв. в связи с развитием мореплавания и торговли, не могло не обратить на себя внимания ученых.

Этот интерес особенно возрос после того, как в конце XVIII–начале XIX в. европейцы познакомились с языком древней Индии санскритом, языком священных книг древних индийцев.

В противоположность многим современным европейским языкам с их относительно простой морфологией, с отсутствием системы падежей и т. д., санскрит обладал богато развитой флективной системой, делением существительных по основам, сложной фонологической системой.

Немецкий ученый Фридрих Шлегель (1772–1829), живо интересовавшийся культурой древней Индии и ее языком, автор труда «О языке и мудрости индийцев», вышедшего в 1808 г., впервые обратил внимание на различия в структуре языков и выделил две группы: *языки с аффиксами, аффиксирующие языки*, куда он отнес языки тюркские, полинезийские, а также и китайский, которые, как он полагал, выражают отношение между словами чисто механическим путем; и *языки флективные*, куда включил семитские, грузинский и французский языки.

Его брат Август Шлегель (1767–1845) переработал эту классификационную схему и выделил три класса языков: *языки без грамматической структуры, языки аффиксирующие* и *языки флективные*. Отталкиваясь от структуры флективных языков, он пришел к выводу, что китайский и языки Индокитая необходимо выделить в особую группу, так как в этих языках флексия отсутствует, а грамматические отношения выражаются с помощью порядка слов. А. Шлегелю принадлежит также деление языков на более ранние — *синтетические* и более поздние — *аналитические*.

Но истинным основоположником типологии языков как особого раздела языкознания следует считать немецкого лингвиста Вильгельма Гумбольдта (1767–1835). Этот ученый знал огромное количество языков, включая языки американских индейцев и жителей Полинезии. Необыкновенно широкий лингвистический кругозор, знакомство

с языками самой различной структуры дали В. Гумбольдту возможность разобраться в структуре этих языков и впервые предложить их типологическую классификацию.

При этом В. Гумбольдт исходил из способности слов данного языка присоединять к себе тот или иной тип морфем.

Соглашаясь в целом с типологической классификацией А. Шлегеля, В. Гумбольдт разделил все известные ему языки на четыре типа: *изолирующие языки* типа китайского, то есть языки, не имеющие словоизменительных морфем; *агглютинирующие*, или *агглютинативные*, языки типа тюркских, способные присоединять только однозначные морфемы, и *флективные языки* типа индоевропейских или семитских, способные присоединять многозначные морфемы. В особую, четвертую группу он выделил языки американских индейцев, в которых слова способны соединяться в особые слова-предложения. Этот тип языков он назвал *инкорпорирующим*.

Исходя из своей концепции о языке как об эманации человеческого духа и, по существу, отождествляя язык и психологию народа, В. Гумбольдт ошибочно полагал, что различная типология языков отражает различный культурный уровень развития народов. По его мнению, флективные языки (индоевропейские и семитские), в которых единство слова обеспечивается внешней и внутренней флексией, обладают «строго правильной» формой. Поэтому он объявлял их вершиной языкового творчества. Языки других типов он считал стоящими на более низких ступенях развития.

В своих поисках типа языка известный немецкий лингвист Франц Бопп (1791–1867), разработавший и введший сравнительный метод в исследование языков, обратил внимание на слоговой состав корней слов и на этом основании выделил языки, у которых корни слов состоят из одного слога (он назвал их моносиллабическими), и языки, у которых корни слов могут соединяться как с другими корнями, так и с различными морфемами. Далее он выделил языки, для которых типичным является двусложный и даже трехсложный характер корня, к числу которых он отнес языки семитские.

Несколько позднее другой немецкий языковед, представитель так называемого биологического направления в языкознании Август Шлейхер (1821–1868), сделал попытку уточнить классификацию В. Гумбольдта, внося в нее частные дополнения и уточнения. Учение о языковых типах он называл морфологией, а классификацию языков, основанную на различии структуры языков, — морфологической. Согласно своей биологической концепции, предполагающей развитие от простых форм к более сложным, А. Шлейхер считал, что намеченные еще братьями Шлегель три типа языков (полисинтетические языки он не выделял в отдельный тип) не просто представляют три возможных типа языков, а отражают три ступени развития языка,

то есть то же, что происходит в живой природе: кристалл ▲ растение ▲ животное. А. Шлейхер был первым ученым, использовавшим символы для обозначения компонентов структуры слова. Так, буквой А он обозначал чистый корень, буквой а, помещенной после А, то есть Аа, он обозначал суффикс, той же буквой, помещенной перед А, то есть аА, — префикс, буквой А он отмечал служебное слово. Таким образом, структуру языков изолирующих, то есть имеющих чистый корень, он обозначил знаком А. К их числу он относил китайский, бирманский языки. Формулой Аа он обозначил структуру агглютинирующих тюркских языков. Индоевропейские языки аналитического типа получили формулу $Aa \div A$ ¹.

Из предыдущего изложения можно видеть, что на заре своего развития типологические исследования отталкивались от классификации различных морфологических свойств слова, какие оно могло иметь в данном языке.

Типология первой половины XIX в. характеризовалась также попытками представить различные структурные типы языков как этапы единого процесса развития языка вообще и, следовательно, как движение от менее совершенного состояния языка к более совершенному.

Так, В. Гумбольдт и А. Шлейхер полагали, что языки изолирующего типа представляют собой архаические виды, языки агглютинирующего типа — переходные виды, языки флективные семитского и древнеиндоевропейского типа — наиболее развитые виды. Поэтому типологическая классификация, возникшая в первой половине XIX в., носила, во-первых, оценочный характер, поскольку отмечала более примитивный характер языков одного типа. Во-вторых, ученые того времени полагали, что языки, принадлежащие к одному типу, например, языки тюркские, будучи языками агглютинативными, в процессе своего развития изменят свою типологию и станут языками флективными, то есть перейдут из одного типа в другой. Иными словами, типологическая классификация того времени не только допускала типологическую эволюцию строя языков, признавая языки изолирующего типа менее совершенными по сравнению с языками флективными, но, кроме того, носила оценочный характер, то есть рассматривала одни языки как менее совершенные, а другие как более совершенные.

Следующий шаг в развитии типологии был сделан немецким языковедом Г. Штейнталем (1823–1899), учеником и последователем В. Гумбольдта.

Г. Штейнталь обратился не к отдельным словам, а к анализу синтаксических связей между словами, то есть фактически перешел

¹ См.: *Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen.* — Weimar, 1861–1862.

от явлений морфологии к синтаксису, расширив тем самым поле типологических наблюдений и добавив еще один типологический классификационный признак.

Продолжая линию исследований Г. Штейнталя, немецкий языковед Ф. Мистели выдвинул два новых критерия типологической классификации в добавление к уже существовавшим: по месту слова в предложении и по внутренней структуре слова. Первый критерий носит явно синтаксический характер и представляет собой очень существенный классификационный признак. Так, в аналитических языках, таких, как английский, шведский, норвежский и др., положение сказуемого после подлежащего строго зафиксировано, что связано с развитием аналитизма в этих языках. В тюркских же языках сказуемое, как правило, стоит в самом конце предложения, как бы замыкая его. Ф. Мистели первый разграничил корнеизолирующие языки типа китайского языка и основоизолирующие типа индонезийского языка.

Последним по времени появления работ представителем классифицирующей типологии, в которой каждый язык подводился под определенный тип, был немецкий лингвист Ф.-Н. Финк. Он, так же как и другие представители этого направления, в качестве основной типологической единицы принимал слово. Как известно, слово в языках различных типов имеет различную структуру. Поэтому в качестве критериев классификации языков он принимал: 1) массивность — фрагментарность структуры; 2) тип и способ согласования слов в предложении.

В результате своих исследований Ф.-Н. Финк выделил восемь основных типов языков, соотнеся каждый тип с конкретным языком как представителем данного типа: 1) *подчиняющий*, или *субординативный*, представителем которого он назвал турецкий язык; 2) *инкорпорирующий*, характеризующийся самым массивным строением слова, каким является гренландский язык; 3) *упорядочивающий*, в котором наблюдается очень слабая связь между служебными словами и аффиксами; характерным представителем этого типа он считает один из языков семьи банту — язык субия; 4) *корнеизолирующий* — китайский; 5) *основоизолирующий* — самоанский; 6) *корнефлектирующий* — арабский; 7) *основофлектирующий* — греческий; 8) *группофлектирующий* — грузинский ¹.

Внутри типов проводится противопоставление языков на основании учета согласования. Так, например, турецкий язык с его согласованием только существительного и глагола противопоставлен языкам банту, в которых преобладает префиксация и, кроме того, согласование проводится со всеми частями речи, кроме наречий.

¹ См.: *Finck F. N. Die Haupttypen des Sprachbaus. — 1936. — Aufl. 3.*

Подводя итог рассмотрению типологических исследований XIX в. и отчасти начала XX в., мы можем отметить, что это был этап в истории типологии, когда основную ее задачу ученые видели в создании типологической классификации языков. При этом все свои рассуждения и теории они строили, исходя из характеристики морфологической структуры слова, критерия хотя и очень весомого, но все же выбранного совершенно произвольно. Никакие другие критерии для классификации языков не привлекались. Поэтому и сама классификация языков этого периода иногда называется не типологической, а морфологической классификацией.

Постепенное развитие науки о языке как об очень сложной, многорусной структуре заставило ученых изменить свои взгляды и свой подход к проблемам типологии и, в частности, к критериям, определяющим типологические свойства языков.

Возникла тенденция в основу типологической характеристики и классификации языков положить систему перекрещивающихся признаков. Это привело к возникновению нескольких направлений в типологии.

Одним из таких направлений было создание так называемой многосторонней, или ступенчатой, типологии, наиболее видным представителем которой был американский лингвист Э. Сепир (1884–1939), автор новой типологической классификации языков¹. Э. Сепир совершенно правильно подвергает резкой критике морфологическую классификацию языков, разработанную в первой половине XIX в., на том основании, что она носит эволюционистский характер, поскольку предполагает эволюцию структуры языков от более примитивных типа изолирующего к более сложному типу — флективному (например, языки греческий и латинский). Во-вторых, он считает, что деление на три типа носит чисто внешний характер, так как затрагивает лишь технику построения слов.

Важным в концепции Э. Сепира следует считать его утверждение, основанное на большом языковом материале, о том, что в отдельных, иногда территориально отдаленных друг от друга языках наблюдается «сходная направленность движения»², то есть эти языки развиваются в одинаковом направлении, постепенно приобретая типологически сходные черты и образуя определенные модели, или типы³. Следует также отметить, что Э. Сепир был первым из типологов, кто рассматривал материал языка не как произвольный набор различных элементов, а как систему.

¹ См.: Сепир Э. Язык. — М., 1934. — Гл. VI. — С. 94–116.

² См.: Сепир Э. Язык. — М., 1934. — Гл. VI. — С. 95.

³ Там же.

Э. Сепир признавал типологичность процессов развития языков и возможность установления их структурных типов, в связи с чем он выдвинул три критерия:

1. Техника объединения морфем, то есть степень спаянности корневой и аффиксальных морфем, как словоизменительных, так и словообразовательных. На основании этого критерия он выделяет следующие типы языков: *изолирующий*, не имеющий формальных элементов в чистом виде; *агглютинирующий*, если присоединение аффиксальной морфемы не вызывает каких-либо изменений корневой морфемы; *фузионный*, если аффиксальная морфема настолько прочно сливается с корневой, что морфемный шов практически становится трудноразличимым; и *символический*, если корневая морфема обладает способностью изменяться посредством внутренних изменений (изменения гласных и согласных, изменение в ударении или интонации и т. д.).

2. Степень синтеза, то есть соединение в одном слове различных значений, как лексических, так и грамматических. Э. Сепир выделяет аналитический тип языка, в котором отсутствует комбинирование понятий внутри целых слов, поскольку отдельное слово языка такого типа никаких значимых морфем, кроме корневой, присоединять не может. К этому типу относятся английский и французский языки. Слова языка синтетического типа могут присоединять аффиксальные морфемы, поэтому они богаче по передаваемым в них значениям. В полисинтетическом типе наблюдается еще бóльшая степень синтетичности. Таким образом, автор выделяет языки трех типов: *аналитические*, *синтетические*, *полисинтетические*.

3. Характер грамматических процессов, с помощью которых происходит присоединение морфем: *изоляция* (в типологической таблице условно обозначена а), *агглютинация* (условно — б), *фузия* (условно — с), *символизация* (условно — д).

Применяя эти три критерия, Э. Сепир выделяет четыре основных типа языков: 1) *простые чисто-реляционные языки*, выражающие отношение в чистом виде, то есть без аффиксальных морфем, как, например, китайский; 2) *сложные чисто-реляционные языки*, в которых, кроме способности выражать синтаксические отношения в чистом виде, имеется возможность изменять значение корневых морфем с помощью аффиксов или внутренних изменений, как, например, турецкий язык, полинезийские языки; 3) *простые смешанно-реляционные языки*, выражающие синтаксические отношения не только в чистом виде, но и с помощью агглютинации или фузии, как, например, французский язык; 4) *сложные смешанно-реляционные языки*, обладающие способностью изменять значение корневых морфем посредством аффиксов или внутренних изменений, как, например, латинский, английский и т. д.

В пределах этих четырех типов языков Э. Сепир установил 21 тип, привлекая перечисленные выше три типологических критерия.

Дальнейшее развитие типологическое направление, разработанное Э. Сепиром, находит в работах американского типолога Джозефа Гринберга¹, поставившего перед собой задачу разработать морфологическую типологию языков с числовыми данными. С этой целью он отобрал ряд признаков языка, или категорий, которые отнес к основным показателям типологии языка. Это такие показатели, как синтез в языке, степень агглютинации, характер словосложения, деривации и т. д. Для определения числовых величин, которые он называет индексами, он произвел подсчет количества соответствующих случаев на 100 слов, число, которое им взято как основание для вычисления процента. Разделив полученные фактические данные на сто, Дж. Гринберг получил число, которое показывает, например, отношение числа суффиксов к числу слов. Подобный подход к решению определенной типологической проблемы состоит в том, что Дж. Гринберг в противоположность своим многочисленным предшественникам сравнивает не языки в целом, а только их отдельные черты или характеристики и выражает эти отношения числовыми индексами. (Подробнее о методе Дж. Гринберга см. с. 64–65.)

Другое направление современной типологии, зародившееся еще в XIX в., развивалось преимущественно лингвистами Пражской школы и известно как характерологическое направление. Его представители ставят своей целью составить подробное описание существенных типологических признаков отдельно взятого языка в сопоставительном плане с другими языками и тем самым показать его своеобразие. Они признают взаимосвязанность этих признаков и формулируют понятие языкового типа как пучка взаимообусловленных явлений. Они придают важное значение учету отношений, существующих в исследуемых ими конкретных, преимущественно родственных, языках и в особенности между частными типами, что дает возможность построить общий тип языка как систему частных типов. Среди представителей характерологического направления следует назвать чешских ученых: В. Скаличку, автора ряда работ по типологии, и в том числе обобщающей до некоторой степени состояние типологии работы «О современном со-

---

¹ См.: *Greenberg J. H. A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Language // International Journal of American Linguistics. — V. XXVI. — №3. — July, 1960. Pp. 178–194; То же. Квантитативный подход к морфологической типологии языка // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III. — С. 60–94.*

стоянии типологии»¹ и работы «К вопросу о типологии»², в которой он приводит характеристики пяти языковых типов по определенным дифференциальным признакам: например, тип флективный, агглютинативный и т. д., и по ряду интегральных признаков, характеризующих каждый тип изнутри; В. Матезиуса, предлагавшего создать лингвистическую характерологию на базе ряда работ по западным языкам. Из других представителей этого направления нужно назвать Э. Леви³, который, описывая отдельные языки, также ставит целью вычленил самое характерное для данного языка.

Немецкий языковед П. Гартман⁴ в своем описании современных языков отталкивается от общеиндоевропейского состояния с его отчетливо выраженными флективными характеристиками, считая его исходным для типологического изучения. Сопоставление языков он проводит с языками неиндоевропейскими, что, по его мнению, должно ярче оттенить особенности флективных языков.

Отказавшись от разработки общей классификационной типологии, ряд ученых обратились к исследованию типологии отдельных подсистем и категорий языка, в результате чего возникло то направление в типологии, которое В. Скаличка назвал направлением, группирующим отдельные явления языка⁵, а мы будем называть типологией языковых систем. Одним из первых трудов по типологии языковых систем была известная книга Н. С. Трубецкого (1890–1938) «Основы фонологии»⁶, вышедшая в 1939 г. на немецком языке и положившая начало исследованиям по фонологической типологии. Помимо ряда общетеоретических проблем, которые получили освещение в этой книге (понятие фонемы как мельчайшего звукового целого, служащего для различения значения; фонологической системы как набора фонологических оппозиций, служащих для различения значений; понятие фонологических оппозиций и т. д.), в ней изложены типологические характеристики фонологических систем большого числа языков.

Н. С. Трубецкому принадлежит также теория сродства языков, под которым он понимал языковые группировки, так называемые

¹ См.: Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III. С. 19–35.

² См.: Скаличка В. К вопросу о типологии // ВЯ. — 1966. — № 4. — С. 22–31.

³ См.: Levy E. Betrachtung des Russischen // Zeitschr. f. slavische Philologie. — 1925. — №.2. — S. 115.

⁴ См.: Hartmann P. Zur Typologie des Indogermanischen. — Heidelberg, 1956.

⁵ См.: Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III. С. 28.

⁶ См.: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., 1960.

«языковые союзы», возникшие в результате их типологического схождения и характеризующиеся сходными чертами в фонологической, морфологической и синтаксической системах¹ в противовес языковым семьям, которые характеризуются общностью лексического состава и инвентаря грамматических средств.

А. В. Исаченко² на материале славянских языков, используя критерии количества гласных и музыкального ударения, а также явление твердости и мягкости согласных, установил два типа языков: 1) тип вокалический, для которого характерны: а) тенденция к вокализации согласных; ср.: серб.-хорв. вук < слав. вълкъ; б) использование согласных фонем в слоговой функции; ср.: серб.-хорв. трг — *торг*; в) вставка гласных в группы согласных и образование новых слогов; ср.: серб.-хорв. негав — *нерв*; г) упрощение удвоенных согласных; 2) тип консонантический, для которого характерны: а) корреляция согласных по твердости — мягкости; б) ликвидация слоговых согласных; в) сохранение удвоенных согласных. Русский язык по этим критериям относится к числу консонантических языков.

Фонологическую типологию успешно развивали многие ученые и среди них Т. Милевский³, разработавший типологию языков американских индейцев, К. Вегелин⁴, разрабатывавший методы типологического анализа фонологических систем на материале двух групп языков американских индейцев, а также Ч. Хоккетт⁵ в своем пособии по фонологии.

Типологию предложений разрабатывал Т. Милевский⁶. Он выделил тип предложений, в которых глагол, образуя как бы центр предложения, своей формой выражает отношение к нему других членов предложения. Такие предложения он назвал *концентрическими*. Другой тип предложений он назвал *эксцентрическим*. Предложения этого типа могут иметь различную структуру. Они могут иметь строгий порядок слов — предложения с позиционной структурой; отношения

¹ См.: *Trubetzkoy N.* Gedanken über das Indogermanenproblem // *Acta Linguistica*. 1939. — № 1.

² См.: *Исаченко А.* Опыт типологического анализа славянских языков // *Новое в лингвистике*. М., 1963. — Вып. III. — С. 106–121.

³ См.: *Milewski T. M.* Phonological Typology of American Indian Languages // *Lingua Posnaniensis*. 1953. — V. IV.

⁴ См.: *Voegelin C. F.* Methods for Typologizing Directly and by Distinctive Features (in reference to Uto-Aztecan and Kiowa-Tanoan vowel-system // *Lingua*. — 1962. — V. XI.

⁵ См.: *Hockett Ch. F.* A Manual of Phonology // *International Journal of American Linguistics*. — 1955. — V. XXI. — № 4.

⁶ См.: *Milewski T.* La structure de la phrase dans les langues indigènes de l'Amérique du Nord // *Lingua Posnaniensis*. — № 2. — 1950.

между подлежащим и дополнением могут быть выражены падежными формами — предложения с падежной структурой; и, наконец, окончание первого слова сигнализирует о синтаксической функции следующих слов — предложения с циклической структурой.

Анализируя синтаксические отношения, Ч. Базелль¹ обнаружил зависимость основных типологических характеристик языка от типов синтаксических связей. Так, языки, в которых главное слово (подлежащее, сказуемое и т. д.) следует за подчиненным (определением), как, например, в тюркских языках, имеют систему суффиксов, но лишены префиксов. Языки же, в которых главное слово предшествует подчиненному, как, например, в языках банту, имеют как префиксацию, так и суффиксацию.

В отечественном языкознании типологические исследования начались в конце XIX в. Наш выдающийся лингвист, глава московской лингвистической школы акад. Ф. Ф. Фортунатов² (1848–1914) на основании разработанных им критериев строения формы слова и соотношения его морфологических частей дополнил типологическую классификацию В. Гумбольдта, выделив семитские языки в особый тип языков — *флективно-агглютинативный*. Для этих языков, с одной стороны, характерно наличие внутренней флексии, то есть изменение гласных носит грамматический характер, а согласные составляют лексическую основу слова; ср.: араб. финджанун — *чашка*, фанā джй̄ ну — *чашки* мн. ч.; шар̄иба — *пить*, шар̄абун — *вино* и т. д. В то же время корневые морфемы в этих языках могут присоединять однозначные морфемы — аффиксы — без каких-либо фонетических изменений в месте их присоединения, что характерно для агглютинации; ср.: ашрибу, то есть ш-р-б- = *я пью*; ташрибу, то есть ш-р-б- = *ты пьешь*, яшрибу, то есть ш-р-б- = *он пьет* или катаба — *он писал*; мактубу, то есть к-т-б- = *письмо* и т. д.

Некоторое оживление интереса к типологии было вызвано трудами акад. Н. Я. Марра (1864–1934), выдвинувшего теорию единого глоттогонического, то есть языкотворческого процесса. Согласно этой теории, каждый язык в своем развитии проходит одни и те же стадии. При этом Н. Я. Марр, исходя из понимания языка как надстройки, утверждал, что развитие структуры языка находится в зависимости от типа социально-экономической формации. Так, по мнению Н. Я. Марра, аморфный тип языков сложился в эпоху первобытного коммунизма; агглютинативный тип — в эпоху первобытного

¹ См.: Bazell C. E. Syntactic Relations and Linguistic Typology // Cahiers Ferdinand de Saussure. — 8, 1949.

² См.: Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. — М., 1956. — Т. 1. — С. 153–154.

разделения труда; флективный тип языков возник только в условиях классового общества. Такая концепция автора теории единого глоттогонического процесса не могла не привести его к оценке языков флективного типа как высшей ступени языкового развития, в чем он перекликается с устаревшей в настоящее время оценочной концепцией А. Шлейхера и других языковедов XIX в. Однако факты существующих в настоящее время многочисленных языков опровергают эту концепцию. Она признана ошибочной и отвергнута.

После некоторого затишья в области исследований по типологии, охватывающего почти 10 лет, работа по изучению проблем типологии возобновилась. К этому времени в отечественном языкознании укрепилась точка зрения на язык как на целостную систему, отдельные элементы которой взаимосвязаны.

Внимание ученых было вновь привлечено к проблемам типологии работой Р. Якобсона «Типологические исследования и их вклад в сравнительное историческое языкознание»¹. Автор подчеркивает большое значение, которое в современных условиях приобретают для языкознания типологические исследования, поскольку в связи с охватом наукой все большего числа языков, все чаще и чаще обнаруживаются случаи типологического сходства — изоморфизма, установление чего и является одной из целей типологии. При этом он отмечает, что основой для типологии является не перечень отдельных элементов, а система языка, под которой он понимает морфологическую и фонологическую системы, законы структуры языка, взаимозависимость его частей и языка в целом. Типология призвана вскрывать законы предугадываемости (импликация) явлений, лежащих в основе фонологической и морфологической систем, то есть если в языке есть А, то есть и В. Это можно проиллюстрировать на конкретных примерах: если в фонологической системе языка есть огубленная передняя гласная, как во французском или немецком языке, то там есть и огубленная задняя; в единственном числе язык всегда имеет большее число родовых категорий, как, например, русский язык, чем в любом не единственном (то есть во множественном и двойственном) числе.

В то же время Р. Якобсон отмечает, что анализ сходжений и расхождений в истории родственных языков может дать много полезных данных, необходимых для сравнительно-исторического языкознания

---

¹ См.: *Jakobson R. Typological Studies and Their Contribution to Historical Comparative Linguistics // Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists. — Oslo. 1958. — Pp. 17–25; То же. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. — М., 1963. Вып. III. — С. 95–105.*

и, в частности, для проверки правильности проведенных реконструкций.

Р. Яacobсону принадлежит также идея об универсалиях, нашедшая отклик у языковедов.

Многие из отечественных ученых впоследствии внесли свой вклад в решение всех этих проблем, среди них Б. А. Серебренников¹, Вяч. Вс. Иванов², И. И. Мещанинов³ и В. М. Жирмунский⁴.

Большой вклад в теорию типологии был внесен трудами акад. И. И. Мещанинова (1883–1967).

Основой для его типологических исследований послужили синтаксические отношения — предикативные, связывающие субъект с предикатом, и их грамматическое выражение; объектные, то есть отношения переходного глагола и объекта, получающего в различных языках особое грамматическое выражение, и атрибутивные, в которых выражается связь определения с определяемым. В качестве материала для исследования послужили языки различного строя от кавказских до палеоазиатских, впервые ставшие объектом столь пристального изучения. В результате своих исследований И. И. Мещанинов разработал синтаксическую типологию языков, которая складывается из трех типов:

1. *Языки пассивного строя* — чукотский и некоторые языки индейцев Северной Америки. В качестве типологических характеристик этого строя он выдвигал инкорпорацию, то есть такое синтаксическое построение, когда ни субъект, ни объект не имеют никакого грамматического оформления, объединяясь в один комплекс, подчиненный ведущему слову. Глаголы в языках этого строя не делятся на переходные и непереходные.

2. *Языки эргативного строя*, для которых характерна эргативная конструкция. Ее особенность состоит в том, что глагол-сказуемое имеет двойную синтаксическую связь с подлежащим — глагол не только согласуется с подлежащим, но одновременно управляет им, что находит грамматическое выражение в постановке подлежащего в особом,

---

¹ См.: *Серебренников Б. А.* К критике некоторых методов типологических исследований // ВЯ. — 1958. — №5. — С. 24–34.

² См.: *Иванов В. В.* Типология и сравнительно-историческое языкознание // ВЯ. — 1958. — №5. — С. 34–43.

³ См.: *Мещанинов И. И.* Типологические сопоставления и типология систем // Научн. докл. высш. школы. Филол. науки. — 1958. — №3. — С. 3–13.

⁴ См.: *Жирмунский В. М.* Теоретические проблемы советского языкознания // Вестн. Акад. Наук СССР. — 1963. — №7. — С. 49–50.

так называемом эргативном падеже, или падеже деятеля, если глагол переходный, и в абсолютном падеже, если глагол непереходный.

К языкам эргативного строя И. И. Мещанинов отнес языки Кавказа — аварский, лакский, даргинский, отчасти грузинский, а также язык басков в Пиренеях.

Некоторое приблизительное представление об эргативной конструкции могут дать русские предложения *мальчика сшибло машиной* и *сторожа убило молнией*, в которых субъекты действия *машина*, *молния* стоят не в именительном, а в косвенном падеже, в данном случае в творительном, то есть примерно так, как в настоящих языках эргативного строя.

3. *Языки номинативного строя*, для которых основной характеристикой служит употребление именительного падежа (номинатива) субъекта независимо от того, является ли глагол-сказуемое переходным или непереходным. К языкам номинативного строя он отнес индоевропейские, тюркские, монгольские, финно-угорские и многие другие языки.

Согласно этой классификации, интересующие нас в данной работе языки — русский и английский — относятся к языкам одного и того же строя — номинативного.

Следуя своей языковедческой концепции, И. И. Мещанинов считает, что типология языков возможна только при условии изучения структуры языка в целом, а это оказывается возможным, если в качестве предварительного этапа будут проведены типологические исследования и установлены типологические системы в области отдельных уровней языка ¹.

И. И. Мещанинов в ряде своих статей разработал принципы синтаксической типологии, обратив внимание на способы группировки членов предложения. Он показал, что для классификации языкового материала целесообразно выделить группы слов, выражающие всегда двучленные отношения, — субъект и предикат, переходный глагол и объект, атрибут и определение. За такими элементами он предлагает закрепить термин «бинарма», который передается двумя лексическими единицами, называемыми им синтаксическими группами. Последние, в зависимости от передаваемого ими содержания, могут быть предикативными, атрибутивными и объектными ².

Разрабатывая типологию синтаксических систем, И. И. Мещанинов правильно считал, что типологический подход оказывает серьез-

¹ См.: Мещанинов И. И. Типологические сопоставления и типология систем // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. — 1958. — №3. — С. 3–13.

² См.: Мещанинов И. И. Синтаксические группы // ВЯ. — 1958. — №3. — С. 24–37.

ную помощь сравнительно-историческому языкознанию, устанавливая и определяя структурные типы тех систем, которые выявлены при помощи сравнительно-исторического метода.

Последние десятилетия возросший интерес языковедов к проблемам типологии получил свое организационное выражение в форме конференций, на которых обсуждались и продолжают обсуждаться такие проблемы, как:

объем понятия «типология», определяемый как «раздел общей лингвистики, который занимается различением языковых объектов и квантованием выявленных различий»¹, учение о классах и типах языков². Было высказано мнение о том, что основная задача типологического изучения языков состоит в выявлении основных закономерностей и взаимоотношений отдельных участков в структуре языка и что типологическое изучение языков является основным методом языкознания³.

В связи с определением задач и содержания типологических исследований наметилось два направления: 1) *синхронно-типологическое*, в задачу которого входит выделение постоянных характеристик отдельных языков на всех уровнях и выделение постоянного общелингвистического инвентаря, что должно привести к построению типологической универсальной грамматики; 2) *историко-типологическое*, которому надлежит заняться установлением путей и закономерностей преобразования систем и подсистем языков.

В числе частных проблем типологии были названы: 1) установление системы признаков-координат, которые служат основой типологических сопоставлений; 2) определение единиц измерения, дающих возможность сравнивать разные языки; 3) типологическое изучение микросистем разных уровней языка; 4) изучение преобразования этих систем в истории языков различных типов⁴.

Затрагивались также вопросы языка-эталона, универсалий, — проблемы, которая составляет одно из направлений современной типологии (об универсалиях см. выше, с. 24-30).

---

¹ Иванов В. В., Лекомцев Ю. К. Проблемы структурной типологии // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1975. — С. 25.

² См.: Ломтев Т. П. Типология как учение о классах и типах языков // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1975. — С. 39-47.

³ См.: Кацнельсон С. Д. Основные задачи лингвистической типологии // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1975. — С. 75.

⁴ См.: Гухман М. М. О содержании и задачах типологических исследований // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1965. — С. 277-281.

В центре внимания отечественного языкознания находятся также методологические вопросы и принципы типологического изучения родственных языков, в частности, германских языков¹.

В связи с тем, что в своем историческом развитии родственные языки, имевшие в далеком прошлом типологически близкую структуру на всех уровнях, постепенно удалились друг от друга, возникает проблема отношения общегерманских моделей к тому новому, что развивалось в каждом отдельном языке. Это связано, прежде всего, с установлением этих моделей как в области грамматики, так и в области словообразования и фонологической системы общегерманского языка-основы, а также в области определения общих продуктивных моделей на отдельных уровнях языка.

В качестве единицы типологического анализа на морфологическом уровне рекомендуется принять грамматическую категорию, реализующуюся в парадигме, в связи с чем при анализе отдельных языков следует прежде всего установить наличие или отсутствие в соответствующем языке изучаемой категории, далее изучить формы ее реализации, парадигматические связи ее компонентов, структуру парадигм, образующих данную категорию, и, наконец, определить ее место в системе каждого из сопоставляемых языков.

Был поставлен вопрос о создании типологической грамматики группы германских языков, назначение которой состоит в установлении типологического соответствия структурных признаков определенного уровня языка и типологии того языкового ареала, куда входит данная группа или семья языков, соотношения моделей различных уровней с моделями других семей и с универсалиями. Для этого нужно провести отбор типологических констант, что можно сделать путем установления общегерманских моделей различных уровней языка и разработки германского языка-эталона.

При проведении сопоставительно-типологического анализа германских языков нужно учитывать многозначность смысловой структуры грамматической формы, сочетающей в себе способность: 1) вмещать все грамматические категории, свойственные данному классу, разряду слов, например род, число, падеж в русском языке; ср. окончание *-а* в словах *стран-а*, *рек-а* и т. д.; 2) иметь в разных речевых условиях разные значения, как, например, русская форма настоящего времени для выражения действия в прошлом; 3) как парадигматического, так и синтагматического значения распадаться на несколько смысловых признаков — сем.

---

¹ См.: *Структурно-типологическое описание современных германских языков*. — М., 1966. — С. 324.

Для проведения анализа рекомендуется установить инвентарь категориальных форм в каждой системе оппозиций сопоставляемых языков, выявить парадигматические и синтагматические значения каждой категориальной формы, разложить и, наконец, сопоставить их семы. Все это дает возможность, во-первых, выявить особенности смысловых структур каждого языка и, во-вторых, произвести отбор общих смысловых структур и совокупностей сем для определенных групп языков.

По сравнению с грамматическим уровнем лексическая система языка оказалась сравнительно слабо изученной в типологическом плане. Для типологии лексики представляет интерес распределение лексики языка на различные семантические классы и их подразделения, распределение лексики по лексико-грамматическим разрядам, установление соотношения в системе лексики полнозначных и служебных слов, номинативных и дейктических, конкретных и абстрактных, типологических особенностей в системе словообразования.

Кроме этих проблем, имеющих общий характер, предметом обсуждения являются и более частные вопросы, касающиеся типологического описания отдельных подсистем языка.

Первый монографический труд по типологии вышел в 1965 г. Это была книга Б. А. Успенского «Структурная типология языков», которую автор определяет как «систематизацию, инвентаризацию явлений разных языков» по структурным признакам (то есть признакам, существенным с точки зрения структуры данного языка) ¹.

В основу своей типологии, которая ограничена морфологическим уровнем, автор положил существующую в науке о языке систему понятий, придав им структурный смысл, и данные традиционной морфологической классификации языков.

Основной задачей структурной типологии, по мнению автора, является выявление изоморфных признаков, то есть признаков и свойств, которые свойственны всем языкам мира, и алломорфных признаков, которые присущи только части языков, что служит предпосылкой для построения общей теории языка и языковых универсалий. Типологические исследования могут быть использованы для проверки данных, полученных сравнительно-историческим методом.

Для типологического сопоставления в качестве объекта сравнения вводится понятие языка-эталона, которым может служить язык с аморфной структурой. Типологическая характеристика языка опре-

---

¹ См.: Успенский Б. А. Структурная типология языков. — М., 1965. — С. 10.

деляется через трансформации, необходимые для перехода от языка-эталона к этому языку.

Для сопоставления классов слов разных языков автор предлагает построить специальный или дополнительный язык-эталон, который в противовес аморфной структуре основного языка-эталона должен обладать сложной структурой.

Тип языка определяется как специфика его структуры.

Для типологических исследований имеет важное значение теория детерминанты, или ведущей грамматической тенденции языка, выдвинутая Г. П. Мельниковым¹.

Исходя из своей концепции языка как адаптивной, или самонастраивающейся, системы, Г. П. Мельников на анализе особенностей структуры семитских языков с их тенденцией к грамматикализации, китайского и английского языков с их сходной тенденцией к лексикализации наглядно и убедительно показал наличие межуровневой и поуровневой корреляции типологических свойств в системе соответствующих языков.

В процессе общения как говорящий, так и слушающий, стремясь наилучшим образом выразить свою мысль и быть наиболее точно понятым собеседником, бессознательно отбрасывают те языковые средства, которые не обеспечивают необходимой гармонии между функцией, структурой и субстанцией языковой системы. Эти средства могут принадлежать любому уровню языка. Благодаря этому и достигается системная взаимообусловленность всех языковых ярусов, или уровней, при данной детерминанте. Так, преобладание значения глагольности в корнях, использование согласных как основы лексического значения слов, гласных для выражения грамматических значений и т. д. Г. П. Мельников объясняет тенденцией семитских языков к грамматикализации. Ведущая тенденция к лексикализации в китайском языке послужила причиной наличия в этом языке такого явления: не выражать некоторую информацию, вытекающую из контекста. Так, в китайском языке, в противоположность русскому, выражение множественности предметов, обозначаемое особой лексемой «мынь» — *ворота*, не обязательно, если это очевидно из контекста.

Г. П. Мельников² видит причину языковых изменений также в смене детерминанты, утверждая, что перестройка грамматической

---

¹ См.: Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология. — М., 1969. — С. 34–35.

² См.: Мельников Г. П. Детерминанта — ведущая лингвистическая тенденция языка // Фонетика. Фонология. Грамматика (К семидесятилетию А. А. Реформатского). — М., 1971. — С. 359–367.

системы языка древнеанглийского периода на лексикологическую в новое время привела к целому ряду изменений в фонологической системе английского языка, например, к возникновению аффрикат вследствие появления тенденции к однослоговости морфемы и слова и т. д.

Однако, несмотря на то, что концепция детерминанты представляет интерес и показывает тесную взаимосвязь и взаимообусловленность типологических свойств различных уровней конкретного языка, теория, предложенная Г. П. Мельниковым, все же нуждается в тщательной проверке и подкреплении на материале различных языков. Кроме этого, остается неразрешенным вопрос о причинах, вызывающих смену детерминанты, что, конечно, представляет собой одну из кардинальных проблем истории развития любого языка.

Основные принципы типологического изучения родственных и неродственных языков были сформулированы В. Н. Ярцевой в следующих положениях:

1) Сравнение языков является наиболее универсальным приемом исследования материала языков.

2) Целью типологического описания языков мира является выявление и установление суммы сходных и различных признаков, характеризующих системы этих языков.

3) Необходимо учитывать не только наличие в языке того или иного факта, но и то место, которое он занимает в системе данного языка.

4) Нужно установить инварианты языковой структуры.

5) Описание одного языка в терминах другого нежелательно, так как это создает неизбежную произвольность описания.

6) Нужно построить модель языка, которая могла бы быть использована в качестве языка-эталона.

7) Следует сопоставлять не единичные факты, а так называемые малые системы, или микросистемы, где отдельные явления языка связаны между собой.

8) Следует начинать сопоставление языков со сравнения микросистем, соотносительных в этих языках.

9) Целесообразно выбрать для синтаксического анализа структуру меньшую, чем предложение, обладающую как формальными, так и функциональными свойствами.

10) Выделение дифференциальных признаков и установление не однолинейных рядов, а соотносительных полей.

11) Хотя типологическое сопоставление языков и проводится на основе сравнения языков по общей модели формальных и функциональных показателей, оно всегда конкретно и не снимает индивидуальной характеристики отдельного языка.

12) Необходимо значительное внимание уделять функциональной стороне сопоставляемых моделей, например проблемам выражения грамматических значений.

13) Вопросы функционирования отдельных единиц языковой структуры должны ставиться с учетом значения этих единиц и анализом отрезков текста большей протяженности, чем сама исследуемая структурная единица. Так, при сравнении морфем сопоставляемых языков необходимо учитывать строение целого слова; при сравнении морфологических форм — строение парадигмы, с одной стороны, и строение словосочетания, с другой ¹.

Диахроническое направление в типологии — *историческая типология* — разрабатывается М. М. Гухман в монографии «Историческая типология и проблема диахронических констант» (М., 1981).

Целью исследований этого направления является установление диахронических констант — основных единиц историко-типологического анализа, отражающих сходные процессы развития как в родственных, так и в неродственных языках. Исследования могут проводиться в двух планах: 1) в плане разработки исторической типологии языковых структур с целью выявления общих тенденций в развитии отдельных категорий и микросистем в родственных языках, определения того, что носит общий характер и что индивидуальный в направлении развития, а также степени и глубины преобразований; в качестве исходных данных следует использовать структурные архетипы; 2) в плане исторической функциональной типологии, имеющей целью выявление преобразований в форме существования языков.

Предстоит также выяснить возможность существования трансформации целостных систем и трансформации одного типа языка в другой.

Проблемы функциональной и отчасти структурной типологии на материале германских языков впервые получили дальнейшую разработку и освещение в коллективном труде «Типология германских литературных языков» сотрудников Института языкознания Академии наук ².

Высказано мнение, что предметом функциональной типологии должно быть исследование различных форм языка, существующих в рамках определенной исторической общности, установление различий в их функционировании и выявление отличительных признаков,

---

¹ См.: Ярцева В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков // Проблемы языкознания. — М., 1967. — С. 203–207.

² См.: Типология германских литературных языков: [Сборник]. — М., 1976. — С. 249.

присущих каждой форме существования языка, особенностей инвентаря и внутренней организации, обусловленных выполняемыми данной формой существования языка функциями (Н. Н. Семенюк).

Особое внимание обращается на установление тех факторов, которые определяют специфику типа литературного языка: для германских литературных языков донационального периода это такие факторы, как степень обособленности этих языков от разных видов общо-разговорной речи, а также характер их территориальной, функциональной и стилистической дифференциации; совокупность приемов, позволяющих выделить литературный язык как особую функциональную единицу в системе форм существования данного языка (М. М. Гухман); одноязычность или двуязычность некоторой части населения, как это имело место в средневековой Англии, где высшие слои английского общества в течение более чем двухсот лет были двуязычными; появление или отмирание определенных литературных жанров; наличие или отсутствие пуристических тенденций (В. Н. Ярцева); наличие или отсутствие политически независимого государства в период формирования национального языка, как в Швеции или Дании; степень территориальной раздробленности, как в средневековой Германии или Норвегии; наличие или отсутствие письменной традиции в период становления национального языка (О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский) и, наконец, влияние художественно-эстетических принципов эпохи Возрождения, как в Англии и Германии (И. Р. Гальперин).

Кроме этих основных вопросов, рассматривался вопрос о внутриязыковых критериях типологического сопоставления языков, вопросы нормы и языкового варьирования, а также типологический анализ соотношения генетически разнородных явлений в германских языках древнего и нового периода.

Среди актуальных проблем типологического изучения языков, которые ставятся учеными и требуют своего разрешения, следует отметить общие вопросы лингвистической типологии: проблема определения языкового типа, взаимодействие семасиологического и ономазиологического подходов в типологических исследованиях; критерии отбора единиц типологического сопоставления; морфологическая структура слова, а также соотношение в системе данного языка инвентарных (словарных) и конструктивных (конструирующихся в речи) единиц как важного типологического параметра (В. Б. Касевич) ¹.

---

¹ См.: *Типы языковых общностей и методы их изучения* // Тезисы III Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания. — М., 1984.

В качестве основы самой методологии сопоставительного изучения языков была представлена идея функционально-семантического поля (ФСР), образуемого грамматическими единицами и категориями вместе с взаимодействующими с ними разноуровневыми средствами, объединенными на семантико-функциональной основе. Представляется возможным выделить структурные типы ФСР: а) моноцентрические, опирающиеся на грамматическую категорию; б) полицентрические, не имеющие единого грамматического центра и формируемые некоторой совокупностью разноуровневых единиц: форм, конструкций, лексико-грамматических средств и т. д. (А. В. Бондарко) ¹.

Предложена типология видов схождений и расхождений, выявляющихся при сопоставительном изучении языковых категорий по трем аспектам: структурному, семантическому и функциональному (В. Г. Гак) ¹.

Наряду с вопросами комплексного сопоставительного анализа целостных языковых систем рассматриваются приемы и методики сопоставительных исследований в области отдельных языковых уровней, среди них: принципы сопоставительного исследования лексики в родственных языках (В. П. Конецкая) ¹; типы пропозитивных значений (актантные, сирконстантные, собственно признаковые, или предикатные) как параметры сопоставления языков на синтаксическом уровне (Е. С. Кубрякова) ¹; лингвостилистическое исследование синонимических рядов и особенностей словопроизводства в разноструктурных языках (Э. М. Медникова) ¹ и др.

Важное место в типологических исследованиях занимают проблемы классификации межъязыковых отношений на генетические, типологические, ареальные отношения креольских языков (Л. Г. Герценберт, В. П. Нерознак, В. Н. Ярцева, В. М. Солнцев) ¹; исследования в области ареальных отношений языков в рамках языковых союзов: языков индо-китайского ареала (Н. Ф. Алиева) ¹, восточной ветви центрально-азиатского языкового союза (Э. Р. Тенишев) ¹, причем языки ареалов Юго-Восточной и Восточной Азии изучаются особенно интенсивно в настоящее время. Успехи ареальной лингвистики, устанавливающей потенциальные факторы развития языковых средств, значительно расширяют возможности сравнительно-исторических штудий в плане гипотетической реконструкции исчезнувших форм, с чем связано появление понятия «ареальной реконструкции» (Н. З. Гаджиева) ¹. Перспективность использования данных типологического ана-

---

¹ См.: *Типы языковых общностей и методы их изучения* // Тезисы III Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания. — М., 1984.

лиза в комплексной методике современной компаративистики совершенно очевидна.

Одним из актуальных направлений типологических сопоставлений признана их прикладная ориентация в области преподавания иностранных языков и машинного перевода (Б. Ю. Городецкий)¹.

В связи с неупорядоченностью терминологии, используемой для наименования различных направлений типологических исследований на современном этапе, обсуждаются и вопросы терминологии. Так, было отмечено, что к работам синхронного порядка, которые охватывают минимальное количество языков (обычно два: родной и неродной) в целях их соотнесения по максимальному количеству признаков, часто применяется термин «контрастивная» лингвистика. Исследования такого рода имеют, как правило, самостоятельную практическую ценность в качестве научной базы для методики преподавания иностранного языка на фоне родного. Такие работы привлекают к себе все большее внимание как теоретиков-лингвистов, так и практиков-методистов в связи с тем, что значительно возросли контакты языков как в нашей стране, так и во всем мире.

Общая теория контрастивного исследования на примере грамматики целого ряда языков дана в монографии В. Н. Ярцевой «Контрастивная грамматика» (М., 1981).

Представляет также интерес концепция «контенсивной», или содержательно-ориентированной, типологии, предлагаемая Г. А. Климовым и основывающаяся на структурной специфике способов передачи субъектно-объектных отношений в разных языках. В монографии «Принципы контенсивной типологии» автор намечает связь синтактико-морфологического типа языка с принципами организации его лексики и разрабатывает теоретико-методический аппарат своей типологической системы.

Подводя итог рассмотрению краткой истории развития типологии, мы можем сделать следующие выводы:

1) Типология языков как один из разделов языкознания зарождалась и складывалась как учение о морфологических типах языков — *аморфном* (изолирующем), *агглютинативном*, *инкорпорирующем* (полисинтетическом) и *флективном*. Исходным моментом для классификации служил только один признак — способность слова присоединять аффиксальные морфемы различного типа или не присоединять их совсем. Классификация носила оценочный характер.

---

¹ См.: *Типы языковых общностей и методы их изучения* // Тезисы III Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания. — М., 1984.

2) Расширение знаний лингвистов о языках мира и развитие теоретической мысли о языке в XX в. привели к выделению нескольких направлений в современной типологии — ступенчатой типологии, количественной типологии, характерологии, типологии отдельных языковых систем, типологии универсалий, контрастивной типологии.

3) В отечественной типологии наметились направления — структурно-типологическое и историко-типологическое.

4) Разработаны принципы типологического исследования родственных и неродственных языков и разработана методика изучения типологических свойств различных уровней языков.

Глава 3

МЕТОДЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Одной из основных целей деятельности человека является познание свойств и законов окружающей нас природы и живущих вокруг нас людей. Обычно такое познание, полученное в результате повседневного опыта, не носит системного характера, оно происходит от случая к случаю и вследствие этого не носит научного характера, так как при этом не создается система знаний.

Чтобы осуществить научное познание окружающей нас действительности, ее свойств и законов, необходимо ее исследовать, то есть определить ее основные свойства и установить те закономерные связи, которые в ней заключены. Средством познания природы и общества служит система определенных приемов, выработанных многовековой практикой человека и обычно называемых методом. Таким образом, метод представляет собой определенный подход к действительности, определенный путь познания природы и общества.

Метод познания данного явления представляет собой некоторую сумму научных положений и чисто практических приемов, благодаря использованию которых мы получаем возможность лучше, полнее и разностороннее изучить данное явление.

Общую основу методологии всех наук составляет диалектический метод, тем не менее каждая наука, вследствие специфики объекта исследования разрабатывает свои специфические частные методы и приемы исследования.

Языкознание, как и всякая другая наука, создает свои собственные методы исследования и описания явлений и фактов языка, поскольку объектом исследования данной науки является именно язык.

Но, как известно, язык представляет собой весьма сложное и к тому же многоплановое общественное явление. Он имеет многоярусную структуру, в которой каждый ярус, или, как чаще говорят, уровень, — фонологический, морфологический, синтаксический, лексический — складывается из своих особых единиц, исследование которых требует разработки своей, особой системы приемов.

Различные состояния языка в процессе его развития создали благоприятную почву для возникновения специально-лингвистического, научно очень точного и убедительного по своим результатам сравнительно-исторического метода, сыгравшего столь важную роль в развитии науки о языке. Основу этого метода составляет учение о генети-

ческом родстве ряда языков, получающем свое материальное выражение в общности звуковой формы, а также положение о закономерных изменениях в фонологической системе, грамматическом строе и словарном составе исследуемых родственных языков.

Сопоставление как основной метод типологических исследований

В отличие от сравнительно-исторического метода, основывающегося, как уже было сказано, на исследовании явлений генетически общих в преимущественно родственных языках, в типологии широко используется сопоставительный метод, сущность которого заключается в отыскании и определении явлений и фактов ряда языков, имеющих тождественные функции независимо от того, являются ли сопоставляемые языки генетически родственными или нет.

Можно исследовать систему языковых средств, используемых в ряде языков, например английском, немецком, русском, турецком, арабском и т. д., для образования имен существительных со значением деятеля. В задачу такого исследования, как, впрочем, и всякого другого типологического исследования, входит отыскание наиболее общих тождественных признаков, так называемых изоморфных признаков, которые составят характеристику данного явления. Эти признаки при дальнейшем исследовании могут быть положены в основу типологической характеристики языка или группы языков и использованы для типологической классификации языков, представляющей собой одну из актуальных проблем современного языкознания.

Сопоставительный метод дает возможность определить не только факты и явления, имеющие аналогичные функции в сопоставляемых языках, но и то место, которое они занимают в своей микросистеме. Так, возвращаясь к системе средств, обозначающих деятеля, мы можем сказать, что в английском языке суффикс *-er* несомненно является ядром микросистемы средств, служащих для образования существительных деятеля, причем он имеет широкие возможности образования существительных от основы любого глагола.

В турецком языке подавляющее большинство имен деятеля образовано с помощью аффикса *-ci* и его вариантов *-ci-si-sü*. Но словообразовательные возможности этого аффикса ограничены 1) характером основы, так как этот аффикс сочетается только с именными основами, 2) наличием других аффиксов деятеля, таких, как *-daş* (*-taş*), *-li* (*-li-lü*) и др.

В русском языке существует ряд суффиксов деятеля, составляющих также определенную микросистему. Однако в ней мы не найдем столь четко выраженного суффикса деятеля, который был бы бес-

спорным ядром этой микросистемы, как это имеет место в английском языке с суффиксом -er.

Из трех приведенных примеров, демонстрирующих конкретные факты разных языков, мы видим, что микросистемы средств, служащих для образования имен деятеля в этих языках, не только различны по составу входящих в них компонентов, но и что эти компоненты — аффиксы деятеля — занимают в них совершенно различные места.

Сопоставительно-типологический метод по своим приемам мало чем отличается от сопоставительного, однако он преследует несколько более широкие цели. Как отмечает В. Н. Ярцева, «целью типологического описания языков мира является выявление суммы сходных и различных черт, характеризующих их системы»¹. И далее: «Поэтому важным оказывается не только наличие в данном языке какого-либо приема или отношения, но и то место, которое занимает данный языковой факт в общей схеме распределения приемов и отношений, характерной для исследуемого языка. Таким образом, в отличие от сопоставительного, *типологический метод имеет дело с сопоставлением, на основе которого выявляются изоморфные и алломорфные черты целых систем, подсистем и микросистем исследуемых языков.*

Определение изоморфных черт дает возможность установить и отобрать типологические константы, или типологические изоглоссы, которые позволяют произвести группировку исследуемых языков по двум оппозитивным группам — *языки, имеющие данный типологический признак, и языки, данного типологического признака не имеющие.* Например, если принять за типологическую константу наличие категории падежа, реализуемой в системе склонения, и отсутствие категории падежа и, следовательно, системы склонения, то все известные науке языки разделятся на две типологические группы — *языки с системой склонения ↔ языки без системы склонения.* Как замечает Э. А. Макаев, «... для построения типологической грамматики весьма существенным оказывается установление и отбор на основе принципа иерархии типологических констант, или типологических изоглосс, всех уровней языка, позволяющих в своей совокупности выявить соотношение таких языковых признаков, которые разделяются всеми или большинством языков, и таких признаков, которые свойственны лишь нескольким языкам (или даже одному языку), что и позволяет определить структурный облик соответствующего языка»².

---

¹ Ярцева В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков // Проблемы языковедения. — М., 1967. — С. 203.

² Макаев Э. А. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика // ВЯ. — 1964. — № 1. — С. 11.

В связи со сказанным возникает проблема отбора типологических признаков. В этом вопросе нет еще полной ясности, договоренности и единства. Каждый уровень языка, как известно, имеет свои характерные только для него единицы измерения. Поэтому и типологические признаки будут варьироваться от одного уровня, или подсистемы языка, к другому.

Выбор типологических констант должен, по-видимому, исходить из тех внутренних свойств и признаков, которые присущи рассматриваемому уровню или его микросистеме, а не быть навязанным ему извне. Так, например, корреляция согласных по твердости — мягкости и политония, выдвинутые Р. Якобсоном в качестве типологических констант, дали возможность А. В. Исаченко выделить в составе славянских языков четыре типологические группы: 1) политонические языки — наречия сербохорватского языка; 2) монотонические языки с так называемым свободным количеством, то есть с долгим гласным в одном из слогов, — чешский, словацкий; 3) монотонические языки с так называемым динамическим ударением — восточнославянские языки и болгарский язык; 4) монотонические языки без какой бы то ни было просодической нагрузки на гласные фонемы — польский и оба лужицких языка ¹.

Большое значение для методики типологических исследований и определения универсалий имеет теория детерминанты, выдвинутая Г. П. Мельниковым ².

Язык, по его мнению, представляет собой систему, основными характеристиками которой являются субстанция, воплощающая в себе эту систему, и схема связей или отношений между элементами этой системы, представляющими ее структуру. Особенностью системы языка Г. П. Мельников считает ее способность приспосабливаться (адаптироваться) к выполнению конкретных нужд высказывания, что характерно для адаптивных, или самонастраивающихся, систем. Это свойство обеспечивает наилучшее функционирование всей системы благодаря способности производить отбор как вариантов структуры, так и вариантов субстанции в зависимости от конкретной речевой обстановки. Вот этот, так называемый главный способ функционирования, представляющий собой важнейшую определяющую характеристику системы, и есть детерминанта. Г. П. Мельников рассматривает особенность конкретной структуры языка и субстанции, в которой эта структура воплощена, как следствие самонастраивания языка по

---

¹ См.: Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III. — С. 110–111.

² См.: Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология. — М. 1969. — С. 35.

данной конкретной доминанте. Анализ универсалий различных уровней с применением детерминанты привел Г. П. Мельникова к общему выводу о том, что «сложное используется после того, как использовано простое, второстепенная функция получает выражение после того, как получила выражение более важная функция»¹.

Теория детерминанты дает, таким образом, возможность с помощью ряда импликаций и с учетом структурных и субстантных ограничений, в которых функционирует конкретный язык, получить необходимые характеристики этого языка и определить его типологические свойства.

Метод типологических индексов

В практике типологических исследований особое место занимает метод индексирования, или метод типологических индексов, разработанный Дж. Гринбергом.

В основу своего метода, который по характеру используемых количественных показателей называется также квантитативным, Дж. Гринберг положил отдельные черты и признаки, представляющие собой определенные отношения и получающие выражение в виде числовых индексов.

Свои вычисления Дж. Гринберг провел на тексте, включавшем 100 слов, по следующим параметрам:

Первый параметр — степень синтеза или общая сложность слова. Если число морфем в обследованном тексте обозначить буквой M , а число слов — буквой W , то отношение $\frac{M}{W}$ является показателем синтеза и называется индексом синтетичности, который для английского языка колеблется между 1,62 и 1,68, для русского языка 2,33–2,45, то есть индекс синтетичности для языков аналитического строя будет ниже, чем для языков синтетического строя.

Второй параметр — это способы связи. Если обозначить буквой A число агглютинативных конструкций, а J — число швов между морфемами, то отношение $\frac{A}{J}$ служит показателем степени спаянности слова и носит название индекс агглютинации. Дж. Гринберг считает, что язык с высоким индексом агглютинации следует считать агглютинативным языком, а язык с низким индексом агглютинации — языком фузионным, то есть флективным.

Третий параметр — распространенность словообразовательных и словоизменятельных морфем. Принимая R равным числу корневых морфем, встретившихся в исследуемом тексте, а W — числу слов в том же тексте, мы получим отношение $\frac{R}{W}$, то есть индекс словосложения.

¹ Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология. — М., 1969. — С. 43.

Если в данном тексте подсчитать все деривационные морфемы D , то отношение $\frac{D}{W}$ будет служить показателем словообразовательной способности языка.

Четвертый параметр служит для характеристики следования аффиксов корню. Если обозначить префиксы символом P , то отношение $\frac{P}{W}$, то есть *индекс префиксальности* будет показывать отношение числа префиксов к числу слов. Отношение $\frac{S}{W}$, то есть *индекс суффиксальности*, покажет отношение числа суффиксов к числу слов.

Если чистое словоизменение обозначить P_i , то отношение $\frac{P_i}{W}$, то есть *индекс словоизменения*, в чистом виде характеризует словоизменительные возможности языка. Если связь, выраженную с помощью согласования, обозначить C_o , то отношение $\frac{C_o}{W}$ представляет собой *индекс согласования*.

Метод индексирования Дж. Гринберга вызвал широкий отклик у лингвистов. В дальнейшем этот метод был усовершенствован словацким ученым В. Крупа, который преобразовал значение индексов таким образом, чтобы они могли укладываться в обычной шкале оценок от 0 до 1.

Кроме перечисленных выше методов типологического анализа и описания, характерных именно для типологии, в типологических исследованиях используют методы, принятые для исследования в других разделах языкознания, например дистрибутивный метод и др.

Глава 4

ТИПОЛОГИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Понятие фонологического уровня языка

Среди тех уровней, которые образуют сложную иерархическую структуру языка, фонологический уровень должен быть назван первым.

Основной единицей этого уровня является фонема. По своей сущности фонема представляет собой абстрактную языковую единицу, которая сочетает в себе все те общие признаки, свойственные реальным звукам — фонемам, в которых она существует или реализуется. Так, например, одним из таких общих признаков может быть взрывной характер фонем или назальность и т. д.

В то же время фонема как основная единица фонологического уровня языка выполняет две очень существенные для целей общения функции: 1) *конститутивную функцию*, состоящую в том, что фонемы представляют собой необходимый строительный материал для единиц морфологического и других уровней (без фонем ни морфемы, ни слова существовать не могут); 2) *дистинктивную функцию*, иначе называемую различительной, которая дает возможность отличать одни морфемы от других, одни слова от других, что также имеет важнейшее значение для целей общения.

Таким образом, фонему можно определить как «класс физически сходных и функционально тождественных звуков»¹.

Из этого определения фонемы явствует, что одна и та же фонема в различных условиях может звучать по-разному. Так, например, русская фонема [a] в предударном положении звучит как [a] (ср.: рус. [ак но], [а дин] и т. д.); английская фонема [t] в положении перед согласным теряет свою аспирацию. Такие звуки, представляющие собой разновидности одного и того же класса физически сходных звуков, носят название аллофонов или же вариантов данной фонемы.

---

¹ Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. — М., 1971. — С. 219.

Фонемы в морфемах и словах комбинируются в слоги, которые можно рассматривать как естественную единицу сегментации речевого потока.

Наряду с фонемами и их вариантами, которые получили название сегментных единиц по их способности употребляться в отдельных отрезках речевой цепи, к фонологическому уровню относятся сверхсегментные, или суперсегментные, единицы, под которыми обычно понимаются ударение и интонация.

Отбор показателей для установления типологии фонологических систем двух языков

Рассматривая фонологическую систему отдельных языков, мы можем легко убедиться в том, что количественные колебания фонемного состава достаточно велики. В одних языках число согласных фонем чрезвычайно ограничено; так, в самоанском языке имеется всего лишь 9 согласных фонем. В других языках число согласных достигает 60 и более, как, например, в абхазском языке. Количество гласных также дает значительные колебания. Например, в шведском языке имеется 17 гласных простых фонем, в то время как в итальянском языке их насчитывается всего 7.

В одних языках преобладающее значение получает система согласных, характеризуемая разнообразием согласных фонем и относительно небольшим числом гласных фонем. Такие языки получили название *консонантических языков* или *языков консонантического типа*.

В других языках существует достаточно разнообразная система гласных фонем при ограниченном числе согласных. Языки с таким составом фонем получили название *вокалических языков* или *языков вокалического типа*.

Деление на языки указанных типов можно рассматривать как один из основных критериев типологической характеристики языков на фонологическом уровне. Так, А. В. Исаченко, исследовавший типологию славянских языков, к числу консонантических языков относит русский язык, в котором имеется 35 согласных фонем, польский язык, имеющий также 35 согласных, и ряд других.

К числу вокалических языков А. В. Исаченко относит словенский язык, в котором имеется 21 согласная фонема при 18 гласных, сербохорватский язык, в фонологической системе которого имеется 24 согласных и 18 гласных фонем, и т. д.¹

¹ См.: Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. — М., 1963. Вып. III. — С. 106–125.

Фонемный состав отдельных языков различается между собой не только в количественном, но и в качественном отношении. Так, в некоторых языках существуют две интердентальные фонемы, как, например, в английском, новогреческом, литературном арабском, башкирском. В датском языке вместо двух интердентальных фонем существует лишь одна фонема [ð]. В ряде языков представлены шумные согласные глубокого заднего ряда, как, например, во многих тюркских языках, в арабском языке.

Существуют языки, в которых система гласных представлена небольшим числом гласных фонем, не имеющих коррелятов, как, например, в русском, белорусском, украинском, грузинском, узбекском и др.

В противоположность этим языкам можно назвать ряд языков, где имеется корреляция долгий — краткий гласный, как, например, в санскрите, арабском и некоторых германских языках.

Из сказанного вытекает, что инвентарь фонем, гласных и согласных, их число и состав могут быть признаны общим критерием типологической характеристики фонологических систем сопоставляемых языков.

Структура фонемного инвентаря имеет важное значение для установления типологии соответствующего языка. Одним из компонентов структуры следует считать количество и качество оппозиций и корреляций.

Под фонологической оппозицией понимается противопоставление двух или более фонем с целью выявления наличия или отсутствия какого-либо признака. Оппозиции бывают бинарные (двоичные), тернарные (троичные) и групповые, если противопоставляется по две, по три или целая группа однородных единиц языка, в данном случае фонем; ср. рус. [п]–[б]; [т]–[д] и т. д.; англ. [f]–[v], [s]–[z] и т. д., или [b]–[d]–[g], или группа гласных переднего ряда противопоставляется группе гласных заднего ряда и т. д. Так, для фонологической структуры арабского языка характерна бинарная оппозиция простых и эмфатических смычных фонем: [с]–[с], [з]–[з], [т]–[т] и [д]–[д], чего мы не находим во многих других языках, например в английском, немецком, русском.

С фонологической оппозицией тесно связана *фонологическая корреляция, то есть наличие в соответствующей фонологической системе двух фонем, попарно противопоставляемых друг другу по одному признаку при совпадении всех других признаков*, например: корреляция по твердости — мягкости (ср.: [б]–[б']), по звонкости — глухости (ср.: [б]–[п]), по назальности — неназальности (ср.: [м]–[б]) и т. д.

С рассмотренными выше признаками — оппозицией и корреляцией — связана также *нейтрализация, характеризующаяся в фоно-*

логическом плане снятием признака, отличающего одну фонему от другой в бинарной оппозиции, например нейтрализация фонемы [d] в конце слов в немецком языке, совершенно недопустимая и невозможная во французском или английском языке; ср.: нем. Rad [ra:t] — колесо, но Rader [rɛ:dər] — колёса; heben [he:bən] — поднимать, но hob [ho:p] — поднял.

Типологический анализ фонологических систем предполагает установление не только качественных, но и количественных показателей, что может быть достигнуто путем определения силы фонологической оппозиции (термин, введенный В. К. Журавлевым). Под силой фонологической оппозиции автор понимает число коррелятивных пар, входящих в данную оппозицию¹. Силу фонологической оппозиции можно представить в виде формулы $F = n \frac{D}{N}$, где F — сила фонологической оппозиции, n — число пар, составляющих данную оппозицию, D — число позиций различения, то есть сильных позиций, N — число позиций нейтрализации (слабых позиций). Эту формулу В. К. Журавлев предлагает читать так: «Сила фонологической оппозиции прямо пропорциональна числу пар, противопоставляющихся в определенном числе сильных позиций, и обратно пропорциональна числу слабых позиций»².

Развитие электроакустической аппаратуры предоставило исследователям возможность получать спектрограммы звуков и звукосочетаний, благодаря чему оказалось доступным точно измерить и получить характеристики отдельных формант, составляющих формантную структуру отдельного языка.

Используя электроакустические методы исследования, Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле разработали систему бинарных различительных признаков отдельных фонем, которые по своему обобщенному характеру могут служить типологическими показателями фонологических систем³.

Выделяются два класса признаков — *признаки звучности, основанные на различиях в количестве и концентрации энергии в спектре и во времени*, и *признаки тона, основанные на различных характеристиках краев частотного спектра*.

¹ См.: Журавлев В. К. К понятию «силы» фонологической оппозиции // Фонетика. Фонология. Грамматика. — М., 1971. — С. 115.

² Там же. — С. 116.

³ См.: Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи: Различительные признаки и их корреляты (Гл. II. Опыт описания различительных признаков) // Новое в лингвистике. — М., 1962. — Вып. II. — С. 173–231; см. также: Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике // Там же. — С. 231–279.

В группе признаков звучности выделяются следующие пары признаков по принципу оппозиции:

1. *Гласные — негласные.*

2. *Согласные — несогласные.*

3. *Компактные — диффузные*, характеризующиеся в акустическом отношении большей (соответственно меньшей) концентрацией энергии в узкой центральной области спектра, что сопровождается увеличением общего количества энергии в ее временной протяженности. В артикуляционном отношении компактность соответствует передней, а диффузность — задней артикуляции.

4. *Напряженные — ненапряженные*, характеризующиеся наличием достаточно отчетливых резонансных областей в спектре и увеличением (соответственно уменьшением) общего количества энергии и ее протяженности во времени. Напряженные фонемы также называют сильными или фортисными, ненапряженные — слабыми или ленистыми.

5. *Звонкие — глухие*, что обусловлено в акустическом отношении наличием (соответственно отсутствием) гармонических колебаний на низких частотах.

6. *Носовые — ротовые*, характеризующиеся тем, что имеющаяся энергия распространяется на более широкую (соответственно узкую) полосу частот и появляются носовые форманты, вследствие чего к ротовому присоединяется носовой резонатор.

7. *Прерывистые — непрерывистые*, признак, обусловленный в акустическом отношении отсутствием звука, что связано с быстрым (соответственно постепенным) распространением энергии на широкую полосу частот, а в артикуляционном отношении — внезапным включением (соответственно выключением) источника звука.

8. *Резкие — нерезкие*, что обусловлено в акустическом плане большей (соответственно меньшей) интенсивностью шума.

9. *Глоттализированные — неглоттализированные*, характеризующиеся большей (или меньшей) скоростью расходования энергии в заданный промежуток времени, что артикуляционно выражается в наличии (соответственно отсутствии) смыкания голосовой щели.

В группе признаков тона выделяются следующие признаки:

1. *Низкие — высокие*; с концентрацией энергии в нижних (соответственно высоких) частотах спектра. Артикуляционно выделяются периферийные фонемы с большим размером и меньшей расчлененностью резонатора — велярные и губные фонемы — и центральные фонемы с меньшим размером резонатора — палатальные и дентальные фонемы.

2. *Бемольные — простые*; у бемольных фонем наблюдается некоторый сдвиг вниз по сравнению с простыми и ослабление некоторых верхних частотных составляющих; в артикуляционном отношении бе-

мольные фонемы характеризуются веляризацией, то есть дополнительным подъемом задней спинки языка по направлению к мягкому нёбу, что придает согласным так называемую твердость.

3. *Диезные — простые*; у диезных фонем происходит некоторый сдвиг вверх по сравнению с простыми фонемами и усиление некоторых верхних частотных составляющих; в артикуляционном отношении диезные фонемы характеризуются палатализацией, то есть дополнительным подъемом средней части языка к твердому нёбу.

Установленные выше 12 различительных (дифференциальных) признаков в полном составе не встречаются ни в одном из известных языков. Как отмечают авторы, сочетаемость или несовместимость этих признаков в одном и том же языке или в отдельной фонеме в значительной степени определяется законами импликации (предугадывания), имеющими универсальный характер и позволяющими проводить стратификацию фонологических систем и сводить их разнообразие к ограниченному набору структурных типов¹.

Из сказанного следует вывод, что дифференциальные признаки фонем необходимо учитывать в качестве критерия типологической характеристики фонологических систем. Так, например, дифференциальные признаки фонемы [т] в русском языке могут быть сформулированы так: 1) согласный, 2) дентальный, 3) смычный, 4) неносовой, 5) шумный, 6) глухой, 7) непалатальный. Дифференциальные признаки фонемы [t] в английском языке суммируются так: 1) согласный, 2) альвеолярный, 3) смычный, 4) неносовой, 5) шумный, 6) глухой с аспирацией, 7) непалатальный.

Сопоставление дифференциальных признаков двух фонем — рус. [т] и англ. [t] — ясно показывает их акустическое и артикуляционное различие: русская фонема [т] имеет признак дентальности, английская фонема [t] — альвеолярность и аспирацию.

Для типологической характеристики фонологических систем имеет значение фонемная дистрибуция и частота использования определенного класса фонем сравнительно с другими классами фонем, что определяет их место и удельный вес в фонологической системе соответствующего языка. Так, во многих тюркских языках широкое распространение имеют сонанты [л] и [r], входящие в состав аффикса множественного числа -lar / -ler.

В других языках, таких, как английский, греческий, испанский, арабский, распространены межзубные фонемы [θ] и [ð], отсутствующие в других языках.

¹ См.: *Якобсон Р., Фант Г. М., Холле М.* Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. — М., 1962. — Вып. II. — С. 210–211.

Наконец в комплекс признаков, которые входят в состав критериев определения типологии языков на фонологическом уровне, следует включить те функции, которые выполняют те или другие классы фонем в структуре языка. Так, в семитских языках основное лексическое значение в слове несут на себе согласные, в то время как гласные фонемы выполняют отчетливо выраженную грамматическую функцию, например множественного числа — так, корень ф-н-дж-н в форме финджан — *чашка* (ед. ч.) — фанаджин — *чашки* (мн. ч.); корень ф-р-с в форме фарас означает *лошадь* (ед. ч.), в форме афра́с — *лошади* означает мн. ч.; залога — ср.: фатаха — *он открыл* (действительный залог), футиха — *он был открыт* (страдательный залог).

В тюркских языках гласные фонемы не только не несут никакой грамматической функции, но и, наоборот, служат отличным средством различения смысла; ср.: тур. göl — *озеро*, gül — *цветок*, gel — *приходи*.

Рассмотренный в этой части материал позволяет считать следующие показатели фонологически определяющими: 1) количество и качество инвентаря фонем; 2) количество и качество оппозиций и корреляций; 3) случаи нейтрализации фонем; 4) сила оппозиций; 5) дистрибуция фонем и их частота; 6) функции фонем в слове.

Все эти показатели дадут возможность сделать вывод о типологическом характере языка в плане его фонологической организации. Это подтверждает мнение Г. П. Торсуева, который считает, что для определения типологии фонологических систем наибольшее значение имеет «система фонем (включая дифференциальные черты и соотношение подсистем — гласных, согласных и т. п.), частотная характеристика фонем и их функциональная нагрузка»¹.

Типологические показатели подсистемы гласных фонем в двух языках

Сформулированные выше показатели дают достаточно объективные основания для составления типологических характеристик подсистемы гласных в двух языках.

Подсистема гласных английского языка складывается из двух типов фонем:

1) 12 монофтонгов и 2) 8 дифтонгов.

Для подсистемы английских гласных (монофтонгов) фонологически существенное значение имеет признак ряда с подразделением на

---

¹ Торсуев Г. П. Разновидности типологии языков и показатели фонетической и фонологической типологии // Структурно-типологическое описание современных германских языков. — М., 1966. — С. 266.

гласные обычного и гласные продвинутого вперед или отодвинутого назад ряда и признак подъема с подразделением на две разновидности — узкую и широкую.

По признаку ряда английские гласные располагаются так:

- 1) гласные переднего ряда: [i:], [e], [æ];
- 2) гласные среднего отодвинутого ряда: [ɪ];
- 3) гласные среднего ряда: [ɜ:], [ə];
- 4) гласные заднего ряда: [ɒ], [ɔ:], [u:];
- 5) гласные заднего продвинутого ряда: [ɑ:], [ʌ], [ʊ].

По признаку подъема они классифицируются так:

- 1) гласные верхнего подъема узкие: [i:], [u:];
- 2) гласные верхнего подъема широкие: [ɪ], [ʊ];
- 3) гласные среднего подъема узкие: [e], [ɜ:];
- 4) гласные среднего подъема широкие: [ə];
- 5) гласные нижнего подъема узкие: [ʌ], [ɔ:];
- 6) гласные нижнего подъема широкие: [æ], [ɑ:], [ɒ].

Подсистема русских гласных состоит из 6 фонем. В отличие от подсистемы английских гласных, в русской подсистеме фонологически существенным является деление по признаку ряда и подъема без каких-либо подразделений.

По признаку ряда русские гласные располагаются так:

- 1) гласные переднего ряда: [и], [э];
- 2) гласные среднего ряда: [ы];
- 3) гласные заднего ряда: [а], [о], [у].

По признаку подъема они классифицируются так:

- 1) гласные верхнего подъема: [и], [у];
- 2) гласные среднего подъема: [э], [о];
- 3) гласные нижнего подъема: [а], [э].

В английской подсистеме гласных существуют следующие 6 оппозиций гласных по признаку ряда:

[i:-u:] — beat–boot;	[æ-a:] — cat–cart;
[ɪ-ʊ] — kick–cook;	[ɑ:-ɒ] — heart–hot;
[e-ɜ:] — bed–bird;	[ʌ-ɔ:] — tuck–talk.

В русской подсистеме гласных существуют следующие 4 оппозиции по признаку ряда:

[и-у] — *нить-путь*; [ы-у] — *мыл-мул*; [э-о] — *мел-мол*; [и-ы] — *бил-был*.

По признаку подъема в английской подсистеме гласных имеются следующие оппозиции:

1. В пределах одного и того же подъема:

[i:-ɪ] — feel–fill;	[ɜ:-ə] — foreword–forward;
[u:-ʊ] — pool–pull;	[ɔ:-ɒ] — port–pot.

В русской подсистеме гласных такие оппозиции полностью отсутствуют.

2. В пределах разных подъемов:

[i:–æ] — seed–sad; [ʊ–ʌ] — look–luck;

[i:–e] — neat–net; [ɪ–e] — bill–bell;

[ʊ–ɑ:] — look–lark; [u:–ɔ:] — fool–fall;

[u:–ɒ] — soup–sop.

В русской подсистеме гласных имеются такие оппозиции по признаку подъема (в пределах разных подъемов):

[и–э] — *пил–пел*; [y–o] — *тут–тот*;

[э–а] — *села–сало*; [o–a] — *сом–сам*;

[y–a] — *стул–стал*; [y–э] — *ухо–эхо*.

Подсистема английских гласных характеризуется наличием девяти дифтонгов: [eɪ, aɪ, ɔɪ; aʊ, oʊ; ю, ээ, рэ, үэ]. Эти дифтонги образуют ряд оппозиций с монофтонгами и особенно много (до 36) оппозиций друг с другом, что можно видеть на таблице, приведенной в труде проф. В. А. Васильева ¹.

В русской подсистеме гласных дифтонги отсутствуют. Существующие в ряде слов фонетические дифтонги фонологически дифтонгами не являются, так как они состоят из двух фонем — гласной и неслогового [ɨ], которое в случае присоединения к соответствующему слову словоизменяющей или словообразовательной морфемы, начинающейся с гласной, присоединяется к последующему гласному; ср.: *край* — *края* [кра-й̣ь], *дай* — *даю* [дай̣у] и т. д.

Дистрибуция гласных фонем в обоих языках имеет типологические различия. В английском языке завершать открытый слог, то есть слог со структурой CV, могут только долгие гласные или дифтонги, а в неударной позиции гласный [ə], имеющий различное графическое выражение; ср.: potato [pə'teɪtəʊ] — *картофель*, female [fi:meɪl] — *женщина*, pupil [pju:pl] — *ученик*, teacher [ti:tʃə] — *учитель*.

Краткие гласные [ɪ], [e], [æ], [ɒ], [ʊ], [ʌ] завершать открытый слог со структурой CV не могут. Эта особенность носит типологический характер, поскольку она характеризует дистрибуцию подсистемы гласных в целом.

В противоположность дистрибуции гласных фонем в английском языке, в русском языке отсутствуют какие-либо ограничения, касающиеся возможности появления того или иного гласного в любой позиции в слог. Единственное ограничение касается дистрибуции фонемы [ы], которая может находиться только после твердых согласных; ср.: *был*, *выть*, *дышать*, *зыбь* и т. д.

¹ См.: Vassilyev V. A. English Phonetics: A Theoretical Course. — М., 1970. — Р. 199.

Таблица типологических признаков подсистемы гласных в двух языках

Признаки	Язык	
	Английский	Русский
Монофтонги	12	6
Дифтонги	8	нет
Число рядов	5	3
Число подъемов	5	3
Оппозиции по ряду	6	4
Оппозиции в пределах одного подъема	4	нет
Оппозиции в пределах разных подъемов	7	6
Длительность гласных	различаются	не различаются
Дистрибуция	зависит от структуры слога	не зависит от структуры слога

Типологические показатели подсистемы согласных фонем в двух языках

Сопоставление инвентаря подсистемы согласных фонем в английском и русском языках позволяет установить следующие типологические признаки этих подсистем.

Общее число согласных фонем в английском языке составляет 24 фонемы¹; в русском языке — 35 фонем. Значительное превышение числа согласных фонем в русском языке происходит за счет наличия в его фонологической системе мягких, или палатализованных, коррелятов твердых фонем.

В подсистеме согласных обоих языков имеются как взрывные, так и щелевые (фрикативные) и сонорные фонемы, а также аффрикаты.

В английском языке существует 6 зон артикуляции — *лабиальная, интердентальная, альвеолярная, средняяязычная, задняяязычная и гортанная*. В русском языке интердентальная и гортанная зоны артикуляции отсутствуют, а вместо альвеолярной имеется дентальная зона.

Подсистемы согласных в сопоставляемых языках характеризуются следующими классами фонем:

Класс взрывных:

в английском языке — [p, t, k; b, d, g];

в русском языке — [п, п', т, т', к, к'; б, б', д, д', г, г'].

¹ В. А. Васильев выделяет еще фонему [м] в словах which, whether и др.

Класс щелевых:

в английском языке — [f, θ, s, ʃ; w, v, ð, z, ʒ, h];

в русском языке — [ф, ф', с, с', ш, х, х', в, в', з, з', ж].

Класс аффрикат наиболее ограничен в обоих языках:

в английском языке — [tʃ, dʒ];

в русском языке — [ч, ц].

Класс сонорных:

в английском языке — [m, n, r, l, j, ŋ];

в русском языке — [м, м', н, н', р, р', л, л', й].

Класс долгих согласных:

в английском языке — отсутствуют;

в русском языке — [ж':, ш':].

Наибольшие расхождения по инвентарю согласных фонем наблюдаются в классе щелевых, где имеются фонемы [θ, w, ð, h], и в классе сонорных, где имеется фонема [ŋ], отсутствующие в русском языке.

Как в английской, так и в русской подсистеме согласных существует корреляция по звонкости — глухости. В английской подсистеме 16 согласных из 18 образуют 6 коррелирующих пар:

[p-b]: pill-bill;	[f-v]: fat-vat;
[t-d]: team-deem ;	[s-z]: seal-zeal;
[k-g]: coat-goat;	[tʃ-dʒ]: rich-ridge.

Перечисленные коррелятивные пары образуют сильные фонологические оппозиции во всех трех позициях в слове — начальной, срединной, конечной.

Коррелятивные пары [θ-ð] и [ʃ-ʒ] представлены лишь единичными примерами, и поэтому их следует считать слабыми оппозициями.

В русской подсистеме из 26 членов оппозиции звонкость — глухость 18 образуют 9 коррелирующих пар:

[п-б]: <i>путь-будь</i> ;	[ф-в]: <i>фон-вон</i> ;
[п'-б']: <i>пить-бить</i> ;	
[т-д]: <i>том-дом</i> ;	[с-з]: <i>собор-забор</i> ;
[т'-д']: <i>тень-день</i> ;	[с'-з']: <i>сев-зев</i> ;
[к-г]: <i>кол-гол</i> ;	[х-к]: <i>ход-код</i> .

4 согласных [х, х', ц, ч] коррелирующих пар не имеют.

В отличие от английской, в русской подсистеме существует еще один тип корреляции — корреляция по палатальности — непалатальности. Из 30 членов этой оппозиции лишь 20 образуют 10 коррелирующих пар:

[б-б']: <i>был-бил</i> ;	[т-т']: <i>чистит-чистить</i> ;
[п-п']: <i>пыль-пил</i> ;	[н-н']: <i>нос-нёс</i> ;
[в-в']: <i>выть-вить</i> ;	[с-с']: <i>вес-весь</i> ;
[ф-ф']: <i>кров-кровь</i> ;	[л-л']: <i>лук-люк</i> ;
[м-м']: <i>мать-мять</i> ;	[р-р']: <i>рад-ряд</i> .

Как отмечалось выше (с. 66), нейтрализация фонем относится к числу показателей, входящих в типологическую характеристику подсистемы согласных фонем. При нейтрализации происходит снятие определенного противопоставления в данной коррелирующей паре.

В русском языке нейтрализация наблюдается двух случаях: 1) нейтрализация оппозиции звонкость — незвонкость, когда снимается различительный признак звонкости; 2) нейтрализация оппозиции звонкость — незвонкость, когда добавляется признак звонкости ко второму члену оппозиции.

Нейтрализация оппозиции звонкость — незвонкость происходит во всех случаях, когда звонкая фонема находится в конце слова перед паузой или перед последующим словом без паузы перед глухим или сонорным согласным, а также перед гласным; в середине слова перед глухим согласным.

При этом звонкие фонемы [б, б', в, в', д, д', з, з', ж, г, г'] изменяются в глухие [п, п', ф, ф', т, т', с, с', ш, к, к']: *лоб* [лоп], *зябь* [з'ап'], *кров* [кроф], *кровь* [кроф'], *сад* [сат], *грудь* [грут'], *из* [ис], *грязь* [гр'ас'], *уш* [уш], *луг* [лук].

Английской подсистеме согласных явление нейтрализации несвойственно. Звонкие фонемы, находящиеся в позиции конца слова или слогов, лишь частично утрачивают звонкость, но тем не менее они остаются вне оппозиции звонкость — незвонкость, как безразличные к данному противопоставлению.

В русском языке наблюдается так называемая обратная тенденция, то есть нейтрализация, когда глухие согласные в позиции конца слов приобретают признак звонкости, если они оказываются перед звонким согласным в позиции начала следующего слова в речевой цепи; ср. *от города* [ад горь?да], *с горы*[зга ры] и т. д.

Это различие типологических признаков подсистемы согласных обоих языков имеет непосредственное отношение к методике постановки произношения на иностранном языке, поскольку оглушение звонких согласных в позиции конца слова является одной из устойчивых ошибок русских учащихся как средней, так и высшей школы.

В русской подсистеме согласных наиболее четко выделяются два типа оппозиций: *твердость* — *мягкость* и *глухость* — *звонкость*. Как отмечает В. К. Журавлев, оппозиция твердость — мягкость не только имеет несколько бóльшую силу, чем оппозиция глухость — звонкость в современном русском языке, но и тенденцию к усилению¹.

В английском языке существенно важным является один тип оппозиции: *глухость* — *звонкость*.

¹ См.: Журавлев В. К. К понятию «силы» фонологической оппозиции // Фонетика. Фонология. Грамматика. — М., 1971. — С. 115–116.

Дистрибуция фонем и их частота также имеют значение для определения типологических свойств фонологических систем. Частота фонем может быть установлена как по целым классам фонем, так и по отдельным фонемам. Так, анализ частотности глухих фонем дает такие индексы встречаемости: в английском языке — 0,26%; в русском языке — около 0,18%. Индекс встречаемости звонких фонем в английском языке составляет 0,14% по сравнению с русским языком, где соответствующий индекс составляет 0,11–0,13%.

В обоих языках наблюдаются случаи чередования согласных. Однако по своему фактическому характеру эти чередования различны. Так, в русском языке существуют фонетические чередования, которые представляют собой реализацию действующего в языке закона нейтрализации звонких фонем, например: *сад* [сат], но *сада*; *голубь* [голуп'], но *голуби*. Так как в фонологической системе английского языка этот тип нейтрализации оппозиции звонкий — незвонкий не представлен, то и случаи фонетического чередования согласных также отсутствуют.

Другой тип чередования — исторические, или традиционные, чередования — можно обнаружить как в одном, так и в другом языке. Однако они имеют различные области распространения. В русском языке эти чередования возникают как результат или отражение фонетических процессов, действовавших в более ранние периоды развития русского языка. Возникающие при этом согласные представляют собой разные фонемы. Наиболее частые случаи исторического чередования согласных следующие:

г∞ж — мог — можешь — может и т. д.; плуг — плужный¹;
 к∞ч — секу — сечешь — сечет и т. д.; крюк — крючок;
 х∞ш — сухой — суше; глухой — глушить;
 з∞ж — сказать — скажу — скажет и т. д.;
 с∞ш — писать — пишу;
 д∞ж — ходить — хожу;
 т∞ч — хотеть — хочу и т. д.

Как видно из примеров, историческое чередование используется в словоформах одной и той же лексемы, а также при образовании слов, принадлежащих другой части речи.

В английском языке исторические чередования носят более ограниченный характер. Они возникают только при соотношении двух лексем. Наиболее частые случаи следующие:

d∞zn — divide — division;
 z∞zə — seize — seizure;
 s∞ʃn — oppress — oppression;
 t∞ʃn — imitate — imitation.

¹ Знак ∞ обозначает историческое чередование одной фонемы с другой.

Дистрибуция согласных фонем в английском языке характеризуется невозможностью появления заднеязычной носовой фонемы [ŋ] в начальной позиции в слове или слове и фонемы [h] в конечной позиции в слове или слове.

В русском языке, как уже отмечалось выше, невозможно появление звонкой фонемы в конечной позиции, где звонкость нейтрализуется, и палатальных фонем перед гласной фонемой [ы].

Таблица типологических признаков подсистемы согласных в двух языках

Признаки	Язык	
	Английский	Русский
Взрывные	6	12
Щелевые	10	12
Аффрикаты	2	2
Сонорные	6	9
Долгие	—	2
Корреляция по глухости — звонкости	есть	есть
Корреляция по палатальности — непалатальности	нет	есть
Нейтрализация оппозиции звонкость — незвонкость	нет	есть
Частотность	0,26	0,18
Дистрибуция:		
[ŋ]	только в конце слога или слова	—
[h]	только в начале и в середине слога или слова	—

Типологические характеристики суперсегментных средств

Установление типологических свойств фонологических систем сопоставляемых языков включает в себя также определение типологических признаков суперсегментных фонологических средств, к которым относятся ударение и интонация.

Типологические показатели ударения. Под ударением, или акцентом, понимается выделение различными фонетическими средствами одного из слогов в составе слова или словосочетания.

Под типом ударения следует понимать некоторую устойчивую совокупность структурно-акустических признаков, характеризующих данное ударение как суперсегментное фонологическое средство. Эти признаки характеризуют основные стороны ударения и вытекают из следующих свойств ударения:

1) Природа ударения: ударение может быть силовым, или динамическим, если оно определяется силой выдоха; музыкальным, если оно связано с высотой тона; количественным, если оно сопряжено с долготой звука.

2) Место ударения в слове: ударение может быть неподвижным, или фиксированным, если оно прикреплено к определенному слогу в слове; подвижным, если оно может перемещаться в слове с одного слога на другой.

3) Качество ударения: главное ударение выполняет свою основную, выделительную функцию; второстепенное ударение — более слабое ударение, выполняющее вспомогательную функцию.

4) Функция ударения: словоразличительная, если оно служит для различения отдельных лексических единиц (ср.: рус. *за́мок* и *замо́к*), и форморазличительная, если ударение используется для различения словоформ одного и того же слова (ср.: *го́да* — *го́да́*, *у́гры* — *игры́* и т. д.).

Перечисленные выше показатели дают достаточно объективные данные для определения типологических характеристик подсистемы ударения в обоих языках.

По своей природе ударение в сопоставляемых языках сходно, так как оно является в основном силовым, или динамическим, с той только разницей, что в английском ударении преобладает высотный компонент, а в русском — квантитативный.

По месту ударения в слове английский и русский значительно отличаются друг от друга. Английское ударение может в типологическом плане считаться постоянным, или неподвижным, так как подавляющее большинство английских двусложных и трехсложных слов имеют ударение на начальном слоге, что и может рассматриваться как один из типологических признаков системы ударения в этом языке.

Ударение, как правило, сохраняется на том же слоге, если к корневой морфеме прибавляются словообразовательные морфемы; ср.: *power* — *powerful*, *a'muse* — *a'musing*, *free* — *freedom*.

Относительно ограниченное число слов с ударением на других слогах, кроме первого, не может служить типологическим признаком, поскольку этот признак имеет небольшое распространение в языке.

В противоположность английскому, русское ударение является подвижным, то есть может переходить в слове с одного слога на другой; ср.: *заме́тить*, но *замеча́ть*, *сло́во*, но *словáрь*, *конча́ть*, но *закáнчивать* и т. д. В производных словах ударение также может

переходить с одного слога на другой, то есть может менять свое место: *час* — *часово́й* — *часовщи́к*; *соль* — *солё́ный* — *солево́й* и т. д.

В английском языке также можно найти случаи изменения места ударения в производных словах, например: *industry* [ˈɪndʌstri] — *industrial* [ɪnˈdʌstriəl]; *economy* [iˈkɒməni] — *economical* [iːkəˈnɒmɪkəl]. Однако эти случаи очень немногочисленные, и поэтому, в противоположность русской системе ударения, они типологически несущественны.

Отличие в типологических признаках обеих систем ударения заключается также и в том, что в английском языке существует отчетливо выраженное вторичное ударение в словах с количеством слогов более четырех, в которых главное ударение падает на второй или третий слог от конца; ср.: *celebration* [ˌselɪ breɪʃən] — *празднование*, *operation* [ˌɒpə reɪʃən] — *действие, операция*; *interference* [ˌɪntə fiərəns] — *вмешательство*. Второстепенное ударение возникает, как правило, на втором, реже на третьем слоге от слога, несущего главное ударение. Это свойство второстепенного ударения, связанное с ритмическим характером чередования ударных и неударных слогов в слове, существенно отличается от свойств русского второстепенного ударения, которое, во-первых, по своей силе слабее английского, во-вторых, встречается только в многосложных словах, образованных из двух или более основ. Это свойство английского второстепенного ударения служит источником постоянных и устойчивых ошибок студентов, которые вместо [ˌdeməns treɪʃən] произносят [dɪməns treɪʃən], вместо [ˌrezə luːʃən] произносят [rɪzə luːʃən] и вместо [ˌrevə luːʃən] произносят [rɪvə luːʃən], то есть вместо двух ударений — главного и второстепенного — используют только главное ударение, что соответственно меняет звуковой облик слова.

Функции ударения в обоих языках также различны: в русском языке ударение служит средством разграничения как отдельных лексем, например *му́ка* — *мука́*, *за́мок* — *замо́к*, так и отдельных словоформ одной лексемы, например, различение форм множественного числа именительного падежа и форм единственного числа родительного падежа существительных женского и среднего рода; ср.: *зимы́* — *зѐмы*, *ноги́* — *но́ги*, *по́ля* — *поля́*, *о́зера* — *озѐра* и т. д.

В английском языке ударение служит средством различения двусложных слов, относящихся к различным частям речи: положение ударения на первом слоге двусложного слова характеризует существительные (ср.: *import* — *ввоз, импорт*; *imprint* — *отпечаток*; *export* — *экспорт*); положение ударения на втором слоге характерно для глаголов (ср.: *im port* — *ввозить, импортировать*; *im print* — *отпечатывать*; *ex port* — *экспортировать*). Однако эта функция английского ударения характерна для сравнительно незначительного

числа слов и поэтому включаться в типологическую характеристику системы ударения не может.

Все сказанное о типологических свойствах системы ударения в обоих языках может быть кратко подытожено в приводимой ниже таблице.

Признаки	Язык	
	Английский	Русский
Силовое ударение (с квантитативным компонентом)	–	+
Силовое ударение (с высотным компонентом)	+	–
Неподвижное ударение	+	+
Подвижное ударение	–	+
Главное ударение	+	+
Второстепенное ударение	+	+(?)
Словоразличительная функция	+(?)	+
Форморазличительная функция	–	+

Типологические свойства интонации. Интонация, так же как и ударение, относится к суперсегментным фонологическим средствам языка. Она постоянно присутствует в речевом процессе и, накладываясь на линейную структуру речи, служит важнейшим средством различения смысла воспринимаемой на слух речевой цепочки.

Интонация представляет собой сложное образование, включающее: 1) мелодику, или различные формы движения тона в звучащем предложении; 2) различные виды ударения; 3) паузы и 4) тембровые варианты.

Как и всякое языковое средство, интонация имеет определенную структуру, которая образует ряд типов. Эти типы обеспечивают правильное формирование речи носителями данного языка, что способствует ее адекватному пониманию на слух и тем самым обеспечивает процесс общения между людьми.

К сожалению, недостаточная изученность отдельных сторон интонации как в русском¹, так и в английском языке² ограничивает возможности выработки четких и достаточно полных критериев, которые могли бы служить основанием для определения интонационных единиц как основы для выделения типов интонации в сопоставительном плане.

¹ См.: Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. — М., 1976. — С. 241.

² См.: Vassilyev V. A. English Phonetics: A Theoretical Course. — М., 1970. — Pp. 309, 310, 320.

Поэтому мы здесь ограничимся только тем, что наметим в предварительном плане лишь некоторые критерии, которые могли бы быть использованы для выделения наиболее очевидных типов интонации того и другого языка. Очевидно, эти критерии могут быть сформулированы исходя из учета структурно-семантических свойств интонации как суперсегментного фонологического средства.

Как и во всех вопросах, связанных с определением типологии того или другого уровня языка или отдельных его микросистем, необходимо прежде всего определить единицу типологического сопоставления. При определении такой единицы на уровне интонации необходимо помнить, что единица интонационного уровня и единица синтаксического уровня, с которым интонация тесно связана, как правило, не совпадают. Поэтому синтаксические единицы — словосочетание и предложение — не могут быть приняты в качестве единиц интонации. Учитывая этот факт, акад. Л. В. Щерба в 1938 г., используя старый синтаксический термин «синтагма», вложил в него новое содержание, понимая под синтагмой группу слов, представляющих единое смысловое целое для данного контекста. В дальнейшем термин «синтагма» как интонационный термин дополнялся и уточнялся.

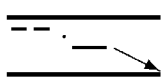
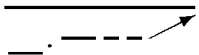
Термин «синтагма» может быть использован для обозначения единицы измерения интонации. Для этого ему следует придать интонационно-структурное содержание. Как показывают данные интонационного анализа, всякая синтагма как интонационная единица состоит из трех компонентов: безударной части, с которой начинается движение тона; шкалы, составляющей основную часть синтагмы, содержащей комплекс ударных и безударных слогов, объединенных интонационным рисунком; и завершения, замыкающегося обычно, но не всегда, паузой. Такая интонационная единица объединяет группу слов, имеющих, как отмечал Л. В. Щерба, единое смысловое целое, то есть представляющих собой смысловую группу. Таким образом, *единицей интонационного членения мы будем считать отрезок речевой интонации от начала движения тона до его завершения, чаще всего ограниченный паузой, состоящий из предударной части, шкалы и завершения, накладывающихся на одну смысловую группу.*

Так как основными показателями интонационной синтагмы являются мелодика и ударение, а другие ее компоненты, и в частности паузация и тембровые варианты, не могут еще быть учтены вследствие их недостаточной изученности, то, очевидно, основным критерием, определяющим тип интонационной синтагмы, следует считать характер движения тона, определяющий мелодический рисунок синтагмы. Материал того и другого языка показывает, что общее движение тона в шкале может быть либо нисходящим, либо восходящим.

Завершение, или мелодика конца синтагмы, может иметь один из трех тонов: нисходящий, восходящий или ровный тон, что имеет

фонологическое значение, так как служит для различения смысла синтагмы; одно и то же предложение получает различный смысл в зависимости от тонового характера завершения; ср.: *Миша приехал*

 с падающим завершением — констатация факта; *Миша приехал?* с восходящим завершением — вопрос.

Поэтому учет структуры завершения следует также признать одним из критериев, определяющих тип интонационной синтагмы.

Итак, два рассмотренных выше критерия определяют в предварительном плане типологию интонационных синтагм как единиц типологического сопоставления: 1) характер движения тона в шкале — нисходящий тон, восходящий тон, ровный тон; 2) характер завершения синтагмы — падающее завершение, восходящее завершение.

Сочетание этих критериев, взятых во взаимосвязи, и дает ту величину, которую мы называем типом синтагмы.

Необходимо помнить, что, говоря о том или ином типе или подтипе интонационной синтагмы, мы имеем в виду ее обобщенные характеристики. Все же отдельные отклонения от общего и типичного носят частный характер и в типологии интонационных синтагм учтены быть не могут.

Наш материал дает возможность наметить, пока в предварительном порядке, следующие типы интонационных синтагм:

1. Тип синтагм с понижающейся шкалой

Синтагмы, относящиеся к этому типу, характеризуются тем, что движение тона начинается чаще всего на среднем уровне и опускается в каждом последующем ударном слоге, в то время как безударные слоги, находящиеся между ними, произносятся ровным тоном того же уровня, что и последний ударный слог.

Мелодия конца интонационной синтагмы, то есть завершения, может быть различной, что дает основания для выделения трех подтипов: 1) подтипа с нисходящим, или падающим, завершением; 2) подтипа с восходящим завершением и 3) подтипа с ровным завершением.

1. Подтип синтагм с нисходящим завершением. Синтагмы этого подтипа используются как в русском, так и в английском языке для интонационного оформления: 1) повествовательных предложений; 2) побудительных предложений; 3) восклицательных предложений; 4) вопросительных предложений, начинающихся с вопросительных слов. В синтагмах, оформляющих эти предложения как в русском, так и в английском языке тон повышается на ударном слоге вопросительного слова.

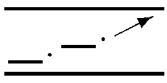
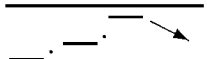
2. Подтип синтагм с нисходящим тоном и восходящим завершением. Синтагмы этого подтипа представлены ин-

тонацией: 1) незаконченных предложений, предшествующих другому предложению, в том числе и придаточных, предшествующих главному предложению. Синтагмы этой структуры представлены как в русском, так и в английском языке; ср. *он сказа́л* — повествовательное предложение; *он сказа́л, что...*; *когда он сказа́л ...*; Mrs Cheveley: I hope you will be more reasonable in four terms (O. Wilde. *An Ideal Husband*); 2) общих вопросов, начинающихся с вспомогательных глаголов: Did you have a good crossing? (J. Galsworthy. *In Chancery*).

3. Подтип синтагм с понижающейся шкалой и ровным завершением. Синтагмы, относящиеся к этому подтипу, оформляют вводные предложения, следующие за прямой речью, которая имеет интонационное оформление с падающим завершением; ср.: — *Ты напиши, как устроишься, как встретьт, — напутствовал его Мересьев* (Б. Полевой. *Повесть о настоящем человеке*). — «You're quite right» said Soames quietly (J. Galsworthy. *In Chancery*).

II. Тип синтагм с повышающейся шкалой

Интонационные синтагмы, относящиеся к этому типу, характеризуются изменением высоты тона от низкого или среднего по уровню ударного слога вплоть до завершения синтагмы.

В зависимости от характера завершения, то есть от мелодии конца синтагмы, эти синтагмы подразделяются на два подтипа: подтип с восходящим завершением с мелодическим рисунком и подтип с нисходящим завершением с мелодическим рисунком .

1. Подтип синтагм с восходящим завершением, широко распространенный в русском языке и нетипичный для английского языка, используется для интонационного оформления: 1) вопросительных предложений без вопросительных слов, имеющих структуру повествовательного предложения, так называемых интонационных вопросов; ср.: *Ты мою телеграмму получи́л? Самолет из Ташкента при́был?* и т. д.; 2) вопросительных предложений, начинающихся со слова *разве* и имеющих в конце слова́, являющиеся центром высказывания; ср.: *Разве вы зна́комы? Разве экзамены будут в апрéле?* и т. д.; 3) неполных вопросительных предложений без сказуемого, начинающихся союзом *а*; ср.: *А о́ни?...*; *А ваш му́ж?* Наличие в русском языке интонационных синтагм этого подтипа служит источником частых ошибок русских студентов в интонационном оформлении соответствующих им по смыслу английских предложений.

2. Подтип синтагм с нисходящим завершением используется для интонационного оформления: 1) вопросительных предложений, начинающихся со слова *разве*, в которых за центром высказывания следуют обстоятельства; ср.: *Разве ты получи́л письмо от брата?*; 2) вопросительных предложений с частицами *неужели* и *ли*; ср.: *Неужели вы так и не припо́мните, где мы встретились?*; 3) вопросительных предложений с инверсией сказуемого; ср.: *Говорите ли вы по-английски?*; 4) альтернативных вопросов с союзом *или*; ср.: *Вы поедете в Кры́м или на Кавказ?*; 5) предложений содержащих перечисление. В этих предложениях каждому перечисляемому члену соответствует повышение тона, а последний член шкалы имеет нисходящее завершение.

III. Тип синтагм с ровной шкалой

К этому типу относятся интонационные синтагмы, у которых шкала характеризуется отсутствием изменения высоты тона, произносимого на среднем или низком уровне. Этот тип синтагм используется для интонационного оформления: 1) ответных вопросительных предложений, повторяющих вопрос; ср.: *Что ты будешь делать на каникулах? — Что я буду делать?*; 2) вводных слов и предложений, обычно произносимых на несколько более низком уровне, чем остальные члены предложений; 3) предложений при чтении поэтических произведений, декламации и т. д.

Рассмотренные типы интонационных синтагм нейтрального стиля можно, не претендуя на всестороннее решение проблемы их типологии, представить в следующей таблице.

Таблица типов интонационных синтагм

Типы синтагм	Подтип синтагм	Русский язык	Английский язык
С понижающейся шкалой	С нисходящим завершением	+	+
	С восходящим завершением	+	+
	С ровным завершением	+	+
С повышающейся шкалой	С восходящим завершением	+	—
	С нисходящим завершением	+	—
С ровной шкалой		+	—

Типология слоговых структур

Завершая рассмотрение типологических особенностей фонологических систем в обоих языках, нельзя не коснуться вопроса о типологии слогов и слоговых структур, которые тесно связаны с фонологическим строем данного языка и зависят от него.

В современном языкознании отсутствует единая концепция слога. Представители так называемой теории выдыхательного толчка (Р. Стетсон, Г. Суит) полагают, что слог как комплексная единица соответствует выдыхательному толчку, возникающему в процессе производства речи, и образуется с его помощью. Количество слогов в слове, согласно этой концепции, соответствует, таким образом, количеству выдыхательных толчков, что, однако, не находит подтверждения в фактах языка. В самом деле, слово *de-re-vo*, состоящее из трех слогов, практически произносится не с тремя, а только с одним выдыхательным толчком; так же и двусложное английское слово Russian [rʌʃn] произносится не с двумя, а с одним выдыхательным толчком.

Сторонники так называемой теории сонорности (О. Есперсен, Д. Джоунз и др.) считают, что слог образуется фонемами путем группировки менее сонорных фонем возле более сонорных, образующих вершину слога. О. Есперсен показал, что наибольшей степенью сонорности обладают широкие гласные, за ними следуют узкие гласные, а затем сонорные согласные. Шумные взрывные и фрикативные, звонкие и глухие, группируясь вокруг гласных или сонантов как фонем, обладающих наибольшей степенью сонорности, образуют слог.

В отечественном языкознании принята концепция слога акад. Л. В. Щербы, согласно которой слог представляет собой «часть речевого потока, начиная с усиливающегося звука и кончая ослабляющимся»¹. Эта концепция была дополнена трудами отечественных ученых и известна как теория мускульного напряжения. Таким образом, *слог — эта комплексная фонологическая единица — представляет собой как бы дугу мускульного напряжения, постепенно нарастающего и доходящего до своей вершины, а затем постепенно спадающего*. Со степенью мускульного напряжения связаны изменения акустического порядка, то есть степень громкости звуков, входящих в состав слога.

Слог может состоять как из одного гласного, так и из соединения гласного с одним согласным или более, а также из слогового согласного (сонанта) и примыкающего к нему согласного; ср.: *ta-ble* [teɪ-bl], *pu-pil* [pju:-pɪ] и т. д.

¹ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 160.

Как в русском, так и в английском языке существуют четыре типа слога:

1. *Полностью открытый слог*, то есть слог, в составе которого имеется только один гласный (монофтонг или дифтонг), то есть V; ср.: рус. *и* (союз), *о* (предлог); англ. eye [aɪ] — *глаз*, ear [ɪə] — *ухо*, age [ɑ:] — словоформа глагола to be и т. д.

2. *Полностью закрытый слог*, то есть слог, в составе которого имеется начальный и конечный согласный, то есть CVC¹; ср.: *сад*, *дом*, *кот*; англ. hat — *шляпа*, top — *вершина*, look — *взгляд* и т. д.

3. *Прикрытый слог*, то есть слог, в составе которого имеется один начальный согласный и гласный, то есть CV; ср.: рус. *на*, *до*, *то*; англ. day [deɪ] — *день*, know [naʊ], far [fɑ:] — *далеко* и т. д.

4. *Закрытый слог*, то есть слог, в составе которого имеется гласный и конечный согласный, то есть VC; ср.: рус. *ил*, *от*, *им*; англ. is [ɪz] — *есть*, ice [aɪs] — *лед*, arm [ɑ:m] — *рука* и т. д.

Хотя в обоих языках мы обнаруживаем одни и те же четыре типа слогов, тем не менее место и удельный вес каждого из типов в соответствующем языке оказываются резко различными.

Степень различия дополняют особенности дистрибуции фонем в начальном, срединном и конечном положении.

Основные типы слоговых структур в английском и русском языках

Слоги по составу входящих в них фонем могут иметь различную структуру. Однако, как бы разнообразен ни был состав их фонем, они образуют в обоих языках ограниченное число типов, которые носят название типов слоговых структур. Число этих типов в русском языке не превышает 20², в английском оно равно 23³.

Для определения типа слоговой структуры можно использовать следующие критерии: 1) образование вершины слога гласным звуком или неслоговым согласным; 2) число согласных в препозиции к вершине слога; 3) число согласных в постпозиции к вершине слога.

На основании применения первого критерия мы можем установить два типа языков: 1) *языки, в которых вершина слога образуется только с помощью гласного*. К числу таких языков относятся русский, польский, украинский и ряд других языков; 2) *языки, в ко-*

¹ C — consonant — обозначает любой согласный; V — vowel — обозначает любой гласный.

² См.: Мoiseев А. И. Типология слогов в современном русском литературном языке // ВЯ. — 1975. — №6. — С. 112.

³ См.: Торсуев Г. П. Вопросы фонетической структуры слова: На материале английского языка. — М.; Л., 1962. — С. 8.

торых вершина слога образуется не только с помощью гласного, но и с помощью слогового согласного. К числу этих языков относится сербский, чешский, английский; ср.: серб. трг — *торг*, срп — *серб*; чеш. vlk — *волк*, prst — *палец*.

В английском языке, в отличие от русского, существуют типы слоговых структур, состоящие только из одних согласных. Слоги этой структуры встречаются только в конце слов, что отличает английский язык от сербского и чешского языков. В этих типах слогов слогообразующей фонемой служит один из сонантов [l] и [ŋ], реже [m]. Рассмотрим эти типы слоговых структур отдельно.

1. Тип СС. Слоговая структура этого типа состоит из двух согласных. Вершиной слога служат слоговые [l], [ŋ] и очень редко [m]. Согласный, находящийся в препозиции к вершине слога, образованной согласными [l] и [ŋ], может быть любым шумным; ср.: pencil [(pen)-sl] — *карандаш*, table [(teɪ)-bɫ] — *стол*, taken [(teɪ)-kŋ] — *взятый*, widen [(waɪ)-dn] — *расширять*, surgeon [sə:dʒŋ] — *хирург*.

2. Тип ССС. В этом типе слоговой структуры вершина слога — слоговой сонант, обычно [ŋ] — находится между двумя согласными; ср.: de-cent [(di:)-snt] — *приличный*; ser-vant [(sə:)-vnt] — *слуга* и т. д.

3. Тип СССС. В этом типе слоговой структуры вершина слога образуется слоговыми [l] и [ŋ]. Она может быть как после первой согласной (ср.: agents [(eɪ)-dʒnts] — *агенты*, students [(stju:)-dnɫs] — *студенты*), так и после второй согласной, как, например, в словах pistols [(pɪ)-stɫz] — *пистолеты*, functional [(fʌŋ)-kʃnl] — *функциональный* и т. д.

Наличие перечисленных выше типов слоговых структур, не имеющих соответствий в типологии слоговых структур русского языка, служит постоянным источником многочисленных устойчивых произносительных ошибок студентов и учащихся средней школы, обычно подменяющих слоговой согласный [ŋ] звукосочетанием [ən], слоговой согласный [l] звукосочетанием [ul] или [ɪl], [əl]; ср.: вместо table [teɪ-bɫ] произносят [teɪ-bʌl], вместо pupil [pju:pl] произносят [pju:pl]; вместо listen [lɪsn] произносят [lɪsən].

По второму критерию — числу согласных в препозиции к вершине слога — оба языка значительно расходятся между собой. Так, для русского языка возможны типы слоговых структур, в которых в препозиции может находиться от одного до четырех согласных, то есть слог могут иметь такую структуру: CV, CCV, CCCV, CCCC V.

Для английского же языка возможны лишь типы слоговых структур не более чем с тремя согласными в препозиции. Особенностью этих слоговых структур является их ограниченность в фонемном отношении в английском языке и почти полная свобода сочетаний фонем в русском языке. Так, в типе слоговой структуры CCV в английском языке первым согласным может быть любой согласный, кроме [ŋ], [ð],

[dʒ], [tʃ] и [ʒ]. Вторым согласным может быть один из сонорных [l], [r], [n] или [m] или же один из согласных [w], [v], [f], [p], [k], [t]; ср.: glow — *блеск*, grow — *расти*, dwell — *жить*, quarter — *четверть*, sky — *небо* и т. д.

В русском языке этот тип слоговой структуры практически ограничений в фонемном составе не имеет; ср.: *два*, *три*, *стоять*, *тку*, *жеребий*, *што-пать*.

Состав согласных в слоговой структуре CCCV английского языка еще более ограничен. Здесь в качестве первого согласного может быть использована только фонема [s], в качестве второго согласного — только глухие взрывные [p], [t], [k] и в качестве третьего согласного — только сонанты [r] и [l]; ср.: screw [skru:] — *винт*, spray [spreɪ] — *струя воды*, straw [strɔ:] — *солома*, splay [spleɪ] — *амбразура* и т. д.

Русскому типу слоговой структуры CCCV эти ограничения несвойственны; здесь, помимо состава фонем, указанных для английского языка, возможны еще многие другие сочетания согласных фонем. Так, наряду со слогами с составом фонем скр + V, например *скро-*(*ить*), стр + V, например *стро-*(*ить*), и спр + V, например *спра-*(*шивать*), что мы находим в английских слогах, мы имеем слоги с таким составом фонем: взд + V, например *взды-*(*хать*), взб + V, например, *взби-*(*ратъся*), всп + V, например *вспо-*(*минать*), мгл + V, например *мгла*.

Тип слоговых структур с четырьмя согласными в препозиции свойственен только русскому языку и отсутствует в английском. В качестве первой согласной употребляется фонема [в] или ее глухой вариант [ф]; вторая согласная — фрикативная звонкая или глухая [з] или [с]. В качестве третьей согласной используется взрывная звонкая [д], [б], [г] или глухая [т], [п], [к]. Наконец, в качестве четвертой согласной используют один из сонантов [л] или [р]; ср.: встр + V, например *встре-**ча*, вскр + V, например *вскри-**чать*, вскл + V, например *вскло-**ко-**чить*, вспл. + V, например *всплеск*, взгл + V, например *взгля-**нуть*, и т. д. Следует, однако, отметить, что число слогов этого типа ограничено.

По третьему критерию — числу согласных в постпозиции к вершине слога — оба языка также значительно отличаются друг от друга. Если максимальный состав согласных в этой позиции в русском языке практически не превышает четырех, то есть VC, VCC, VCCC и VC-ССС, то английский язык в той же позиции допускает до пяти и даже до шести согласных. Это объясняется тем, что, как показало изучение конечных слогов, дополнительный согласный, обычно [s] или [z], представляет собой морфологический показатель множественного числа, то есть несет грамматическую функцию; ср.: minstrels [minstrlz].

Наибольшее распространение в обоих языках имеют типы слоговых структур CVC, то есть полностью закрытый слог, и CV, то есть

прикрытый слог. Однако и в их типологической оценке наблюдается существенная разница. Так, по данным А. Шаменовой¹, слова с полностью закрытым слогом, то есть со структурой CVC, в английском языке составляют около 80% всех слов, встретившихся в исследованном ею текстовом материале. Слова же с открытым слогом составили около 66% того же числа слов. Это свидетельствует о явном преобладании в английском языке слогов полностью закрытого типа по сравнению с другими типами слогов.

В русском языке наиболее распространены слоги типа CCVC, как, например, в словах *стол*, *груз* и т. д., составляющие около 31,8% всех встретившихся словоформ, слоги типа CVC, например в словах *дом*, *сад* и т. д., составляющие 30,5%, и слоги типа CVCC, например в словах *мост*, *серп* и т. д.²

Как в русском, так и в английском языке существуют слоги со структурой V, то есть слоги, в состав которых входит лишь один гласный; ср.: рус. *у* (предлог), *и* (союз), *о*-(*зеро*), *у*-(*тюг*) и т. д.; англ. *island* [ai-(lænd)] — *остров*, *or* [ɔ:] — *или*, *arpen* [ei-(pɪn)] — *фартук* и т. д. Число слогов этой структуры в обоих языках довольно ограничено. Различие между языками заключается в том, что в русском языке в состав такого слога могут входить только монофтонги, кроме [ы], в то время как в английском этот слог могут составлять как монофтонги, так и дифтонги.

В результате рассмотрения и сопоставления типологических характеристик слоговых структур в обоих языках мы можем прийти к следующим выводам:

1. Наличие в английском языке слоговых структур со слогаобразующим сонантом; отсутствие таких типов слоговых структур в русском языке.

2. Большое скопление согласных в препозиции к вершине слога и их разнообразие в русском языке; ограниченный характер согласных в препозиции и по числу и по составу в английском языке.

3. Большое скопление согласных в постпозиции к вершине слога в английском языке при количественном ограничении согласных в этой позиции в русском языке.

4. Преобладание слогов со структурой CCVC, CVC, CVCC в русском языке и слогов со структурой CVC, CV в английском языке.

¹ См.: Шаменова А. Типы слогов в английском и киргизском языках // Труды Кирг. гос. ун-та. Серия романо-германской филол. и методики преподавания иностр. яз. — М., 1972. — Вып. 6. — С. 68–78.

² См.: Мусеев А. И. Типология слогов в современном русском литературном языке // ВЯ. — 1975. — С. 113.

Глава 5

ТИПОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Понятие морфологического уровня языка

Следующим по степени сложности уровнем многоярусной структуры языка является морфологический. Этот уровень рассматривает структуру слова, формы словоизменения, способы выражения грамматических значений, а также отнесение слов к определенной части речи. Основной единицей морфологического уровня является морфема — наименьшая структурная единица, имеющая двусторонний характер. Как и всякая единица языка, кроме фонемы, морфема представляет собой единство формы и содержания.

Под морфемой в данном случае имеется в виду устойчивая последовательность фонем, составляющих ее материальную сторону, содержание же морфемы, или ее семантика, обычно складывается из определенного набора минимальных смысловых элементов, называемых семами.

Морфемы бывают двух родов: это может быть непрямая основа, содержащая значение слова; это могут быть аффиксальные морфемы, несущие служебные функции. Аффиксальные морфемы также бывают двух родов: 1) морфемы словоизменительные, выражающие отношения между словами в словосочетании или предложении; ср.: падежные морфемы в русском языке (*гóрод-а, при-стан-и, на мост-у* и т. д.), морфема прошедшего времени *-л* (*ходил, сидел* и т. д.), морфема прошедшего времени *-(e)d* или морфема сравнительной степени *-er* в английском языке; 2) морфемы словообразовательные (деривационные), используемые или для образования нового слова (ср.: рус. *учи-тель, больн-ица*; англ. *teach-er, free-dom* и т. д.), или же для видоизменения значения слова (ср.: рус. *дом-ик, дом-ишк-о* и т. д.).

Сочетание корневой морфемы с аффиксальной словоизменительной морфемой образует словоформу, то есть одну из возможных форм слова; ср.: *сад — сада — саду* и т. д., *белый — белая — белое, читаю — читаешь — читал — читали* и т. д. Совокупность словоформ одного слова, отражающих систему флективных изменений, образует парадигму, которая служит образцом словоизменения целой группы слов,

входящих в данную часть речи; ср.: парадигма склонения существительных мужского рода, парадигма склонения прилагательных того или другого рода, парадигма спряжения глаголов и т. д.

Совокупность парадигм, характеризующих данный класс слов или данную часть речи, представляет собой грамматическое выражение наиболее общих свойств или характеристик, которыми в грамматическом отношении обладает данная часть речи, а следовательно, и структура данного языка. Эти свойства или характеристики образуют некоторое общеграмматическое понятие, называемое грамматической категорией. В то же время любая грамматическая категория осознается нами только тогда, когда она имеет свое материальное — звуковое — выражение в данном языке. Так, грамматическая категория падежа в русском языке осознается потому, что в этом языке существуют соответствующие падежные морфемы; грамматическая категория сравнительной степени в английском языке осознается как категория потому, что в этом языке существует морфема *-er*, имеющая соответствующую семантику. В то же время грамматическая категория определенности — неопределенности в русском языке отсутствует, поскольку в нем нет грамматических средств выражения этой категории.

Отсюда вытекает двойное понимание грамматической категории: 1) *с одной стороны, это общеграмматическое понятие, существующее в данном языке и отражающее наиболее характерные признаки или свойства данного языка как системы; 2) с другой — это отдельный класс слов, обладающий данными грамматическими признаками.* Например, категория падежа понимается как общеграмматическое понятие выражения отношения между предметными словами или их заменителями и как особый класс слов — существительных, местоимений, обладающих способностью материально выражать эти отношения; ср.: класс одушевленных существительных в русском языке.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что морфологический уровень языка складывается из следующих величин: морфем, содержащих пучки элементарных смысловых элементов — сем, словоформ, выражающих конкретные отношения между словами, парадигм, представляющих собой устойчивую совокупность отношений, и, наконец, грамматических категорий — общих грамматических понятий, получающих свое материальное выражение в классах слов.

Отбор констант, необходимых для установления типологии морфологических систем двух языков

Для того чтобы сопоставить один язык с другим в отношении его отдельных микросистем, необходимо найти такие величины, которые могли бы сопоставляться. Между тем в составе морфологического

уровня имеются самые разнородные величины. Так, в английском языке существует сложная система временных форм, характеризующихся целым рядом признаков, в то время как в русском языке эта система значительно проще. В русском языке существуют видовые пары глаголов, чего нет в английском языке. Словом, морфологические явления обоих языков оказываются часто несопоставимыми.

Между тем типологическое сопоставление невозможно без наличия тождественных величин. Каковы же критерии, которым должна удовлетворять единица типологического сопоставления на морфологическом уровне?

Принимая во внимание тот факт, что типологическое сопоставление производится не на основе материального сходства или этимологического родства, а на основании функционального сходства отдельных явлений сопоставляемых языков, мы считаем, что первым критерием, который может быть принят для характеристики единицы типологического сопоставления, должен быть критерий функционального тождества сопоставляемых явлений. Например, могут быть сопоставлены по сходству функций морфемы сравнительной степени рус. *-ее* и англ. *-er*, морфемы числа рус. *-ы, -и, -á, -а* и англ. *-es, -s, -en* и т. д.

Единица сопоставления должна сочетать в себе общие признаки, свойственные сопоставляемым явлениям в целом, с частными признаками, характеризующими каждое из сопоставляемых явлений в отдельности. Этот критерий сочетания общего и частного дает возможность подводить явления более частного порядка под явления более общего порядка. Так, существующие в различных языках отдельные падежи обладают каждый своими отдельными признаками, отдельными семами. Но все они обладают наряду с этими признаками одним общим признаком — выражением отношения обозначаемого предмета к другим предметам, явлениям, процессам и т. д. Поэтому вторым критерием отбора констант для нашей цели следует считать критерий соответствия общего частному и наоборот.

Единица типологического сопоставления будет тогда иметь достаточную весомость, когда она будет охватывать не единичные слова, а целый класс однородных в грамматическом отношении слов. Из этого обстоятельства вытекает третий критерий, которому должна соответствовать единица типологического сопоставления, — критерий широкого охвата лексических единиц. Так, в русском языке все существительные, обозначающие лиц, в винительном падеже имеют словоформу, омонимичную форме родительного падежа тех же существительных, в отличие от существительных — не-лиц, имеющих в винительном падеже словоформу, омонимичную форме именительного падежа тех же существительных; ср.: И. п. — *брат* — Р. п. — *брата* — В. п. — *брата*; И. п. — *сёстры* — Р. п. — *сестёр* — В. п. — *сестёр*;

И. п. — *дом* — Р. п. — *дома* — В. п. — *дом* и т. д. Как можно видеть, эти особенности словоформ характеризуют два обширных класса слов: лиц, не-лиц.

Выдвинутые нами три критерия: 1) критерий функционального тождества сопоставляемых морфем, 2) критерий соответствия общего частному, 3) критерий широкого охвата лексических единиц, — которые должны быть положены в основу определения единицы типологического сопоставления, позволяют считать, что такой единицей является грамматическая категория, находящая свое материальное выражение в совокупности парадигм.

Необходимо отметить, что аналогичную позицию занимает М. М. Гухман, которая пишет: «Тем самым выбор грамматических категорий в качестве единиц измерения типологического сходства и различия означает привлечение целостной парадигмы в качестве неперменного эталона сравнения, в пределах которой только и раскрывается содержательная структура морфологической грамматической категории»¹.

Основные типологические различия морфологической системы двух языков

Несмотря на то что английский и русский относятся к одной и той же семье языков — индоевропейской, типология их морфологических систем в результате своеобразного исторического развития этих языков резко отличается одна от другой. Это прежде всего можно проследить на морфологической структуре слов как одного, так и другого языка. Так, в английском языке подавляющее число слов, относящихся к знаменательным частям речи, представляют собой одноморфемные образования, в которых корневая морфема одновременно выступает как производящая основа и как самостоятельное слово, как это можно видеть из следующей таблицы.

Корневая морфема	Основа	Отдельное слово	Производное слово	Русское значение
brother-	brother-	brother <i>n</i>	brother + hood	братство
friend-	friend-	friend <i>n</i>	friend + ship	дружба
book-	book-	book <i>n</i>	book + ish	книжный
free-	free-	free <i>adj</i>	free + dom	свобода
kind-	kind-	kind <i>adj</i>	kind + ness	доброта

¹ Гухман М. М. О единицах сопоставительно-типологического анализа грамматических систем родственных языков // Структурно-типологическое описание современных германских языков. — М., 1966. — С. 30.

Корневая морфема	Основа	Отдельное слово	Производное слово	Русское значение
calm-	calm-	calm <i>adj</i>	calm + ly	спокойно
speak-	speak-	speak <i>v</i>	speak + er	оратор
teach-	teach-	teach <i>v</i>	teach + ing	обучение

В противоположность морфологической структуре слова английского языка, знаменательные слова русского языка обычно состоят из двух морфем — корневой и аффиксальной, реже из трех — корневой, основообразующего суффикса, образующего с корневой морфемой основу слова, и аффиксальной морфемы, что можно видеть из следующих таблиц.

Корневая морфема	Основа	Аффикс	Отдельное слово	Словообразовательная морфема	Производное слово
город-	город-	∅	город	-ск-	городской
дом-	дом-	∅	дом	-ов-	домовый
весн-	весн-	-а	весна	-н-	весенний
масл-	масл-	-о	масло	-ен-	масленный
темн-	темн-	-ый	темный	-от-	темнота
син-	син-	-ий	синий	-ев-	синева
чита-	чита-	-ть	читать	-атель	читатель
друж-	друж-	-ить	дружить	-б-	дружба
сид-	сид-	-еть	сидеть	-ени-	сидение

В современном русском языке знаменательные слова с тремя морфемами представлены в очень ограниченном количестве; см. таблицу:

Корневая морфема	Основообразовательная морфема	Основа	Аффикс	Отдельное слово	Словообразовательная морфема	Производное слово
врем-	-ен-	времен-	-и, -ем	времени, временем	-н-	временный, временщик
тел-	-ят-	телят-	-а	телята	-ин-	телятина
неб-	-ес-	небес-	-а́	небеса́	-н-	небесный
доч-	-ер-	дочер-	-и	дочери	-н-	дочерний

Типология частей речи

Уже в глубокой древности люди обращали внимание на то, что слова, которыми они пользовались в своем родном языке, ведут себя в речи по-разному. Одни слова называют предметы, другие — действия, процессы, третьи — качества, свойства предметов. Одни слова склоняются по падежам, другие изменяются по лицам и временам и т. д.

Эти наблюдения, которые были отмечены древнеиндийскими и древнегреческими грамматистами, дали им основание для выделения двух отчетливо выраженных разрядов слов — имени и глагола. Аристотель (384–322 до н. э.) выделял три части речи — имена, глаголы и союзы.

В эллинистическую эпоху, в III-II вв. до н. э., сложилась так называемая александрийская школа грамматики, которая в лице ее представителя Аристарха Самофракийского (ок. 217–145 до н. э.) разработала первую в истории классификацию, состоящую из 8 частей речи: имени, глагола, причастия, артикля, местоимения, предлога, наречия и союза. В этой классификации отсутствует прилагательное, что в общем отражает типологическую особенность греческого языка, в котором прилагательные имели общую с существительными систему склонения и вместе с ними образовывали одну часть речи, называемую «имя». С другой стороны, в этой классификации выделено в отдельную часть речи причастие.

В основу своей классификации частей речи Аристарх положил два принципа: морфологический принцип — «имя есть склоняемая часть речи...», семантический принцип — «... обозначающая тело или вещь...», а также учитывал общий и частный характер предмета речи — «и высказываемая как общее и как частное (общее, например, — человек, частное, например, — Сократ)»¹.

Другой александрийский грамматист, Дионисий Фракийский (170–90 до н. э.), так характеризует систему времен в греческом языке: «Времени три — настоящее, прошедшее, будущее. Из них прошедшее имеет четыре разновидности — длительное, подлежащее, преждезавершенное, неограниченное. В них три сродства — настоящего с длительным, подлежащего с преждезавершенным, неограниченного с будущим»².

Несмотря на многие недостатки, которые имеются в предложенной александрийскими грамматистами системе частей речи, как, на-

¹ *Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков* // В. А. Звегинцев. — М., 1956. — С. 13.

² Там же.

пример, наличие в ней перекрещивающихся признаков, характерных для имени и глагола, эта классификация прочно вошла в научный и школьный обиход и с некоторыми изменениями используется и теперь.

Различный подход к определению понятия «часть речи»

Развитие лингвистической мысли, связанное с развитием науки вообще, а также все более глубокое изучение языков различного строя послужили причиной того, что прежняя классическая система частей речи стала подвергаться пересмотру.

Ф. И. Буслаев (1818–1897) выделял две группы частей речи — знаменательные, к которым он относил имя существительное, имя прилагательное и глагол, и служебные части речи — местоимение, числительное, предлог, союз и наречие. А. А. Потебня (1835–1891), сохраняя основное деление частей речи на знаменательные и служебные, включал в число первых наречие, а в число вторых — частицы и вспомогательные глаголы; местоимения же занимают в его системе отдельное место.

Совершенно особую классификацию слов по разрядам разработал акад. Ф. Ф. Фортунатов (1848–1914). В основу своей классификации он положил только один критерий — морфологический, то есть наличие или отсутствие грамматической формы, или, как мы бы теперь сказали, способность или неспособность слова присоединять те или другие словоизменятельные морфемы. Все слова языка он делит на полные слова, обозначающие предметы мысли, частичные и междометия.

Полные слова могут иметь форму, то есть «способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова».

Полные слова подразделяются на два класса: *класс слов с формами словоизменения* и *класс слов без форм словоизменения*. Слова с формами словоизменения подразделяются на: 1) слова спрягаемые, то есть глаголы; 2) слова склоняемые, то есть существительные; 3) слова, склоняемые с согласованием в роде, то есть прилагательные.

В склоняемых словах он различает: а) существительные личные, то есть местоимения 1-го и 2-го лица; б) существительные неличные, в составе которых выделяются а) существительные-имена, то есть слова-названия, и б) существительные — неличные местоимения.

В класс слов без изменения Ф. Ф. Фортунатов относит инфинитив, деепричастие, а также несклоняемые существительные и наречия.

Однако эта классификация, основанная только на одном критерии, не получила дальнейшего развития.

Типологические критерии, существенные для сопоставления частей речи

Для того чтобы иметь возможность установить типологические признаки нескольких языков на уровне частей речи, необходимо постараться найти такие критерии, которые бы имели наиболее общий характер, благодаря чему они могли бы быть приложимы к максимальному числу языков.

Поскольку части речи представляют собой большие группировки или разряды, по которым распределяются существующие в языке слова, то в них должны получить свое отражение обе стороны слова. Отсюда для характеристики слова вытекают два критерия — *семантический* и *формальный*, или *морфологический*.

Семантический критерий предполагает отнесение данного слова к широкой понятийной категории. Так, слова со значением предметности образуют семантический разряд существительных, слова со значением признака, свойства предмета образуют семантический разряд прилагательных и т. д. Этот критерий был давно установлен и служит одним из дифференциальных признаков выделения частей речи в языках.

Морфологический критерий используется для отнесения данного слова к определенному разряду на основании его морфологических признаков. Так, например, наличие парадигмы склонения свидетельствует о том, что слово, имеющее такую парадигму, относится к разряду существительных, если этот морфологический признак совпадает с семантическим признаком предметности. Если же наличие парадигмы склонения совпадает с семантическим признаком качества, свойства, то данное слово должно быть отнесено к прилагательным и т. д.

Кроме этих основных свойств значения и формы, слово характеризуется способностью функционировать в речи, в предложении. При этом оказывается, что не все слова в языке могут выполнять тождественные функции в предложении. Так, слова с предметным значением, то есть существительные, обычно лишены способности функционировать как сказуемые предложения, то есть предсказывать. Из нормативного курса грамматики известно, что основной функцией существительного-подлежащего служит управление сказуемым и дополнением; основной функцией глагола является предсказывание, то есть отнесение содержания высказывания к действительности, выраженное в предложении. Основной функцией наречия служит характеристика сказуемого или определения.

Поэтому в качестве третьего критерия определения части речи мы считаем необходимым назвать функцию слова в предложении, или *функциональный критерий*.

Анализируя различные разряды слов, мы можем легко убедиться в том, что далеко не все слова могут в грамматическом отношении сочетаться друг с другом. Так, наречия, сочетаясь с прилагательными и глаголами, не сочетаются ни с существительными, ни с местоимениями. Например, наречие *хорошо* сочетается с глаголами (*хорошо пишет, хорошо танцует* и т. д.), но совершенно не сочетается с существительными и даже с прилагательными (ср.: **хорошо дом, *хорошо красный* и т. д.). Английское наречие *very* также не сочетается с существительным — **very house* и т. д.

Особенно большое значение приобретает сочетаемость слов в тех языках, где морфологические показатели слабо развиты. Так, в китайском языке с его широко развитой омонимией слов одним из критериев отнесения слов к разряду существительных может служить сочетаемость с так называемыми счетными словами, которые занимают положение между числительным и существительным; ср.: *сань бэнь шу* — *три книги*, букв. *три корень книга*. Счетное существительное *бэнь* — *корень*, показывает, что слово *шу* — существительное *книга*.

Критерий сочетаемости широко используется при выделении двух основных частей речи индонезийского языка — существительных и предикативов. Так, существительные в этом языке не сочетаются с отрицательным словом *tidak* — *не*, с которым сочетаются предикативы (процессные и качественные слова). Поэтому этот критерий следует включить в число критериев, используемых для определения типологии частей речи.

Наконец, для каждой части речи можно выделить свойственную только ей словообразовательную парадигму. Так, в русском языке мы можем назвать ряд словообразовательных аффиксов, наличие которых свидетельствует о том, что данное слово относится к существительным; ср. аффикс *-щик* в словах *ямщик, натурщик* и др., не только относящий эти слова к существительным, но и сигнализирующий об их грамматическом роде, и *-це* в словах *солнце, блюдо* и т. д., относящий эти слова к разряду существительных с указанием на их принадлежность к среднему роду.

В английском языке мы также находим словообразовательные аффиксы, относящие данное слово к разряду существительных; ср.: *-ship* в словах *friendship* — *дружба*, *kinship* — *родство*; *-ment* в словах *arrangement* — *устройство*, *nourishment* — *питание* и т. д.

Поэтому *система словообразовательных аффиксов* должна быть также учтена как *один из критериев выделения частей речи*.

Из сказанного выше вытекают следующие критерии выделения частей речи в типологическом плане: 1) семантический критерий —

отнесение данного слова к широкой понятийной категории; 2) морфологический критерий — наличие материально выраженных морфологических категорий; 3) синтаксический критерий — функция данного слова в речевой цепи; 4) критерий сочетаемости — способность слов данной части речи сочетаться со словами других частей речи; 5) словообразовательный критерий — способность слов данной части речи к образованию новых слов по определенному типу.

В качестве иллюстрации состава частей речи в языках различной структуры мы приведем несколько схем

1. Китайский язык ¹:

А	I Имя	{	Существительное	Слова-заменители
			Числительное	
II Предикатив	{	Прилагательное		
		Глагол		
Б	Наречие			

Из этой таблицы видно, что в китайском языке прилагательные и глаголы обладают рядом общих морфологических признаков, почему и объединяются в одну группу предикативов.

2. Турецкий язык ²:

Знаменательные части речи   *Незнаменательные части речи*

Имя:	Глагол	
Существительное		Послелог
Прилагательное		Союз
Числительное		Частицы
Местоимение		
Наречие		Звукообразоподражательные слова
Междометие		

В этой схеме частей речи обращает на себя внимание наличие части речи, именуемой «послелог», и отсутствие части речи «предлог», что очень четко отражает типологию турецкого языка.

Возвращаясь теперь к частям речи в русском и английском языках, мы должны отметить, что, несмотря на значительные морфологические и синтаксические расхождения в структуре этих языков, состав

¹ См.: Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. — М.; Л., 1952. — Т. 1.: Части речи. — С. 12.

² См.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.; Л., — 1956. — С. 60.

частей речи в них оказывается в значительной степени сходным, что можно видеть из прилагаемой ниже таблицы:

Русский язык

Английский язык

1. Имя существительное 2. Имя прилагательное 3. Имя числительное 4. Местоимение 5. Глагол 6. Наречие 7. Предлог 8. Союз 9. Частицы 10. Междометия	11. Артикль 12. Глаголы-связки

Однако, несмотря на относительную близость частей речи по составу в обоих языках, более глубокое знакомство с ними свидетельствует о значительном различии между ними. Это различие прежде всего заключается в расхождении в составе грамматических категорий и средств их выражения в обоих языках.

Имя существительное. Имя существительное в русском языке характеризуется наличием трех грамматических категорий: 1) категории падежа, выраженной парадигмой склонения, состоящей из шести падежей; 2) категории числа, состоящей из двух чисел — единственного и множественного; 3) категории грамматического рода, представляющей три рода — мужской, женский и средний, имеющие соответствующее морфологическое выражение.

В отличие от русского, имя существительное в английском языке характеризуется наличием двух грамматических категорий: 1) категории числа, состоящей из двух чисел — единственного и множественного; 2) категории детерминативности (определенности — неопределенности), выраженной артиклями в препозиции.

Имя прилагательное. Имя прилагательное в русском языке характеризуется наличием согласования с существительным в роде, числе и падеже и категорией степени качества.

В отличие от русского, прилагательное в английском языке не имеет согласования с существительным и в этом плане приближается к языкам совершенно другого типа — агглютинативным, например тюркским, в которых отсутствие согласования с существительным носит типологический характер.

В то же время в английском языке, как и в русском, имеется морфологически выраженная категория степени качества.

Глагол. Глагол в русском языке характеризуется наличием семи грамматических категорий: 1) категории вида, выраженной морфологическими формами несовершенного и совершенного вида; 2) категории времени, находящей свое выражение в формах пяти времен — трех форм времени несовершенного и двух форм совершенного вида; 3) категории залога, имеющей морфологическое выражение в виде форм действительного, возвратно-среднего и страдательного залога; 4) категории наклонения, представленной формами трех наклонений — изъявительного, повелительного и сослагательного или условно-желательного; 5) категории лица, выраженной личными окончаниями; 6) категории числа, выраженной личными окончаниями; 7) категории грамматического рода в формах единственного числа прошедшего времени.

В системе английского глагола представлены следующие грамматические категории: 1) категория времени, выраженная тремя формами времени — настоящим, прошедшим и будущим; 2) категория наклонения, представленная шестью морфологически выраженными формами наклонений — изъявительного, повелительного, сослагательного I, сослагательного II, предположительного и условного; 3) категория залога, имеющая морфологическое выражение в виде форм действительного и страдательного залога; 4) категория вида, представленная формами двух видов — общего вида и длительного вида; 5) категория временной отнесенности, представленная формами перфекта; 6) категория лица, выраженная в настоящем времени морфемой *-(e)s* и нулевыми морфемами в других лицах; 7) категория числа.

Типология грамматических категорий в двух языках

К а т е г о р и я п а д е ж а . Под категорией падежа понимается грамматическая категория, представляющая собой единство значения отношения обозначаемого предмета к другим предметам, действиям, признакам и средств его материального, языкового выражения.

Реальной формой выражения этой категории служит падежная форма, или форма падежа, представляющая собой морфему, состоящую из определенного звукоряда, которая вместе с корневой морфемой придает определенное содержание слову. Совокупность падежных форм, составляющих определенную систему изменений, образует склонение.

Количество падежей неодинаково в различных языках, и этот факт может рассматриваться как один из критериев типологической характеристики морфологической системы данного языка, так как наличие или отсутствие падежей связано с наличием, отсутствием или слабым развитием предлогов. Так, например, в финском языке, где число падежей существительных равно 14, предлоги очень малочисленны. В английском же языке с его ограниченной системой падежей число предлогов значительно. Существуют языки, в которых падежная система в существительном вовсе отсутствует, как, например, в болгарском, итальянском, французском языках.

В русском языке категория падежа представлена 6 падежами — именительным, родительным, дательным, винительным, творительным и предложным.

Рассматривая значение каждого отдельного падежа как особой грамматической категории, мы видим, что оно имеет комплексный характер и состоит из ряда более мелких созначений, которые, однако, не могут быть далее разложены. Например, в качестве одного из таких созначений можно назвать предметность, поскольку категория падежа свойственна именам существительным обозначающим предметы и явления. Другим созначением может быть названа принадлежность существительного к определенному грамматическому роду. Третьим созначением является выражение числа — единственного или множественного. Четвертым созначением может быть названа одушевленность или неодушевленность, получающая свое выражение в той или другой форме, и т. д.

Эти созначения мы вслед за проф. Е.И. Шендельс называем семами. Итак, под понятием сема понимается минимальный, далее неделимый элемент грамматического значения¹.

В русском языке категория падежа характеризуется наличием следующих сем: предметности, рода, числа, одушевленности/неодушевленности. Помимо сем, характеризующих значение падежа вообще, каждый из существующих в русском языке падежей характеризуется рядом собственных, свойственных только ему сем. Так, например, для винительного падежа характерна сема «направленность действия». Одной из сем родительного падежа является сема «принадлежность» и т. д.

Вопрос о категории падежа в английском языке до настоящего времени носит дискуссионный характер. В зависимости от подхода автора к этой проблеме, английский язык наделялся различным числом падежей. Так, М. Дейчбейн, допуская понимание падежа как

---

¹ См.: Шендельс Е.И. О грамматической полисемии // ВЯ. — 1962. — № 3. — С. 52.

сочетания предлога с существительным в начальной форме, полагал, что в английском языке существует четыре падежа: именительный, родительный, дательный и винительный¹. Однако такая трактовка проблемы падежа представляется в корне неверной, поскольку под падежом понимается словоформа, в которой имеется соответствующая падежная морфема, в случае английского языка -'s.

Почти общепринятой считается точка зрения, согласно которой в составе существительных имеется класс слов, изменяющихся по двум падежам — именительному и притяжательному, оформленному морфемой 's. Это класс существительных одушевленных и существительных семантического поля «время». Таким образом, с точки зрения типологической характеристики категории падежа в имени существительном мы можем отметить, что в английском языке все существительные делятся на два класса: слова, обозначающие предметы неживые, не имеющие категории падежа, и слова, обозначающие предметы живые и время, имеющие два падежа — общий и притяжательный. Семы притяжательного падежа следующие: предметность, одушевленность, притяжательность, субъектность и объектность.

Согласно точке зрения А. М. Мухина, в системе существительных современного английского языка категория падежа больше не существует. Она прекратила свое существование еще в среднеанглийский период. Сохранившаяся от древнеанглийского периода морфема — es > 's представляет собой не что иное, как притяжательный суффикс, который, вследствие своей однозначности (сема притяжательности) и способности присоединяться к корневой морфеме без ее видоизменения, носит агглютинативный характер².

Если признать эту точку зрения справедливой, что вполне соответствует современному состоянию системы имени существительного в английском языке, тогда следует сделать вывод о том, что категория падежа в системе имени существительного фактически не существует. В то же время в системе имени сложилась новая грамматическая категория — категория притяжательности, имеющая свое материальное выражение в виде морфемы 's, носящей агглютинативный характер.

Категория падежа представлена в системе личных местоимений английского языка двумя падежами — именительным и объектным — с основными семами предметности, числа и направленности.

¹ См.: *Deutschbein M.* System der neuenglischen Syntax. — 1928. — S. 155 ff.

² См.: *Мухин А. М.* О категории падежа в современном английском языке // ВЯ. — 1957. — № 2. — С. 19–30.

Подводя итог рассмотрению категории падежа в обоих языках, мы можем составить сравнительную таблицу. См. с. 103.

Русский язык	Английский язык
1. Наличие 6 падежей в системе имени и местоимения.	1. Отсутствие категории падежа в системе имени и наличие двух падежей в системе личных местоимений
2. Согласование в категории падежа в имени прилагательном, местоимениях, кроме личных, порядковых числительных.	2. Отсутствие какого-либо согласования существительных с другими частями речи.
3. Отсутствие категории притяжательности.	3. Наличие категории притяжательности, имеющей морфологическое выражение в виде морфемы 's.
4. Выделение класса живых предметов при помощи формального выражения в винительном падеже.	4. Выделение класса живых предметов с помощью суффикса притяжательности.

К а т е г о р и я ч и с л а . Как в английском, так и в русском языке существует грамматическая категория числа. Эта категория выражает количественные отношения, существующие в реальной действительности, отраженные в сознании носителей данного языка и имеющие морфологическое выражение в соответствующих формах языка.

Категория числа имеет различное выражение в отдельных языках. Так, например, существуют языки, в которых категория числа выражена не только множественным, но и двойственным и тройственным числом; таковы некоторые папуасские языки на острове Новая Гвинея.

В древних индоевропейских языках — санскрите, древнегреческом, в древнегерманских языках — категория числа была представлена тремя числами: единственным, двойственным и множественным.

Категория числа, как отражающая количественные отношения между реальными предметами, естественно привязана к имени существительному.

В русском и в английском языках категория числа представлена семами единичности и множественности, находящими свое выражение в формах единственного и множественного числа.

Семы единичности выражены в русском языке как материально выраженными морфемами (для существительных мужского рода -*ъ*,

например *край, сарай, ручей* и т. д., для существительных женского рода *-а, -я*, например *река, стая*, для существительных среднего рода *-о, -е, -мя*, например *окно, море, знамя*), так и нулевыми морфемами (для большинства существительных мужского рода, например *город, дом, зверь*, и некоторой части женского рода — *дверь, ветвь* и т. д.).

Семы единичности также выражены в морфемах падежных словоформ, куда они входят вместе с семами падежа и рода; ср.: *дóма — рекí*. В словоформе *дóма* представлены семы единичности, предметности, принадлежности, мужского рода; в форме *рекí* представлены семы единичности, предметности, принадлежности, женского рода. Таким образом, сопоставляя набор сем в обеих формах *дóма — рекí*, мы видим, что морфема *-а* выражает сему мужского рода, морфема *-и* — сему женского рода.

Если мы возьмем словоформы *городом — городами*, то легко можем видеть, что в морфеме *-ом* представлены семы единичности, предметности, падежа, рода; в морфеме *-ами* представлены семы множественности, предметности, падежа. Сопоставляя набор сем, мы видим, что в морфеме *-ом* представлена сема единичности, а в морфеме *-ами* — сема множественности.

В отличие от русского языка, сема единичности в английском языке представлена только нулевой морфемой, например: *town, play, foot* и т. д.

Категория множественного числа в обоих языках представлена семой множественности. В русском языке сема множественности выражена морфемами *-ы, -и* для существительных мужского и женского рода (ср.: *мосты, орехи, картины, песни* и т. д.); морфемой *-á, -а* для существительных мужского и среднего рода (ср.: *города́, дома́, ко́льца, облака́* и т. д.). Кроме того, сема множественности входит вместе с семами падежа и рода в морфемы словоформ; ср.: *город* — семы единичности, предметности, падежа, рода; *города* — семы множественности, предметности, падежа, рода. Таким образом, мы видим, что в состав морфемы *-á* входит сема множественности.

В отличие от русского языка, сема множественности в английском языке представлена морфемами числа *-s[-s]* и *-[z]*, *es[-iz]* и в очень ограниченном числе существительных чередованием гласных (*foot — feet, man — men* и т. д.). Однако этот способ в силу своей ограниченности не может быть отнесен к числу типологических признаков, характеризующих категорию числа в этом языке.

В обоих языках существует довольно значительная группа существительных, у которых представлена только сема множественности, получающая свое выражение в соответствующих морфемах числа, о которых говорилось выше, и в формах согласования прилагательных, глаголов и местоимений. Часть таких существительных совпада-

ет в обоих языках. Это прежде всего существительные, обозначающие парные или составные предметы:

<i>ножницы</i>	—	scissors
<i>трусики</i>	—	trousers
<i>клещи</i>	}	— tongs
<i>щипцы</i>		
<i>весы</i>	—	scales
<i>кандалы</i>	—	fetters
<i>очки</i>	—	spectacles
<i>панталоны</i>	—	drawers, knickers

Часть таких существительных не совпадает, и в одном языке бытуют существительные, в которых представлена только сема множественности, а в другом — существительные, в которых имеется противопоставление сем единичность — множественность.

В русском языке к первой группе относятся существительные:

1. Обозначающие парные или составные предметы:

<i>грабли</i> мн. ч.	—	rake ед. ч.
<i>качели</i> мн. ч.	—	swing ед. ч.
<i>козлы</i> мн. ч.	—	box ед. ч.
<i>ножны</i> мн. ч.	—	scabbard ед. ч.
<i>салазки</i> мн. ч.	—	toboggan ед. ч.
<i>сани</i> мн. ч.	—	sledge ед. ч.
<i>часы</i> мн. ч.	—	clock ед. ч. и т. д.

2. Обозначающие массу, вещество, материал:

<i>дрова</i> мн. ч.	—	wood ед. ч.
<i>дрожжи</i> мн. ч.	—	yeast ед. ч.
<i>духи</i> мн. ч.	—	scent ед. ч.
<i>обои</i> мн. ч.	—	wallpaper ед. ч.
<i>чернила</i> мн. ч.	—	ink ед. ч. и т. д.

3. Обозначающие сложные действия, процессы, состояния:

<i>выборы</i> мн. ч.	—	election ед. ч.
<i>жмурки</i> мн. ч.	—	blind-man's-buff ед. ч.
<i>похороны</i> мн. ч.	—	funeral ед. ч.

В английском языке также есть ряд существительных, у которых сема множественности утратилась и осталась только сема единичности:

barracks	—	<i>казарма</i>
news	—	<i>новость, известие</i>
works	—	<i>завод</i>

Выше мы постарались выявить сумму сходных и различных черт, которые характеризуют категорию числа в обоих языках.

Для полной сопоставительно-типологической характеристики этой категории нам необходимо выяснить, какое место эта категория занимает в системе того и другого языка.

Обращаясь к русскому языку, мы легко можем заметить характерную для него черту — наличие согласования в числе, и не только в числе, в прилагательных, местоимениях, глаголах, порядковых числительных, например: *Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями* (И. С. Тургенев. *Бежин луг*).

Согласование в числе очень четко выражено и в глаголе. В формах настоящего времени семы числа сочетаются с семой лица, вследствие чего каждая из морфем, выражающих настоящее время несовершенного вида или будущее время совершенного вида — *-ю, -у; -ешь, -ишь, -ет, -ит; -ем, -им, -ете, -ите, -ют, -ут, -ят, -ат*, отчетливо выражает категорию числа.

В форме прошедшего времени сема единственного числа сочетается с семой рода, что придает структуре этих форм особый характер: в формах мужского рода — нулевая морфема; ср.: *Телятев. Он небогат или скуп; заплатил за вино и сейчас же при мне записал в книжку в расход* (А. Н. Островский. *Бешеные деньги*); женского рода — морфема *-а*; ср.: *Турусина. О чем ты еще спрашиваешь, я не понимаю. Ты сама видела: в самых воротах нам перешла дорогу какая-то женщина...* (А. Н. Островский. *На всякого мудреца довольно простоты*); среднего рода — морфема *-о*; ср.: *Прошло светлое лето, прошла сырая и горькая осень, но Балашов не возвращался* (К. Г. Паустовский. *Кружесвица Настя*).

Сема множественности содержится в морфеме прошедшего времени *-и*; ср.: *Глумов. ... Вы подняли во мне всю желчь. Чем вы обиделись в моем дневнике? Что вы нашли в нем нового для себя?..* (А. Н. Островский. *На всякого мудреца довольно простоты*).

Таким образом, мы можем говорить о глубоком проникновении категории числа во все части речи в русском языке.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в английском языке, где категория числа представлена только в системе имени существительного. Согласование же в числе мы находим только в указательном местоимении, где оба местоимения *this — этот* и *that — тот* имеют формы множественного числа *these — эти* и *those — те*, образующие с существительными атрибутивные словосочетания с согласованием в числе:

<i>this house — этот дом,</i>	<i>these houses — эти дома;</i>
<i>that house — тот дом,</i>	<i>those houses — те дома.</i>

Изучение категории числа в обоих языках позволяет сделать следующие выводы:

1. Категория числа в английском языке носит более ограниченный характер, чем в русском языке.

2. В русском языке широко распространено согласование в числе, в английском же оно практически отсутствует.

3. Изучение категории числа в русском языке в силу перечисленных характеристик представляет большие трудности для англичан, чем изучение этой же категории в английском языке русскими студентами.

Категория рода. Для подавляющего большинства современных индоевропейских языков характерно наличие особой лексико-грамматической категории рода. Она проявляется в способности существительных уподоблять себе в выражении грамматических значений формы зависимых от них слов — прилагательных, местоимений и т. д.

В русском языке категория грамматического рода имеет широкое распространение. Каждое существительное в составе своих сем, определяющих его грамматическую сущность, обязательно имеет сему рода — мужского, женского или среднего. Категория рода у существительных русского языка носит формальный характер, кроме существительных, обозначающих людей и животных, поскольку уже нет возможности установить какие-либо семантические основания наличия данной категории у целого класса существительных, например, установить реальные основания того, что существительные *мост*, *склад*, *месяц* относятся к мужскому роду, существительные *звезда*, *земля*, *вода* — к женскому, существительные — *солнце*, *море*, *яблоко* — к среднему роду. Семы рода вместе с семами падежа и числа входят как семантические компоненты в аффиксальные морфемы имен существительных. Так, в морфему *-ем* в существительном *месяцем* входят семы предметности, единичности, мужского рода, падежа, а в морфему *-ой* в существительном *звездой* — семы предметности, единичности, женского рода, падежа. Из сопоставления набора сем этих двух морфем явствует, что различие в роде выражается материальным различием морфем — *-ем* для мужского рода и *-ой* для женского рода.

Категория грамматического рода в русском языке имеет способность сочетаться с определенными для каждой родовой разновидности формами согласуемых слов — прилагательных, порядковых числительных, притяжательных и указательных местоимений, образуя с ними свободные словосочетания; ср.: *Ревела, обезумев, метель, но сквозь ее рев Филька слышал тонкий и короткий свист* (К. Г. Паустовский. *Теплый хлеб*). *Около Спас-Клепиков проходит узкоколейная железная дорога* (К. Г. Паустовский. *Дорожные разговоры*). *Вася помолчал. «Разное есть стекло, — сказал он. — Есть грубое, бутылочное и оконное. А есть тонкое, свинцовое стекло»* (К. Г. Паустовский. *Стекольный мастер*).

Как особую характеристику морфологической структуры русского языка, отсутствующую в других языках, в том числе и в английском, следует отметить способность существительных согласоваться в роде с формами глагола прошедшего времени; ср.: *На минуту выплы-*

ла луна, и в ее мутном свете замаячил белый двухэтажный дом (В. Я. Шишков. *Угрюм-река*).

Категория рода в русском языке имеет формальное выражение в аффиксальных морфемах. Так, существительные мужского рода в начальной форме характеризуются наличием нулевой морфемы после конечного твердого или мягкого согласного корня (ср.: *мальчик, день, дождь, клен* и т. д.) или морфемы *-и* после последнего гласного корня (ср.: *ручей, рой* и т. д.).

Семы женского рода входят в морфемы *-а, -я* начальной формы или же отражаются в нулевой морфеме после мягкого согласного корня; ср.: *туча, нога, песня, дверь, крепость* и т. д.

Семы среднего рода входят в морфемы *-о, -е, -мя* начальной формы; ср.: *лицо, сердце, стремя* и т. д.

Ощущение сем рода настолько сильно в русском языке, что оно оказывает влияние на отнесение к определенному роду заимствованных слов, в зависимости от их оформления. Так, неодушевленные существительные с конечным *-о* типа *лото, кино, бюро* и т. д. русским языковым сознанием были отнесены к среднему роду.

Существительное мужского рода *метрополитен* в своей сокращенной форме перешло в класс существительных среднего рода; ср.: *московский метрополитен, но московское метро*.

Категория грамматического рода — мужской, женский, средний — была некогда присуща существительным древнеанглийского периода. Однако историческое развитие морфологической структуры английского языка привело к тому, что категория грамматического рода, лишенная морфологических средств выражения, перестала существовать. На смену ей приходит новая категория, которую проф. В. Н. Ярцева назвала категорией активности — пассивности¹.

Сущность этой новой грамматической категории состоит в выделении в системе существительных двух классов слов: активных существительных и пассивных существительных.

Активные — это те существительные, которые, будучи субъектом предложения, управляют дополнением. Сюда могут относиться как лица, то есть люди, так и не-лица, то есть предметы, которые в силу сложившейся ситуации рассматриваются говорящими как активные.

Пассивные — это те существительные, которые, будучи субъектами предложения, дополнения не требуют. Как отмечает В. Н. Ярцева, «определяющим является отношение говорящего к данному фак-

¹ См.: Ярцева В. Н. Категория активности и пассивности в английском языке // Труды Юбилейной сессии: Секция филол. наук. — С. 30–43.

ту, порождаемое конкретной ситуацией объективной действительности»¹.

Категория активности — пассивности имеет свое материальное выражение в языке. Существительные активной категории соотносятся с личными местоимениями *he, she* по естественному полу, с относительным местоимением *who* — *который* и принимают аффикс притяжательности *'s*.

Существительные пассивной категории соотносятся только с личным местоимением *it* и с относительным местоимением *which*; ср.: *She spent a great deal of money on her clothes, which she got from the most fashionable dressmakers in Paris...* (W. S. Maugham. *The Lion's Skin*); «I liked that picture», she said quietly, «I'm sorry you took it back» (H. S. Walpole. *A Picture*). Они также употребляются в предложном обороте *с of*; ср.: «The first gentleman detached a slip of paper and gave it to her» (J. Galsworthy. *Maid in Waiting*). «The engine of his car purred into the morning air, while his mind went back to his mother's death and his father's» (G. Gordon. *Let the Day Perish*).

Подводя итог рассмотрению категории рода, мы можем отметить, что эта категория в составе трех родов — мужского, женского и среднего — составляет типологическую черту русского языка, систематически проявляясь в различных сторонах структуры языка, находя везде свое последовательное формальное выражение.

В английском языке древняя категория грамматического рода исчезла, заменившись новой категорией — активности — пассивности, принадлежность существительных к которой определяется отношением говорящего к данному факту, порождаемым конкретной ситуацией объективной действительности.

Категория рода и категория активности — пассивности несоотносительны друг с другом, кроме тех случаев, когда речь идет о существительных, обозначающих людей.

Категория определенности — неопределенности. Во многих западноевропейских и некоторых восточных языках система имени существительного характеризуется категорией определенности — неопределенности. Эта категория имеет свое морфологическое оформление. Чаще всего она бывает выражена артиклем, как в английском, немецком, французском языках. В других случаях она может получить свое выражение в виде аффиксов, так называемых постпозитивных артиклей, морфем, прибавляемых к концу слова-существительного, как в болгарском, румынском и скандинавских языках;

¹ Ярцева В. Н. Категория активности и пассивности в английском языке // Труды Юбилейной сессии: Секция филол. наук.

ср. болг.:

момчѐ — <i>мальчик</i> — момчето — <i>мальчик</i>	(данный)
кѹфар — <i>чемодан</i> — кѹфарѹт — <i>чемодан</i>	(данный)
диня — <i>арбуз</i> — динята — <i>арбуз</i>	(данный)

швед.:

flicka — <i>девушка</i> — flickan — <i>девушка</i>	(данная)
hund — <i>собака</i> — hunden — <i>собака</i>	(данная)
hus — <i>дом</i> — huset — <i>дом</i>	(данный)

Содержание категории определенности — неопределенности указывает на то, мыслится ли обозначаемый существительным предмет как относящийся к данному классу предметов (неопределенный артикль), или же как предмет известный, выделяемый из класса однородных с ним предметов (определенный артикль), или же, наконец, как взятый не во всем своем объеме, а лишь в некоторой своей части (партитивный, или частичный, артикль).

Категория определенности — неопределенности имеет грамматикализованный характер в английском языке: это определенный артикль *the* и неопределенный артикль *a* или *an*.

В семантику артикля *the* входят следующие семы: 1) сема индивидуализации, благодаря которой существительное, имеющее при себе артикль *the*, выделяется из класса однородных с ним предметов; ср.: «Let's go into the drawing-room», said Mrs Low. «The boy wants to clear the table.» (W.S. Maugham. *A Casual Affair*); 2) сема уникальности, сигнализирующая о том, что предмет, обозначенный соответствующим существительным, является единственным в своем роде; ср.: the sun — *солнце*, the earth — *земля* (наша планета); 3) сема указательности, которая является общей с соответствующей семой указательных местоимений; ср.: I saw the man, about whom you phoned me last night; 4) сема обобщения, дающая возможность воспринимать данный предмет как обобщенное обозначение всех предметов данного класса; ср.: The horse is a domestic animal — *Лошадь* (всякая лошадь) *домашнее животное*.

В семантическую структуру неопределенного артикля *a*, *an* входят: 1) сема классификации, относящая предмет, с которым она связана, к тому или другому классу предметов; ср.: a dog — *собака* (любая собака); 2) сема единичности, поскольку существительные, имеющие неопределенный артикль *a*, *an*, всегда мыслятся в единственном числе; ср.: His gaze rested for a moment on Anthony, and the intense dark eyes filled with pity (G. Gordon. *Let the Day Perish*).

В противоположность английскому, в русском языке категория определенности — неопределенности не имеет морфологического выражения и выражается преимущественно лексически.

Средства, используемые для этой цели, следующие:

1. Частица *-то*, прибавляемая к существительному, которое нужно индивидуализировать; ср.: *«Что, кончили в Шилове?»* — спрашивает Анна Ивановна. *«Остатний стог дometывали, как я уходил. Наказал без того не расходиться, чтобы не кончить»*. — *«Хорошо сено-то?»* — *«Сено нынче за редкость: сухое, звонкое»* (М. Е. Салтыков-Щедрин. *День в помещичьей усадьбе*).

Особенно широко используется эта частица в русской диалектной речи: ... *Петр Данилович от души громко рассмеялся: «Ну и карательный!.. Вот так ловко!»* — *«Ой, батюшка, подсоби-ка... Сделай милость»*. *Петр Данилович твердо поставил его на землю. «Да-кось палку-то... Не нагнуться мне»*, — словно попавшаяся в капкан старая лисица, жалобно заскулил старик (В. Я. Шишков. *Угрюм-река*).

2. Указательные местоимения *этот, эта, это, эти* или *тот, та, то, те*, у которых в этом случае сема указательности гасится и выдвигается сема индивидуализации.

3. Неопределенные местоимения *какой-то, какая-то, какое-то, какие-то*.

4. Числительное *один*, соответствующее по своей функции неопределенному артиклю *a (an)*; ср.: *Верстах в пятнадцати от моего имения живет один мне знакомый человек...* (И. С. Тургенев. *Бурмистр*).

5. Инвертированный порядок, когда подлежащее предложения находится в постпозиции к своему сказуемому; ср.: *По самой середине ярко освещенного двора, на самом, как говорится, припеке, лежал, лицом к земле и накрывши голову армяком, как мне показалось, мальчик* (И. С. Тургенев. *Касьян с Красивой Мечи*). *Около дивана стояла девочка с косичками и радостными глазами смотрела на Потапова...* (К. Г. Паустовский. *Снег*).

Рассмотрение категории определенности — неопределенности показало существенные расхождения в этом плане в структуре обоих языков. Отсутствие морфологически выраженной в русском языке категории определенности — неопределенности лишает учащегося — носителя русского языка твердой опоры на родной язык. А это служит причиной и источником многочисленных грамматических ошибок в речи студентов. Чтобы их избежать, необходимо изучить их типологию, тщательно сопоставить оба языка в плане данной категории и разработать многоэтапную методику обучения артиклю на различных уровнях обучения английскому языку.

Категория степени качества. Основным средством выражения категории степени качества являются имена прилагательные. По своим типологическим признакам прилагательные в обоих языках значительно отличаются друг от друга. По своему составу прилага-

тельные в русском языке делятся на три разряда: 1) прилагательные качественные, обозначающие признак предмета непосредственно. Эти прилагательные образуют ряд семантических групп — размера (*большой — маленький, высокий — низкий*); объема (*толстый — тонкий*); цвета, вкуса, температуры, оценки и т. д.; 2) прилагательные относительные, обозначающие признак предмета через отношение его к другому предмету или действию. Относительные прилагательные в русском языке являются производными от основ имен существительных: *камень — каменный, весна — весенний, Москва — московский* и т. д.; 3) прилагательные притяжательные, обозначающие принадлежность предмета лицу или животному; ср.: *отцов, женин* и т. д.

В отличие от русского языка, прилагательные английского языка имеют лишь один четко представленный лексикой разряд — качественные прилагательные; ср.: *white, large, strong* и т. д. Прилагательные относительные представлены очень ограниченным числом лексических единиц, из числа которых значительная часть относится к области науки; ср.: *biological, chemical* и т. д.

Отсутствие полноценного разряда относительных прилагательных в английском языке восполняется атрибутивными словосочетаниями, состоящими из двух существительных, из которых первое существительное выполняет атрибутивную функцию, являясь определением ко второму; ср.: *stone — камень, a stone wall — каменная стена; gold — золото, a gold watch — золотые часы; Moscow — Москва, the Moscow streets — московские улицы.*

Притяжательные прилагательные как особый разряд также отсутствуют в английском языке. Это отсутствие восполняется словосочетаниями, в которых русскому прилагательному соответствует существительное, оформленное притяжательной частицей 's; ср.: *отцов дом — my father's house, женина сумка — my wife's bag* и т. д.

В отношении выражаемых ими грамматических категорий прилагательные в обоих языках также значительно различаются: русские прилагательные обладают способностью согласования с существительным, которое они определяют, в роде, числе и падеже, в то время как английские прилагательные согласования ни в роде, ни в числе, ни в падеже не имеют; ср.: *зеленый лист — зеленая трава — зеленое яблоко.*

Следующим дифференциальным признаком русских прилагательных следует считать наличие у качественных прилагательных двух форм: полной и краткой. Прилагательные в полной форме выполняют атрибутивную функцию в предложении (ср.: *высокая башня, голубое небо* и т. д.) и изредка предикативную функцию (ср.: *наша улица широкая* и т. д.). Прилагательные краткие выполняют предикативную функцию в предложении; ср.:

В той башне высокой и тесной

Царица Тамара жила:

Прекрасна как ангел небесный,

Как демон, коварна и зла.

(М. Ю. Лермонтов. *Тамара*)

Молчалин прежде был так глуп!

(А. С. Грибоедов. *Горе от ума*)

Краткие прилагательные в предикативной функции имеют согласование в роде и числе:

Мчатся тучи, вьются тучи,

Невидимкою луна

Освещает снег летучий;

Мутно небо, ночь мутна.

(А. С. Пушкин. *Бесы*)

В отличие от русского языка, в английском отсутствует деление прилагательных на полные и краткие. Одна и та же форма прилагательных используется как в атрибутивной, так и в предикативной функции: «Yes, Mrs Hartley, I don't feel too fit.» His voice was thick and heavy (G. Gordon. *Let the Day Perish*).

Как отмечают Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, именам прилагательным присущи две семы: 1) сема «качество вне сравнения» и 2) сема «компаративность»¹.

Сема «компаративность» имеется налицо у качественных прилагательных в обоих языках, но морфологические способы ее выражения у них структурно различны.

В русском языке сравнительная степень образуется синтетическим путем, то есть прибавлением к основе прилагательного в положительной степени морфемы *-ее* (или *-ей*) или малопродуктивных морфем *-е* или *-ше*; ср.: *сильный* — *сильней*, *полный* — *полней*; *старый* — *старше*, *тонкий* — *тоньше* и т. д. Прилагательные в форме сравнительной степени никакого согласования не имеют.

Другим способом образования сравнительной степени является аналитический способ, при котором перед прилагательным в положительной степени используются слова *более* или *менее*; ср.: *более сильный*, *более сильная*, *более сильное*, *более сильные*.

Превосходная степень прилагательных образуется аналитически, путем прибавления к положительной форме прилагательного слова *самый*; ср.: *самый сильный*, *самый старый* и т. д.

¹ См.: Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. — М., 1969. — С. 116.

В английском языке существуют два ряда форм образования степеней сравнения: 1) синтетические формы с морфемами *-er* для форм сравнительной степени и *-est* для форм превосходной степени. Синтетический способ образования степеней сравнения используется для односложных и некоторых двусложных прилагательных; ср.: *strong — stronger — (the) strongest*. *Easy — easier — (the) easiest*; 2) аналитические формы, образуемые словами *more* и *most*, прибавляемые к неизменяемым формам положительной степени; ср.: *intelligent — more intelligent — (the) most intelligent*.

В русском языке существует особая форма превосходной степени, так называемый *элатив*, с семой «предельность», обозначающей безотносительно высокую степень качества. Эта форма в русском языке образуется синтетическим путем — прибавлением аффиксальных морфем *-ейш-* (*-ий, -ая, -ее*) и *-айш* (*-ий, -ая, -ое*), если основа прилагательного оканчивается на заднеязычные согласные *г, к, х*; ср.: *нужнейший, ближайший, мельчайший* и т. д. В английском языке элатив выражается аналитически; ср.: *a most beautiful woman*.

Все сказанное выше о категории степени качества может быть сведено к следующей таблице.

Признак	Язык	
	Английский	Русский
Качественные прилагательные	+	+
Полная форма	—	+
Краткая форма	—	+
Общая форма	+	—
Сравнительная степень	+	+
а) синтетическая	+	+
б) аналитическая	+	+
Превосходная степень	+	+
а) синтетическая	+	—
б) аналитическая	+	+
Относительные прилагательные	—	+
Притяжательные прилагательные	—	+
Согласование	—	+

Категория вида и времени. В числе различных грамматических категорий, которые выделяются в системе глагола как особой части речи, необходимо назвать категорию вида и категорию времени. Эти две грамматические категории в различных языках имеют далеко не одинаковое развитие и самый разнообразный морфологический состав. В то же время они тесно между собой связаны, так как видовые

морфологические показатели одновременно служат и временными показателями, а в семантическом отношении видовые значения часто наслаиваются на временные. Эти категории, как и любую другую грамматическую категорию, представляющую собой наиболее крупный лексико-грамматический разряд слов, объединенных как общими семантическими, так и морфолого-синтаксическими признаками, следует рассматривать как две соотнесенные друг с другом типологические величины.

Категория вида обычно определяется как такая лексико-грамматическая категория, которая передает характеристику протекания действия или процесса, обозначенного глаголом, — повторяемость, длительность, многократность, мгновенность действия, или результативность, завершенность — незавершенность, или, наконец, предельность, то есть отношение действия к его внутреннему пределу.

Перечисленные характеристики протекания действия или процесса получают в различных языках самое разнообразное морфологическое или морфолого-синтаксическое выражение, в связи с чем мы можем говорить о различных подразделениях категории вида. Так, например, мы можем говорить о начинательном виде, обозначающем начало процесса, если он выражен соответствующей формой (ср.: тур. *okur oldu* — *начал, стал читать*, где форма начинательного вида выражается основой глагола изъявительного наклонения и личной формой глагола *olmak* — *быть*), о длительном виде, как, например, в английской форме *am writing* и т. д.

В русском языке основные видовые различия проходят по линии выражения отношения действия к своему внутреннему пределу, в связи с чем в этом языке выделяются два вида: несовершенный вид и совершенный вид.

Несовершенный вид выражает действие в его течении, в процессе его совершения, без какого-либо указания на его предел; ср. глаголы *писать, читать, говорить* и т. д.

Совершенный вид выражает действие, ограниченное пределом совершения в какой-либо момент его осуществления или же сообщающее результат данного действия или процесса; ср.: *написать, прийти, сказать* и т. д.

Система видов в русском языке имеет свой отличительный признак — наличие соотносительных пар глаголов, которые образуют соотносительные ряды форм, пронизывающих всю систему глагольных форм при тождестве их лексического значения; ср.: *носить — нести; носил — нёс; давать — дать; давай — дай; давал — дал* и т. д.

Для выражения видовых значений в русском языке существует своя особая система морфологических средств:

1. Суффиксы *-ыв-, -ив-, -ов-, -ев-* с чередованием гласных или согласных, прибавляемые к глагольной основе; при этом образуются

глаголы несовершенного вида от глаголов совершенного вида; ср.: *согреть* → *согревать*; *показать* → *показывать*; *заккрыть* → *закрывать*; *прогулять* → *прогуливать*.

2. Суффикс *-ну-*, прибавляемый к глагольной основе; образуются глаголы совершенного вида от глаголов несовершенного вида, ср.: *двигать* → *двинуть*; *кричать* → *крикнуть*.

3. Префиксы *с-*, *на-*, *за-*, *о-*, *по-*, *от-* и некоторые другие; ср.: *писать* → *написать*; *есть* → *съесть*; *строить* → *построить*; *строить* → *отстроить*; *прятать* → *запрятать*; *слепнуть* → *ослепнуть* и т. д.

4. Изменение гласных корня, в отдельных случаях сопровождающееся чередованием гласных в глагольной основе; ср.: *решать* → *решить*; *воображать* → *вообразить*.

5. Изменение места ударения при том же фонемном составе слова: *насыпа́ть* → *насы́пать*; *разреза́ть* → *разре́зать*.

Кроме однокоренных видовых пар глаголов, имеется ограниченное число пар, образованных от разных основ; ср.: *брать* → *взять*; *говорить* → *сказать*; *класть* → *положить*. Категория вида в русском языке сложилась в конце XVI — начале XVII в. В древнерусском языке эта категория была значительно менее развита, благодаря чему древнерусский язык имел несколько иную типологию.

Развитие языковых средств выражения категории вида в древнерусский период началось с возникновения и постепенного роста числа приставочных глаголов, в которых приставки, присоединяясь к основе глагола с общим значением определенного действия или процесса, придавали ему значение перфективности. Аналогичный процесс мы наблюдаем в древнегерманских языках; ср. функцию перфективной частицы *ga-* в готском, *ge-* в древневерхненемецком и древнеанглийском языках. Как отмечает Л. П. Якубинский, развитие приставочного выражения видов сыграло решающую роль в судьбе временных форм аориста и имперфекта¹.

Постепенно этот прием получал все более и более широкое распространение, а использование временных форм аориста и имперфекта становилось ненужным, и эти временные формы постепенно отмерли. Сохранился только перфект, например, *ходилъ есмь*, *ходилъ еси*, *ходилъ (есть)*, выражающий совершенное действие, который в результате отпадения вспомогательного глагола и дал начало форме прошедшего времени современного периода развития русского языка.

В древнеанглийском языке категория вида была представлена, так же как и в древнерусском, двумя видами — несовершенным, представ-

¹ См.: Якубинский Л. П. История древнерусского языка. — М., 1953. — С. 240.

ляющим собой основу глагола, обычно не осложненную приставками, например, *wurcan* — *делать, работать*; *settan* — *ставить, класть*, и совершенным, образовывавшимся с помощью приставок, преимущественно с помощью приставки *ze-* и некоторых других, например *zewurcan* — *сделать*; *zesettan* — *поставить, положить*.

Так же как в древнерусском, а еще в большей степени в современном русском языке, глаголы несовершенного вида имели соотносительные глаголы совершенного вида, как правило, с тем же лексическим значением, например: *sellan* — *давать* — *zesellan* — *дать*; *bindan* — *связывать* — *zebindan* — *связать* и т. д.

Но уже в древнеанглийский период можно обнаружить ряд случаев, когда прибавление префикса влекло за собой не образование глагола совершенного вида, а образование новой лексической единицы, то есть слова со значением, отличным от значения соответствующего глагола несовершенного вида, например: *suman* — *приходить*; *besuman* — *случаться*; *sittan* — *сидеть*; *besittan* — *осаждать* и т. д.

Система двух видов в древнеанглийский период оказалась неустойчивой. С одной стороны, видовые приставки постепенно приобрели значение словообразовательных морфем, что сохранилось еще и до настоящего времени, например: *to come* — *приходить*, *to become* — *становиться*; *to lie* — *лгать*; *to belie* — *оклеветать*; с другой — в течение среднеанглийского периода происходило постепенное отмирание приставок, благодаря чему морфологические средства выражения видов несовершенного и совершенного постепенно утратились. Вместе с ними исчезли и соотносительные видовые пары глаголов, и таким образом в среднеанглийский период категория вида была утрачена. Это привело к тому, что в современном английском языке русским видовым соотносительным парам глаголов обычно соответствует один глагол в английском языке; ср.: *получить* — *to receive* и *получать* — *to receive*; *вставать* — *to get up* и *встать* — *to get up*.

На смену исчезнувшей категории вида пришла сложная система временных форм, которая на определенном этапе своего развития, уже в новоанглийский период, дала начало новым видовым характеристикам действия и процесса, что получило в современной англистике неоднозначное толкование.

Исходя из понимания вида как грамматической категории, характеризующей действие по признакам его протекания и имеющей закрепленные морфологические показатели, проф. А. И. Смирницкий выделил в системе грамматических категорий современного английского языка категорию вида, состоящую из двух видов — общего вида, представленного в настоящем времени нулевыми морфемами и *-(e)s* (3-е лицо ед. ч.), в прошедшем времени морфемой *-ed (-t)* или формами с чередованием гласных типа *sit — sat, speak — spoke* и т. д., в будущем времени *shall (will) + V* и обозначающего сам факт совер-

шения действия, и длительного вида ¹, представленного глаголом to be в форме соответствующего времени и формой на -ing, например: I am sitting, he is standing, they are walking и т. д.

Но в отличие от русского языка, где глаголы несовершенного и совершенного вида образуют соотносительные пары лексических единиц, обладающих каждая своими морфологическими признаками и характеристиками и образующих два ряда соотносительных форм, в английском языке глаголы общего и длительного вида таких пар не образуют. Каждый глагол в английском языке, за немногими исключениями, может принимать как форму общего, так и форму длительного вида; иными словами, глаголы в английском языке соотносительных видовых пар не образуют.

Иную точку зрения на проблему вида в английском языке высказывает проф. И. П. Иванова ². Она считает, что вида как особой грамматической категории в английском языке нет. Группы временных форм: основной, длительной, перфекта и перфектно-длительной — она называет разрядами. Она считает, что основной разряд (Indefinite) — единственная форма, способная передавать динамику, смену событий. Другие разряды детализируют действие в плане одновременности или предшествования, но не используются для передачи смены действий во времени. И. П. Иванова считает, что основной разряд безразличен к категории вида, так как он может, во-первых, передавать значение однократности и многократности и, во-вторых, по линии неопределенных глаголов и двойственных глаголов он синонимичен формам длительного разряда, эти последние и формы перфекта взаимно противоположны по своему видовому содержанию, поскольку видовое содержание длительного разряда — это процесс в его протекании, а видовое содержание перфекта — действие в его выполнении. Как длительный, так и перфектный разряд, по мнению И. П. Ивановой, не является видовым, а лишь имеет грамматическое значение вида, тесно переплетающееся с категорией времени, которая рассматривается как ведущая в этой системе.

К а т е г о р и я в р е м е н и . Одновременно с категорией вида, и тесно с ней переплетаясь, во многих языках существует категория времени, которая выражает отношение действия к моменту речи, принимаемому за точку отсчета.

Различаются абсолютные формы времени, которые не зависят от других временных форм в предложении и определяются соотноше-

---

¹ См.: Смирницкий А. И. Морфология английского языка. — М., 1959. — С. 321 и след.

² См.: Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. — М., 1961. — С. 200.

нием с моментом речи: форма настоящего времени, обозначающая действие, совпадающее с моментом речи; форма прошедшего времени, выражающая действие, совершившееся до момента речи, и форма будущего времени, передающая действие, которое совершится после момента речи.

Наряду с абсолютными формами времени, существуют относительные формы времени, обозначающие действия, рассматриваемые не с точки зрения момента речи, а с точки зрения другой временной формы или момента, принятого за точку отсчета.

В древнерусском языке категория времени характеризовалась большим числом форм, чем в современном языке, что объясняется более слабым развитием категории вида в этом языке. Категория времени в древнерусском языке складывалась из следующих форм: настоящего времени — *веду, ведеши, веде(ть)* и т. д.; имперфекта — *ведя́хъ, ведя́ше, ведяше* и т. д., выражавшего действие длительное или повторяющееся в прошлом; аориста — *ведо́хъ, ведé, ведé* и т. д., выражавшего мгновенное действие в прошлом; перфекта — *есмь велъ, есмь вела, еси велъ, еси вела* и т. д., передававшего результативный характер действия, давнопрошедшего — *бяхъ велъ, бяхъ вела, бяше велъ, бяше вела* и т. д.; будущего, которое ранее было простым, и преждебудущего — *буду велъ, буду вела* и т. д., называвшего действие, которое произойдет до другого действия в будущем и соотнесено с ним.

Последующее развитие форм несовершенного и совершенного вида привело к постепенному отмиранию имперфекта и аориста и к расширению семантики форм перфекта, который приобрел способность выражать значение совершенного вида, если глагол имел приставку, например *принес, отвел* и т. д., и значение несовершенного вида, если глагол не имел приставки, например *нес, вел* и т. д.

Таким образом, категория вида в современном русском языке представлена формами двух видов — несовершенного и совершенного, а категория времени — тремя формами времени в глаголах несовершенного вида и двумя формами в глаголах совершенного вида.

Необходимо отметить, что категория вида и категория времени соответственно выражены как в формах причастия (*пишущий, писавший, написавший*), так и в формах деепричастия (*написав(ши)*).

В отношении категорий вида и времени русский язык изменил свою типологию за счет развития форм категории вида, которая пронизывает все формы глагола, с одной стороны, и за счет исчезновения ряда форм категории времени — с другой.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в английском языке. В древнеанглийский период, как уже отмечалось, существовало два вида — несовершенный и совершенный, имевшие свое морфологическое выражение в форме глаголов с приставками.

Категория времени была выражена формами двух времен — настоящего и прошедшего; ср.: *ic come* — *я прихожусь*, *ic com* — *я приходил, я пришел*. Кроме того, все глаголы распадались на два класса — класс глаголов с чередованием гласных (*ic bide* — *ic bad* — *ждать, ожидать*, *ic fare* — *ic for* — *есть* и т. д.) и класс глаголов с дентальным суффиксом (*ic laere* — *ic laerde* — *учить, обучать*).

В ходе дальнейшего развития языка категория вида была утрачена, в связи с чем постепенно развивалась категория времени, которая в настоящее время представлена большим количеством временных форм.

Согласно точке зрения, представленной рядом ученых, система временных форм современного английского языка состоит из двух соотносительных рядов форм времени — из абсолютных временных форм, к которым относятся формы группы Indefinite, и относительных временных форм, к которым относятся времена группы перфект и длительные¹. Видовые же значения, не образуя, согласно этой точке зрения, морфологически выраженной категории, как бы накладываются на временные значения.

Категория залога. Категория залога представляет собой глагольную категорию, выражающую различные отношения между субъектом и объектом действия, имеющие свое морфологическое выражение в форме глагола.

Отношение субъекта к действию в большей части языков получает свое выражение в личных окончаниях глагола; отношение же действия к объекту может быть выражено падежным управлением или примыканием, в зависимости от типологии языка.

На основании морфологических критериев, используемых в языках для выражения залога, можно утверждать, что число залогов в различных языках оказывается весьма различным. Так, например, в турецком языке обнаруживается пять залогов: основной, взаимный, морфологическим средством выражения которого служит аффикс *-iş* с вариантами (ср.: *virmak* — *бить*, *viruşmak* — *биться, сражаться*); возвратный, образуемый с помощью аффикса *-(i)n* с вариантами (ср.: *giymek* — *одевать*, *giyinmek* — *одеваться*); страдательный, образуемый с помощью аффикса *-il* и его вариантов или аффикса *-n* при глагольных основах на гласный (ср.: *seçmek* — *выбирать*, *seçilmek* — *быть выбранным*; *almak* — *брать*, *alınmak* — *быть взятым*); пассивный, использующий аффикс *-dir* с вариантами (ср.: *uymek* — *есть*, *uđirmek* — *(на)кормить (заставлять есть)*).

¹ См.: Иртеньева Н. Ф. Грамматика современного английского языка: Теоретический курс.

В русском языке категорию залога имеют только переходные глаголы, поэтому эта категория имеет более частный характер, чем категория вида или времени. Всего в русском языке имеется три залога.

1. *Действительный залог*, выражаемый определенными синтаксическими структурами, охватывающий переходные глаголы, обозначающие действие, направленное на прямой объект, выраженный формой винительного падежа без предлога; ср.: Г о л у т в и н . *Я ходил за вами, наблюдал, собирал сведения, черты из жизни вашей, написал вашу биографию и приложил портрет. В особенности живо изобразил последнюю вашу деятельность. Так не угодно ли вам купить у меня оригинал, а то я продам в журнал...* (А. Н. Островский. *На всякого мудреца довольно простоты*).

2. *Возвратно-средний залог*, морфологическим показателем которого служит аффикс *-ся*, прибавляемый к основе переходного глагола. Глаголы возвратно-среднего залога, в зависимости от своей семантики, распадаются на несколько групп, из которых назовем лишь главные: а) *глаголы собственно-возвратного значения*, обозначающие действие, распространяющееся на носителя действия, то есть действие, при котором субъект и объект представляются одним и тем же лицом (ср.: *одеваться, обуваться, пудриться* и т. д.); б) *глаголы взаимовозвратного значения*, обозначающие действие двух или нескольких лиц, из которых каждое является и производителем и объектом того же действия со стороны другого лица (ср.: *обниматься, целоваться*); в) *глаголы общевозвратного значения*, обозначающие сосредоточенность действия в самом производителе (ср.: *обрадоваться, остановиться* и т. д.). Например: *На коротких остановках месяцу останавливался вместе с поездом, и свет его, казалось, делался ярче, — должно быть, от наступившей тишины* (К. Г. Паустовский. *Фенино счастье*).

3. *Страдательный залог*, морфологическими показателями которого служит аффикс *-ся*, присоединяемый к глаголам действительного залога, или же формы страдательных причастий, образуемые от переходных глаголов с помощью суффиксов *-м-*, *-н-* (*-нн-*), *-т-* в сочетании с личными формами глагола *быть*. При этом существительное, обозначающее лицо или предмет, являющиеся субъектом действия, принимает форму творительного падежа, так называемого творительного действующего лица; ср.: *На столе стоял букет полевых цветов — ромашки, медуницы, дикой рябины. Букет был собран, должно быть, недавно* (К. Г. Паустовский. *Дождливый рассвет*).

В английском языке морфологически выраженные признаки имеют два залога: *действительный*, или *активный залог*, существующий в формах индикатива и входящих в него форм времени и связанный с прямым или предложным дополнением, и *страдательный*, или *пассивный залог*, выраженный аналитическими формами, состоящими из

форм глагола to be и причастия II спрягаемого глагола, то есть $V_{be} + V_{pt_2}$.

Предполагаемые два других залога, о которых иногда говорят, — взаимный и возвратный — не имеют никаких особых средств выражения, их характеризующих, и поэтому не могут рассматриваться как особые формы залога.

В связи с категорией залога следует отметить особый характер структуры английского глагола как части речи.

Как и в ряде других языков, формы залога как особой грамматической категории представлены только у переходных глаголов. Глаголы непереходные, к которым относятся, например, глаголы передвижения to go, to creep, to swim, глаголы положения в пространстве to sit, to lie, to stand, глаголы физического состояния to rest, глаголы нравственного состояния to cry, to weep и т. д., формы залога не имеют.

Однако если эти глаголы развивают переходное значение, семы переходности, и, следовательно, требуют прямого дополнения, то они приобретают все признаки переходного глагола, то есть включаются в ряд глаголов, имеющих оба залога; ср.: to fly — *летать*; to fly a plane — *пилотировать самолет*, the plane was flown by Jim Atkins — *самолет пилотировал Джим Аткинс*; to run — *бежать*, to run a hotel — *управлять гостиницей*, the hotel was run by a young man — *гостиницей управлял молодой человек*.

Функциональные различия в употреблении форм залогов в русском и английском языках. Наличие в обоих языках сходных грамматических категорий, хотя и имеющих несколько различное морфологическое выражение, не всегда свидетельствует об их типологическом подобии. Необходимо также учитывать их дистрибуцию и функциональное использование¹.

Сопоставление случаев употребления форм страдательного залога в обоих языках показывает, что их функционирование в речи совершенно различно. Если английский язык предпочитает использовать формы пассива в предложениях, где лицо или предмет в функции подлежащего испытывает на себе чье-либо воздействие, то русский язык в подобной ситуации чаще использует форму действительного залога с прямым объектом, оформленным винительным падежом в позиции перед сказуемым; ср.: this long bridge was built by the workers of our factory last year — *этот длинный мост построили рабочие нашего завода*. Предложения этой структуры встречаются часто и тем самым определяют удельный вес формы пассива в обоих языках.

¹ См.: Ярцева В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков // Проблемы языкознания. — М., 1967. — С. 207.

Кроме этого характерного случая, связанного с расхождениями в системе грамматических категорий и их морфологическом выражении в обоих языках — наличием формы винительного падежа в русском языке для выражения прямого объекта и отсутствием категории падежа в системе существительных в английском языке, существует ряд случаев, когда русским предложениям со сказуемым в форме действительного залога соответствуют в английском языке предложения со сказуемым в форме страдательного залога. Это следующие случаи:

1) Сказуемое неопределенно-личных предложений в форме действительного залога в русском языке соответствует сказуемому в форме пассива соответствующих предложений в английском языке; ср.: *нам сообщили приятную новость* — *we were told good news*; *Джону поставили хорошую оценку* — *John was given a good mark*.

2) Сказуемое главного предложения, выраженное глаголами речи или суждения в форме 3-го лица множественного числа (*говорят, полагают, считают, предполагают* и т. д.), соответствует обычно форме пассива тех же глаголов в английском языке. Особенно часто это соответствие наблюдается в газетно-политической и научной литературе.

Категория модальности. Категория модальности представляет собой лексико-грамматическую категорию, выражающую отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом.

Категория модальности может в разных языках быть выражена различными средствами. В английском и русском языках модальность выражается как грамматическими средствами — формами наклонений, так и лексическими: модальными словами *возможно, вероятно, наверное, кажется, по-видимому* и т. д. — *certainly, maybe, perhaps, probably, possibly, surely* и т. д.; модальными глаголами — *мочь, уметь, хотеть, желать, долженствовать* и т. д. — *can, may, must* и т. д.; модальными частицами — *авось, едва ли, пожалуй* и т. д., а также интонацией.

Для типологической характеристики языка важное значение имеют грамматические средства выражения модальности, элементы структуры языка. Поэтому сопоставление категории модальности в обоих языках будет в дальнейшем проводиться в плане сопоставления грамматических средств ее выражения.

Отношение действия к действительности может быть различным: если действие мыслится как реальное, то мы имеем модальность действительности; если же действие мыслится как нереальное, возможное или невозможное, как желательное или вероятное, то мы имеем модальность недействительности. Основным грамматическим средством выражения модальности действительности служит изъявительное на-

клонение, или индикатив. Он обозначает действие, которое мыслится говорящим как соответствующее реальной действительности. Отсюда наличие во всех формах модальности действительности семы «реальность»¹. Изъявительное наклонение как в одном, так и в другом языке обозначает реальное действие, происходящее в плане настоящего времени, происходившее в прошлом или имеющее произойти в будущем, вследствие чего это наклонение получает свое выражение в соответствующих формах времени и лица. Поэтому, хотя модальность действительности по своему содержанию сходна в обоих языках, тем не менее способы ее выражения зависят от системы видовременных форм, которые, как известно, имеют значительные расхождения в этих языках. Так, например, в русском языке модальность действительности, относящаяся к настоящему времени, выражается формой настоящего времени, в английском языке она может быть выражена не только формой Present Indefinite, но также формой Present Perfect Continuous; ср.: *It was a wonderful opportunity, and when he had finished his explanations, Isabel was once more all smiles. «You foolish boy, why have you been trying to make me miserable.» His face lit up at her words and his eyes flashed* (W. S. Maugham. *The Fall of Edward Barnard*).

Значительно бóльшие различия наблюдаются в системе грамматических средств, существующих в обоих языках для выражения модальности недействительности.

В русском языке существует лишь одно наклонение — сослагательное, которое иногда называют условным или предположительным. Оно обозначает действие, которое мыслится говорящим как нереальное и лишь только как возможное или желательное.

Сослагательное наклонение образуется аналитическим путем — сочетанием глагола в форме прошедшего времени с частицей *бы*, которая может находиться как перед, так и после формы глагола непосредственно или же на расстоянии; ср.:

Итак, пошли тихонько внука
С запиской этой к О... к тому...
К соседу... да велеть ему,
Чтоб он не говорил ни слова,
Чтоб он не называл меня...

(А. С. Пушкин. *Евгений Онегин*)

Сослагательное наклонение сочетает в себе ряд сем: сему «нереальность»; сему «желание»; ср.: *И что отныне ему следует только об одном мечтать: чтоб старую проржавевшую цепь (он ее уже однажды порвал) сняли и купили бы новую, крепкую* (М. Е. Салтыков-

¹ См.: Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. — М., 1969. — С. 78.

Щедрин. *Верный Трезор*); сему «условие»; ср.: ... *а ежели бы направо шестерка, а налево король бубен, тогда совсем бы отыгрался, поставил бы еще все на пе и выиграл бы тысяч пятнадцать чистых, купил бы себе тогда иноходца у полкового командира, еще пару лошадей, фаэтон купил бы* (Л. Н. Толстой. *Два гусара*), сему «гипотетичность»; сему «намерение»; сему «пожелание» и т. д.

Особенностью русского сослагательного наклонения является его вневременной характер, то есть оно может выражать действие как в настоящем, так и в прошлом и в будущем; ср.: *Желал бы я знать, как ты с своею любовью к щуке подведешь!* — *расхолаживал его ерш* (М. Е. Салтыков-Щедрин. *Карась-идеалист*).

Ограниченный характер сослагательного наклонения имеет следствием способность русской формы неопределенного наклонения сочетаться с частицей *бы* для выражения модальности; ср.: *Не заблудиться бы нам?* — *сказал я ямщику. Но, не получив ответа, яснее предложил вопрос: — Чтоб, доедем до станции, ямщик? не заблудимся?* (Л. Н. Толстой. *Метель*).

Сема «условие» может, помимо формы сослагательного наклонения, еще быть выражена формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения; ср.: *Да! — опять рассердился Иван Дмитрич. — Страдание презираете, а небось прищепи вам дверью палец, так заорете во все горло!* (А. П. Чехов. *Палата № 6*).

Такое использование формы повелительного наклонения в английском языке совершенно невозможно.

В противоположность русскому языку, модальность недействительности в английском языке выражается четырьмя так называемыми косвенными наклонениями: сослагательным I, сослагательным II, предположительным и условным¹.

Сослагательное наклонение I, как и русское сослагательное наклонение, имеет вневременной характер. Оно не выражает ни категории лица, ни категории числа. В качестве основной семы сослагательное I имеет сему «гипотетичность», «неуверенность в реальности данного явления»; но в то же время оно не выражает никакой противоположности тому, что имеет место в реальной действительности; ср.: *Mrs Erlynne... As for me, if suffering be an expiation, then at this moment I have expiated all my faults, whatever they have been; for to-night you have made a heart in one who had it not, made it and broken it* (O. Wilde. *Lady Windermere's Fan*).

Сослагательное наклонение II имеет в качестве основной семы «нереальность», в чем оно занимает полярное положение с формами

¹ См.: *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. — М., 1969. — С. 346–352.

индикатива, в котором наличествует сема «реальность». В отличие от сослагательного I, к основной семе «нереальность» прибавляется сема «настоящее», или «будущее», или же сема «прошедшее», вследствие чего в сослагательном II различаются формы настоящего времени (ср.: If I came, If I were) и формы прошедшего времени (ср.: If I had come. If I had been); ср.: And so it would have been strange and unaccountable, if it had been a stuffed trout, but it was not. That trout was plaster-of-Paris (J. K. Jerome. *Three Men in a Boat*).

Предположительное наклонение, как показывает само название, имеет в качестве основной сему «предположение». Его морфологическая структура складывается из глагола should + V_{inf}. Таким образом, это наклонение не имеет никаких грамматических категорий; ср.: He was a South Sea merchant, and he had agencies in many of the islands of the Pacific. He had suggested that Edward should go to Tahiti for a year or two... (W. S. Maugham. *The Fall of Edward Barnard*).

Этому наклонению в русском языке соответствует форма сослагательного наклонения.

Категория модальности находит свое выражение также в формах повелительного наклонения. Это наклонение в обоих языках может выражать волю, просьбу, приказание говорящего или побуждение собеседника к действию.

В связи с этим основной семой форм этого наклонения является сема «побудительность». Если же формы этого наклонения соединены с отрицанием *не*, то сема «побудительность» погашается и вместо нее возникает сема «запрещение».

Повелительное наклонение в обоих языках имеет категории лица и числа. 2-е лицо единственного и множественного числа в русском языке выражается синтетическими формами: *читай — читайте, пиши — пишите*; в английском языке, в отличие от русского, существует только одна форма для 2-го лица обоих чисел: read, write, take, go и т. д.

Форма 1-го лица множественного числа, обращенная как к одному, так и к нескольким собеседникам, может быть выражена двояким способом; если глагол совершенного вида, то это форма, выраженная синтетически (*пойдем, поедем, возьмем, скажем*); если глагол несовершенного вида, то эта форма получает аналитическое выражение (*будем читать, будем писать, будем говорить*).

Этим двум русским формам в английском языке соответствует только одна аналитическая форма — let us (let's) read, let us (let's) go, let us (let's) take и т. д.

Форма 3-го лица обоих чисел выражается аналитически в обоих языках; ср.: *пусть он придет* — let him come; *пусть они придут* — let them come.

Наряду с основной семой «побудительность», представленной в значениях повелительного наклонения обоих языков и составляющей их сходство, в смысловой структуре русского повелительного наклонения имеется ряд сем, отсутствующих в структуре английской формы и составляющих их большое различие.

Так, в русской форме мы находим сему «условие»; ср.: *работай он на заводе, он освоил бы несколько профессий*, что может быть заменено равнозначным предложением *если бы он работал на заводе, он освоил бы несколько профессий*.

В предложении *хоть убей, не помню* выступает сема «предположение».

Таким образом, изложенное выше показывает, что смысловая структура русского повелительного наклонения характеризуется большей сложностью по сравнению с английской при тождестве основной семы «побудительность».

Категория лица. В ряде языков — индоевропейских, тюркских, финно-угорских — существуют особые морфемы для обозначения лица, то есть субъекта речи, так называемые личные окончания. Они используются для того, чтобы выразить отношение действия и его субъекта к говорящему лицу. Личные окончания глагола, таким образом, служат морфологическим средством выражения грамматической категории лица.

Однако существуют языки, такие, как японский, китайский, индонезийский и некоторые другие, у которых морфологические средства выражения лица отсутствуют; ср.: япон. *ватакуси ва юкимас* — *я иду*, *аната ва юкимас* — *вы идете* (юкимас — *иду, идешь, идет* и т. д.) и т. д.; индонез. *saja menulis* — *я пишу*, *engkau menulis* — *ты пишешь*, *вы пишете* (menulis — *пишу, пишешь, пишет* и т. д.) и т. д. В таком случае категория лица выражается только лексическим путем с помощью личных местоимений или же существительных, которые должны обязательно быть употреблены в предложении, чтобы избежать двусмысленности.

Как свидетельствуют отдельные языки, личные окончания глаголов сложились из личных местоимений, которые некогда помещались в конце слов, обозначающих действия, процессы; ср.: татар. *син килә*↓ *син* — *ты приходишь*, *без киләбез* — *мы приходим*; фин. *me sanomme* — *мы говорим*, *te sanotte* — *вы говорите* и т. д. В дальнейшем развитие личные формы постепенно упростились и стали по своему звуковому виду отличаться от форм соответствующих личных местоимений; ср.: татар. *мин барам* — *я иду, я еду*; морфема первого лица *-м* представляет собой упрощенную форму личного местоимения 1-го лица единственного числа — *мин* — *я*.

Личные формы глагола содержат следующие семы: сему «субъект речи», выявляющуюся в морфеме 1-го лица, сему «адресат речи» —

в морфеме 2-го лица, сему «неучастник речи» — в морфеме 3-го лица. Кроме этого, имеется некоторый дополнительный набор сем, включающихся в те или иные морфемы лица. Так, сема «безличность» выявляется во всех трех личных формах глагола; ср.: *тише едешь, дальше будешь* (пословица); *что имеем — не храним, потерявши — плачем* (пословица); *по одежке встречают, по уму провожают* (пословица); сема «повторность действия»; ср.: *я перечитываю письмо*.

В русском языке категория лица выражается личными формами глагола — особой формой для каждого лица в настоящем времени несовершенного вида, в настоящем-будущем времени изъявительного наклонения и в форме повелительного наклонения: *-й* (*-и*, мягкий согласный), *-те*.

Ед. ч.1-е л. *-ю* (*-й*)2-е л. *-ешь* (*-ёшь, -ишь*)3-е л. *-ет* (*-ёт, -ит*)**Мн. ч.**1-е л. *-ем* (*-ём, -им*)2-е л. *-ете* (*-ёте, -ите*)3-е л. *-ют* (*-ут, -ат, -ят*)

В прошедшем времени несовершенного и совершенного вида и в сослагательном наклонении категория лица личными формами не выражается.

В английском языке существуют два способа морфологического выражения категории лица: 1) с помощью морфемы *-es(-s)* в 3-м лице единственного числа утвердительной формы настоящего общего времени (*he goes to school in the morning; she comes home late; John takes English lessons*); 2) с помощью вспомогательных глаголов *have (has)* для разряда Perfect; *am (is, are)* для разряда Continuous; *do (does)* для вопросительной и отрицательной форм разряда Indefinite.

Сопоставляя способы выражения категории лица в обоих языках, мы видим, что типологической характеристикой выражения этой категории в русском языке служат личные окончания глагола; в английском же языке, в противоположность русскому, типологической характеристикой категории лица служит выражение ее с помощью вспомогательных глаголов и отсутствие личных окончаний.

Эти расхождения в типологии средств выражения категории лица в обоих языках служат причиной того, что изучающие английский язык с большим трудом овладевают формой 3-го лица единственного числа настоящего общего времени; они, как правило, забывают про морфему 3-го лица *-es (-s)*, единственную морфему лица во всей системе глагола, что и служит причиной их многочисленных ошибок как в устной, так и в письменной речи на английском языке, особенно на первом этапе обучения. Эти ошибки не могут быть объяснены влиянием и интерференцией родного языка; они непосредственно отражают влияние типологии языка на процесс обучения и овладения этим языком.

Глава 6

ТИПОЛОГИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Понятие синтаксического уровня

Синтаксис языка представляет собой такой уровень языка, который имеет дело с единицами более сложными, чем слово.

Синтаксический уровень, как и всякий другой уровень языка, располагает своим собственным составом единиц — это словосочетание и предложение.

Словосочетание представляет собой соединение двух или более знаменательных слов, объединенных на основе определенной синтаксической связи и выполняющих номинативную функцию, например: *новые часы* — a new watch; *читать книгу* — to read a book; *ходить в школу* — to go to school и т. д.

Таким образом, словосочетание, так же как слово, выполняет одну и ту же функцию: оно называет предмет, явление, действие, процесс. Но, в отличие от слова, которое представляет собой цельнооформленную единицу лексического уровня, словосочетание состоит по меньшей мере из двух, а иногда и больше знаменательных слов, причем каждое из знаменательных слов может получить расширение по существующим в данном языке законам, например: *красивый театр* — *очень красивый новый театр*.

В отличие от словосочетания, выполняющего номинативную функцию, предложение выражает суждение, или побуждение, или вопрос. Грамматическую основу предложения составляет, в отличие от словосочетания, предикативность, то есть выражение с помощью языковых средств отношения содержания высказывания к действительности. Предложение может состоять как из одного, так и из нескольких знаменательных слов.

Типология словосочетаний

Словосочетания в каждом языке строятся по определенным, характерным для данного языка моделям, представляющим собой обобщенные величины, которые в речи наполняются разнообразным лексическим материалом, придающим данному словосочетанию конкретный характер.

Типологическое изучение словосочетаний в английском и русском языках ставит своей задачей исследовать и установить алломорфные и изоморфные черты на уровне словосочетаний и тем самым выявить их основные типы.

Как явствует из данного выше определения словосочетания, одним из его основных признаков является синтаксическая связь, соединяющая компоненты словосочетания. Если компоненты словосочетания находятся в равных отношениях друг к другу, что может быть проверено простой их перестановкой без изменения или какого-либо ущерба для содержания, то мы говорим о сочинительной синтаксической связи, например: *отец и сын* или *сын и отец*; *father and son* или *son and father*.

Если же компоненты словосочетания находятся в неравных отношениях друг к другу, то есть один компонент подчинен другому, то мы говорим о подчинительной синтаксической связи. В таких словосочетаниях перестановка членов может привести к существенному изменению смысла целого; ср.: *большой город* — словосочетание; *город большой* — предложение.

Особым видом связи является предикативная связь, которая вообще характеризует собой отношения между подлежащим и сказуемым и, следовательно, имеет непосредственное отношение к предложению.

Однако в обоих языках существуют словосочетания, в которых подчиненный компонент несет особую функцию: он придает предмету некоторый признак, который мыслится не как постоянный, а лишь как временный, возникающий во время совершения действия, обозначенного сказуемым предложения. Такую синтаксическую связь называют предикативной; ср.: *он сидел бледный* — *he sat pale*. Синтаксическая связь, соединяющая компоненты словосочетания *сидел бледный* — *sat pale*, иллюстрирует предикативную связь в словосочетании.

Критерии выделения типов словосочетаний

Когда мы говорим о типе того или другого языкового явления, то мы в первую очередь имеем в виду некоторую, довольно определенную сумму постоянных и устойчивых признаков, характеризующих данное явление и в известной степени обуславливающих друг друга.

Для того чтобы дать правильное определение понятия «тип словосочетания как единица сопоставления», следует исходить прежде всего из признаков и свойств, присущих словосочетанию как особой синтаксической единице, существующей в различных языках. Только тогда определение интересующего нас понятия, его объем и границы будут адекватными и достаточно универсальными.

Как уже упоминалось выше, одним из основных признаков подчинительного двучлена следует считать те синтаксические отношения, которые выявляются между компонентами двучлена. Это могут быть предикативные, атрибутивные, объектные и обстоятельственные отношения.

Перечисленные выше синтаксические отношения получают свое материальное выражение в виде различных конкретных приемов, с помощью которых передаются синтаксические связи. Это следующие приемы: 1) согласование; 2) примыкание; 3) управление.

Как справедливо замечает В. Н. Ярцева, «синтаксические приемы зависят от морфологической структуры языка и изменяются вместе с ней»¹.

К этому можно добавить, что способы (приемы) выражения синтаксических связей, входя как составная часть в структуру данного языка, с одной стороны, отражают ее типологию, а с другой, несут в себе такие признаки, которые дают возможность определить типологические характеристики языка на уровне словосочетаний.

Это можно хорошо показать на следующих примерах. Как известно, русский язык относится к числу языков с развитой системой словоизменения, с согласованием прилагательных с существительными в роде, числе и падеже. Согласование как особый тип синтаксической связи является одним из признаков словосочетания, одним из критериев отнесения его к тому или другому типу словосочетаний.

Для современного английского языка согласование в роде, числе и падеже не может служить типологическим признаком, так как категория падежа и категория грамматического рода в системе существительного и прилагательного не представлены. Согласование же в числе имеет очень ограниченный характер и по своему удельному весу в структуре этого языка типологическим признаком служить не может.

В современном русском языке существует категория вида — несовершенного и совершенного, — имеющего свое системное морфологическое выражение, например: *писать* — *написать*. В английском языке такое противопоставление этих двух видов не представлено, и, следовательно, оно не может служить типологической характеристикой этого языка.

Для определения понятия «тип словосочетания» важное значение имеют те приемы передачи синтаксических связей, которые используются в данном языке. Так, для английского языка определяющим является примыкание; а в русском языке хотя примыкание и ис-

---

¹ Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. — М.; Л., 1961. — С. 16.

пользуется, однако оно не имеет такого масштаба, как в английском, и поэтому не может служить признаком, характеризующим структуру словосочетаний.

Для характеристики понятия «тип словосочетания» необходимо также учитывать и критерий способа выражения синтаксических отношений в двучлене.

Как уже отмечалось выше, всякий двучлен, построенный на основе подчинительной связи, состоит из двух членов — из основного, или стержневого, слова (или ядра) К (от английского слова *kernel* — *ядро*) и зависимого слова (или адъюнкта) А (от английского слова *adjunct* — *определение*).

Как показывают данные различных языков, зависимое слово (или зависимый компонент) может предшествовать стержневому слову (или компоненту), то есть находиться в препозиции, или же следовать за ним, то есть находиться в постпозиции. Значение порядка слов может быть очень наглядно показано на следующих примерах. В русском языке положение прилагательного перед существительным дает атрибутивное словосочетание: *новый завод*, *красное знамя* и т. д. Если же прилагательное находится после существительного, то есть в постпозиции, то образуется именное предложение, где прилагательное выполняет функции предикатива: *завод (есть) новый*, *знамя (есть) красное* и т. д.

В английском языке порядок следования компонентов словосочетания также имеет существенное значение: всякое существительное, стоящее перед другим существительным, выполняет атрибутивную функцию, следовательно, образует атрибутивное словосочетание; ср.: *a tobacco pouch* — *кисет для табака* (*tobacco* — *табак*); *a health certificate* — *справка о здоровье* (*health* — *здоровье*); *a marriage settlement* — *брачный договор* (*marriage* — *брак*).

Роль порядка слов в структуре словосочетания была отмечена еще Ф. Мистели и особенно подчеркнута акад. И. И. Мещаниновым¹. Ее также учитывает В. М. Солнцев².

Это тем более существенно, если положение зависимого компонента имеет постоянный характер, как, например, в английском языке, а также в тюркских языках, где зависимый компонент всегда предшествует стержневому.

¹ См.: Мещанинов И. И. Типологические сопоставления и типология систем // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. — 1958. — №3. — С. 3–13.

² См.: Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. — М., — 1971. — С. 69.

Поэтому мы считаем необходимым включить этот критерий в число обязательных при определении понятия «тип словосочетания как единица сопоставления».

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать такой вывод: двучлен, образованный с помощью подчинительной связи, может быть охарактеризован следующими признаками, взятыми в их взаимосвязи:

1) *характером синтаксических отношений — атрибутивные, объектные, обстоятельственные;*

2) *способом выражения синтаксических отношений — согласование, управление, примыкание;*

3) *положением зависимого слова по отношению к стержневому — в препозиции и в постпозиции.*

Сочетание этих критериев, взятых в системе, образует ту устойчивую совокупность признаков, которая может быть положена в основу определения «тип словосочетания как единица сопоставления».

Понятие «тип», рассматриваемое по отношению к любым явлениям, в том числе и к словосочетаниям, представляет собой некоторое обобщенное понятие об особенностях данной группы фактов, явлений и т. д. В отношении словосочетаний мы также можем говорить о типе словосочетаний как об обобщенном представлении об особенностях структуры соответствующих словосочетаний, причем все общие признаки отдельного словосочетания находят свое выражение в типе словосочетания. Это дает нам возможность сформулировать наше понимание типа словосочетания как *некоторой двучленной (реже трехчленной) модели, имеющей номинативную функцию, организованной на основе подчинительной связи с устойчивым сочетанием синтаксических отношений, выраженных определенным способом, и с постоянным размещением компонентов.*

Типы атрибутивных словосочетаний в двух языках

Свободное атрибутивное словосочетание представляет собой двучлен (реже трехчлен), у которого оба его компонента — стержневой и зависимый — соединены с помощью синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи.

Способы (приемы) выражения синтаксических связей, входя как составная часть в структуру данного языка, всегда несут в себе признаки, дающие возможность определить типологические характеристики языка на уровне словосочетаний. К числу конкретных приемов выражения атрибутивных отношений следует также отнести и позицию стержневого и зависимого компонентов.

Учет всех этих критериев дает возможность установить следующие типы атрибутивных словосочетаний в сопоставляемых языках.

I. Тип атрибутивно-препозитивный с согласованием, то есть со структурой (A + K) ¹

К этому типу относятся атрибутивные словосочетания, у которых зависимый компонент — А, находящийся в препозиции к стержневому — К, обладает способностью уподобляться стержневому компоненту в выражении грамматических значений, то есть иметь согласование. Как показывают наблюдения над языками, согласование может осуществляться как по линии нескольких грамматических категорий, получающих свое материальное выражение в виде определенных языковых средств — флексий, так и по линии только одной категории.

Поскольку наличие грамматических категорий является одним из критериев типологической характеристики языка ², согласование по линии грамматических категорий может быть положено в основу определения подтипов, на которые распадается этот тип. Здесь можно выделить следующие подтипы:

1. Подтип с согласованием в трех категориях — роде, числе и падеже. Этот подтип хорошо представлен в русском языке, где мы обнаруживаем словосочетания со структурой (A^a + K), (A^p + K), (A^{nu} + K) и (A^v + K).

В зависимости от того, какой частью речи выражен зависимый компонент, этот подтип в русском языке распадается на следующие группы:

1) Группа адъективно-именная со структурой (A^a + K), в которой зависимый компонент выражен прилагательным; ср.: *большой город* — *большая страна* — *большое озеро* (категория рода); *большие города* — *большие страны* — *большие озера* (категория числа); *большого города* — *большой страны* — *большому озеру* (категория падежа).

Следует, однако, отметить, что морфемы, образующие падежные флексии в русском языке, содержат три неделимые семы — сему рода, сему числа, сему падежа; поэтому приведенные примеры могут рассматриваться как выражающие одну из категорий лишь условно.

Русским словосочетаниям этой структуры соответствуют английские словосочетания: а) со структурой A^a + K, то есть с примыканием; ср.: *большой город* — a large town, *большая страна* — a large country, *большое облако* — a large cloud, *большие города* — large towns, *большие страны* — large countries, *большие облака* — large clouds; б) со структу-

¹ А — зависимый компонент (от английского adjunct с тем же значением); К — стержневой компонент (от английского kernel word — ядерное слово). Скобки обозначают согласование обоих компонентов.

² См.: Гухман М. М. О единицах сопоставительно-типологического анализа грамматических систем родственных языков // Структурно-типологическое описание современных германских языков. — М., 1966. — С. 22–34.

рой $A^n + K^n$, то есть с примыканием. Зависимый компонент выражен существительным в атрибутивной функции; ср.: *шелковое платье* — a silk dress, *бумажный мешок* — a paper bag, *картинная галерея* — a picture gallery.

Английские словосочетания этой структуры, как правило, соответствуют русским словосочетаниям в тех случаях, когда зависимый компонент русских словосочетаний выражен относительным прилагательным, которое в английском языке имеет очень ограниченное распространение.

2) Группа местоименно-именная со структурой ($A^P + K$), в которой зависимый компонент выражен местоимением притяжательным, указательным, неопределенным; ср.: *мой словарь* — *моя тетрадь* — *мое перо* (категория рода); *мои словари* — *мои тетради* — *мои перья* (категория числа); *в моем словаре* — *моей тетради* — *моих перьях* (категория падежа).

Русским словосочетаниям этой структуры соответствуют две модели английских словосочетаний: 1) $A^P + K^n$, то есть словосочетание с примыканием, причем зависимый компонент выражен притяжательным или неопределенным местоимением; ср.: *my dictionary* — *my copy-book* — *my pen*; *my dictionaries* — *my copy-books* — *my pens*; *any copy-book* — *any copy-books*; 2) ($A_{dem}^P + K^n$), то есть словосочетание с согласованием в числе; ср.: *этот парень* — *this fellow*, *тот парень* — *that fellow*, *эти парни* — *these fellows*, *те парни* — *those fellows*.

3) Группа нумеративно-именная со структурой ($A^{num} + K$), где зависимый компонент — порядковое числительное; ср.: *первый урок* — *первая передача* — *первое правило* (категория рода); *первые уроки* — *первые передачи* — *первые правила* (категория числа); *на первом уроке* — *в первой передаче* — *первого правила* (категория падежа).

Этим русским словосочетаниям соответствуют английские словосочетания со структурой $A^{num} + K$, то есть с примыканием; ср.: *the first lesson* — *the first broadcast* — *the first rule*.

4) Группа причастно-именная со структурой ($A_{pt}^V + K^n$); ср.: *цветущий сад* — *цветущая поляна* — *цветущее поле* (категория рода); *цветущие сады* — *цветущие поляны* — *цветущие поля* (категория числа); *в цветущих садах* — *на цветущих полянах* — *над цветущими полями* (категория падежа).

Словосочетаниям этой модели в английском языке соответствуют словосочетания со структурой $A_{pt}^V + K^n$, то есть с примыканием, где зависимый компонент выражен причастием глагола.

2. Подтип с согласованием в одной категории — категории числа — со структурой ($A_{dem}^P + K^n$).

Этот подтип представлен в английском языке. Языковыми средствами выражения согласования служит морфема *-(e)s* множественного числа существительных. Зависимый компонент представлен дву-

мя указательными местоимениями *this* и *that* и формами их множественного числа; ср.: *this house — these houses, that house — those houses*.

Этот подтип ограничен составом своих компонентов и потому не может служить показателем какой-либо типологической характеристики структуры английского языка и при определении его типологических признаков в расчет приниматься не может.

II. Тип атрибутивно-препозитивный с управлением, то есть со структурой $A_c^n + K^n$

В этом типе словосочетаний синтаксическая связь получает свое морфологическое оформление в виде падежных морфем (окончаний). Стержневым компонентом служит существительное. Зависимый компонент обычно выражен также существительным в форме родительного (притяжательного) падежа.

Поскольку управление, выраженное формой падежа, является одним из критериев типологической характеристики языка, представляется возможным в основу определения подтипов, на которые распадается этот тип, положить именно форму падежа зависимого компонента.

Исследование словосочетаний сопоставляемых языков позволяет установить наличие одного подтипа — притяжательного, который существует только в английском языке.

В притяжательном подтипе зависимый компонент — существительное принимает морфему принадлежности *'s* для существительных в единственном числе. Этот подтип представлен в английском языке следующими лексико-семантическими моделями:

а) Принадлежность лицу (учреждению, коллективу), то есть $A_{\text{poss}}^n + K^n$; ср.: *my brother's bicycle, his friend's bag*.

В русском языке в разговорной речи возможны словосочетания этой же структуры, например: *моего отца дом, моей сестры муж* и т. д. Однако они не являются нормой для современного русского языка, не носят общеязыкового характера, и, следовательно, их нужно рассматривать как речевые варианты русского словосочетания со структурой $K^n + A_{\text{gen}}^n$, входящего в состав атрибутивно-постпозитивного типа с управлением.

б) Отрезок времени и его заполнение; ср.: *a two hour's trip, a ten minutes' walk* и т. д.

Словосочетаниям этой структуры и семантики соответствуют русские словосочетания со структурой $(A^a + K^n)$, то есть словосочетания с согласованием и с зависимым компонентом — прилагательным; ср.: *двухчасовая поездка, десятиминутная прогулка*.

III. Тип атрибутивно-препозитивный с примыканием, то есть со структурой $A + K$

Характерным признаком словосочетаний этого типа служит отсутствие какого-либо морфологического оформления синтаксической связи между стержневым и зависимым компонентами. Эта связь выражается синтаксическим путем, то есть порядком расположения компонентов двучлена, в данном случае положением стержневого компонента после зависимого компонента.

Поскольку примыкание не имеет никаких разновидностей, оно не может служить критерием для деления этого типа на подтипы. Единственной возможной группировкой является группировка по составу входящих в словосочетания компонентов. Как показывают наблюдения над материалом, в этом типе словосочетаний стержневым компонентом может быть как имя существительное, так и имя прилагательное и глагол.

В связи с этим рассматриваемый тип может быть подразделен на три подтипа: именной подтип, если стержневым компонентом является существительное; адъективный подтип, если стержневым компонентом служит прилагательное; глагольный подтип, если стержневым компонентом является глагол.

1. Именной подтип. В зависимости от принадлежности зависимого компонента двучлена к той или другой части речи, в именном подтипе можно выделить следующие пять групп:

1) Группа субстантивно-именная, в которой зависимый компонент выражен существительным без какого-либо морфологического оформления, то есть имеет структуру $A^n + K^n$. Эта группа складывается из следующих лексико-семантических моделей:

а) Зависимый компонент обозначает материал, вещество, из которого сделан предмет, обозначенный стержневым компонентом: *silver spoon* — *серебряная ложка*, *iron bar* — *железный прут* и т. д. Соответствующая русская лексико-семантическая модель имеет структуру $(A^a + K^n)$ и относится к атрибутивно-препозитивному типу с согласованием.

б) Зависимый компонент обозначает продукт, изготавливаемый фабрикой, заводом, обозначенным стержневым компонентом: *tractor plant* — *тракторный завод*, *sugar industry* — *сахарная промышленность*. Соответствующая русская лексико-семантическая модель имеет структуру $(A^a + K^n)$ и относится к атрибутивно-препозитивному типу с согласованием.

Этим двум группам словосочетаний соответствуют русские словосочетания со структурой $(A^a + K^n)$, то есть словосочетания с согласованием и с зависимым компонентом-прилагательным.

в) Зависимый компонент обозначает профессию, специальность, ученую степень и т. д. Стержневой компонент — имя собственное.

Эта лексико-семантическая модель имеется как в английском, так и в русском языке: doctor Snowdon — *доктор Сноудон*, архитектор Щусев.

2) Группа адъективно-именная, в которой зависимый компонент выражен качественным прилагательным без какого-либо морфологического оформления, то есть со структурой $A^a + K^n$. Сюда относятся широко распространенные в английском языке словосочетания, у которых зависимый компонент A^a выражен качественным прилагательным. Соответствующие словосочетания в русском языке имеют структуру $(A^a + K^n)$, то есть относятся к атрибутивно-препозитивному типу с согласованием. Необходимо также отметить и тот факт, что указанному типу русских словосочетаний в английском языке соответствуют два типа словосочетаний $A^a + K^n$ и $A^n + K^n$, например: a cold night — *холодная ночь*, London theatre — *лондонский театр*.

3) Местоименно-именная группа со структурой $A^p + K^n$, в которой зависимый компонент выражен местоимением притяжательным или неопределенным; ср.: my dog — my dogs; any book — any books; your cat — your cats; some people.

Соответствующие этим русские словосочетания относятся к атрибутивно-препозитивному типу с согласованием; ср.: моя собака — мои собаки; ваша кошка — ваши кошки; любая книга — любые книги.

4) Причастно-именная группа со структурой $A_{pt}^v + K^n$, в которой зависимый компонент обычно выражен формой причастия I, реже формой причастия II. Эта модель словосочетаний характерна для английского языка; ср.: a sleeping child.

Соответствующие русские словосочетания относятся к атрибутивно-препозитивному типу с согласованием (см. с. 134).

5) Нумеративно-именная группа со структурой $A^{nu} + K^n$, в которой зависимый компонент выражен порядковым числительным; ср.: the tenth day, the twenty seventh patient.

Соответствующие русские словосочетания относятся к атрибутивно-препозитивному типу с согласованием; ср.: пятый месяц, пятая неделя, пятое звено.

2. Адъективный подтип. В этом подтипе зависимый компонент представлен наречием, уточняющим стержневой компонент — прилагательное. Структура этого подтипа — $A^d + K^a$; ср.: чуть слышный, очень интересный, ужасно трудный. В английском языке этот подтип также имеется; ср.: very difficult, awfully glad и т. д.

3. Глагольный подтип. В этом подтипе зависимый компонент — наречие уточняет стержневой компонент, выраженный глаголом, следовательно, он имеет структуру $A^d + K^v$; ср.: отлично работать, быстро ходить и т. д.

В английском языке словосочетания этой семантики имеют другую структуру, поскольку зависимый компонент, как правило, находится

в постпозиции к стержневому (ср.: *to work hard, to walk quickly*), то есть входит в состав атрибутивно-постпозитивного типа с примыканием (см. с. 140).

IV. Тип атрибутивно-постпозитивный с управлением, то есть со структурой $K^n + A_c^n$

В этом типе словосочетаний синтаксическая связь получает свое морфологическое оформление в виде падежных морфем (флексий). Стержневым компонентом, как правило, служит существительное, оформленное соответственно выполняемой всем словосочетанием функции в предложении.

Зависимый компонент A_c^n , находящийся в постпозиции к стержневому, обычно выражен существительным в форме одного из существующих в данном языке косвенных падежей.

Поскольку управление, выраженное падежной флексией, является одним из критериев типологической характеристики словосочетаний, представляется возможным в основу определения подтипов, на которые распадается этот тип, положить именно форму падежа зависимого компонента. Это дает возможность выделить в этом типе следующие подтипы:

1. Генитивный подтип со структурой $K^n + A_{gen}^v$. Зависимый компонент — существительное принимает форму родительного падежа. Этот подтип широко представлен в русском языке рядом лексико-семантических моделей:

а) принадлежность лицу; ср.: *bicycle of brother, teacher's portfolio, hunter's dog*.

Соответствующая ей модель в английском языке относится к атрибутивно-препозитивному типу с управлением и, следовательно, значительно отличается от данной русской модели; ср.: *my brother's bicycle, the hunter's dog*;

б) часть и целое; ср.: *center of the city, peaks of mountains, surface of the sea*;

в) предмет или лицо и его качественная характеристика; ср.: *furniture of red wood, dress of blue silk, man of big mind*;

г) признак — носитель признака; ср.: *whiteness of snow, blueness of sky, depth of river*;

д) отношение к учреждению, коллективу; ср.: *director of the factory, worker of the workshop, secretary of the society*;

е) мера и количество вещества; ср.: *glass of milk, bottle of wine, sack of potatoes*;

ж) относительный признак предмета; ср.: *friendship of nations*;

з) отношение между действием и его производителем; ср.: *rumor of the sea (=the sea is rumormongering), song of the peasant (=the peasant is singing), death of the partisan (=the partisan died)*;

и) отношение между действием и его объектом; ср.: *прием студентов* (=принимают студентов); *чтение лекции* (=читают лекцию).

Всем перечисленным выше моделям, кроме модели а), в английском языке соответствует одна модель, относящаяся к атрибутивно-предложному типу с примыканием, со структурой $K^n + of + A^n$; ср.: *the center of the town, the tops of the mountains, the surface of the sea, the manager of the factory, the depth of the river* и т. д.

2. Дативный подтип со структурой $K^n + A^n_{dat}$. Зависимый компонент — существительное принимает форму дательного падежа. Дативный подтип представлен практически одной лексико-семантической моделью, в которой стержневой компонент называет действие, а зависимый компонент — лицо или предмет, являющиеся адресатом действия; ср.: *письмо другу, наказ депутату, ответ корреспонденту*.

В английском языке этой лексико-семантической модели соответствует модель, относящаяся к атрибутивно-предложному типу с примыканием, со структурой $K^n + to + A^n$; ср.: *a letter to one's friend* и т. д.

3. Инструментальный подтип со структурой $K^n + A^n_{inst}$. Зависимый компонент — существительное принимает форму творительного падежа. Инструментальный подтип представлен в русском языке двумя основными лексико-семантическими моделями, выражающими:

а) явление, действие, выраженное стержневым компонентом — существительным, уточняемое зависимым компонентом — существительным со значением места, где это явление или действие имело место; ср.: *езда по полю (лесом, степью, берегом)* и т. д.

В английском языке этой модели соответствует модель со структурой $K^n + pr + A^n$, относящаяся к атрибутивно-предложному типу с примыканием;

б) передвижение, выраженное стержневым компонентом, уточняемое зависимым компонентом — существительным со значением средства транспорта или способа передвижения; ср.: *поездка поездом (машиной, паромом, самолетом)*.

В английском языке этой модели соответствует модель со структурой $K^n + by + A^n$, относящаяся к атрибутивно-предложному типу с примыканием; ср.: *a travel by car (by air, by sea)*.

V. Тип атрибутивно-постпозитивный с примыканием, то есть со структурой $K + A$

Словосочетания, входящие в этот тип, характеризуются тем, что синтаксическая связь между стержневым и зависимым компонентами не получает никакого морфологического оформления и выражается простым порядком слов, в данном случае положением зависимого компонента после стержневого.

В зависимости от принадлежности зависимого компонента к той или иной части речи, представляется возможным выделить следующие подтипы:

1. Субстантивно-именной подтип со структурой $K^n + A^n$. В этом подтипе стержневой компонент обозначает более общее, а зависимый компонент — более частное понятие, которое как бы выполняет функцию ограничения более общего понятия или же его уточнения. В этом подтипе можно выделить такие лексико-семантические модели:

а) понятие общее и уточняющее его имя собственное: *город Москва*;

б) научное, воинское и другое звание лица и его фамилия: *professor Palmer, академик И. П. Павлов, сенатор Кеннеди*.

2. Субстантивно-глагольный подтип со структурой $K^n + A^v$. В этом подтипе зависимый компонент выражен формой инфинитива глагола, который функционирует как определение к стержневому компоненту; ср.: англ. *a desire to work* — рус. *желание работать*, *a promise to marry* — *обещание жениться*.

Зависимый компонент может быть выражен инфинитивом глагола в пассивной форме: *a letter to be sent*.

Словосочетания этой семантики в русском языке отсутствуют; им соответствуют сложноподчиненные предложения с придаточным определительным: *письмо, которое нужно отослать (отправить)*.

3. Субстантивно-нумеративный подтип со структурой $K^n + A^{nu}$. В этом подтипе зависимый компонент выражен количественным числительным. В нем можно выделить следующие лексико-семантические модели, обозначающие:

а) предметы в порядке счета: *room 15* — *пятнадцатая аудитория*, *chapter four* — *четвертая глава*, *page 19* — *девятнадцатая страница*.

В русском языке этот подтип не существует. Ему соответствуют словосочетания, входящие в состав нумеративно-именной группы подтипа с согласованием в трех категориях атрибутивно-препозитивного типа с согласованием;

б) летосчисление, даты и т. д.: *year 1975, May 21* и т. д.

В русском языке возможен вариант словосочетания со структурой $(K^n + A^{nu})$; ср.: *год 1970, апрель 10* и т. д. Однако эти словосочетания не являются нормой для русского языка, и их следует рассматривать как варианты нумеративно-именной группы указанного выше типа (см. с. 135).

4. Глагольно-адвербиальный подтип со структурой $K^v + A^d$. В этом подтипе зависимым компонентом служит наречие, уточняющее процесс, действие, обозначенное стержневым компонентом; ср.: *to read fast* — *читать быстро*, *to walk slowly* — *идти медленно*, *to work hard* — *работать много*.

В отличие от английского языка, не допускающего изменения порядка следования компонентов двучлена, русский язык допускает в равной мере существование словосочетания со структурой $A^d + K^v$, то есть *быстро читать, медленно ходить, много работать* (см. с. 138).

5. Субстантивно-адverbиальный подтип со структурой $K^n + A^d$. В этом подтипе стержневой компонент выражен существительным, а зависимый компонент — наречием, уточняющим значение стержневого компонента; ср.: *езда верхом, взгляд исподлобья, шапка набекрень, яйцо всмятку*.

В английском языке нет точного структурного соответствия этим русским словосочетаниям, так как многим из них соответствуют отдельные слова; ср.: a scowl at smb — *взгляд исподлобья*; в других случаях — группа слов; ср.: with one's hat on one side — *с шапкой набекрень* и т. д.

VI. Тип атрибутивно-предложный с постпозицией и управлением, то есть со структурой $K + pr + A_c$

В этом типе словосочетаний синтаксическая связь стержневого компонента с зависимым выражена двойным путем — падежным оформлением в соединении с предлогом. Стержневым компонентом служит существительное или прилагательное в форме, соответствующей функции словосочетания в предложении.

Так как предложное управление, то есть управление, выраженное предлогом и флексией падежа, является одним из критериев типологической характеристики словосочетаний, то имеются все основания для того, чтобы в основу определения подтипов, которые объединяет данный тип, положить именно форму зависимого компонента.

Это даст возможность выделить следующие подтипы в словосочетаниях русского языка:

1. Предложно-гени т и в н ы й п о д т и п. Зависимый компонент соединен со стержневым предлогом, требующим формы родительного падежа зависимого компонента. В зависимости от предлога и передаваемого им значения, этот подтип включает следующие лексико-семантические модели:

а) материал (зависимый компонент) и предмет, из которого он сделан; структура модели $K^n + \text{из} + A_{\text{gen}}^n$: *платье из шерсти, фундамент из кирпича, крыша из шифера*;

б) предмет и место его происхождения, отправки; структура модели $K^n + \text{из} + A_{\text{gen}}^n$: *письмо из Киева, журнал из библиотеки*;

в) предмет и его содержимое; структура модели $K + \text{из-под} + A_{\text{gen}}^n$: *бутылка из-под вина, бочка из-под пива*;

г) предмет и предел его действия, распространения; структура модели $K^n + \text{до} + A_{\text{gen}}^n$: *билет до Москвы, волосы до плеч*;

д) предмет, отделенный от другого предмета, но каким-то образом, преимущественно по функции, с ним связанный; структура модели $K^n + от + A_{gen}^n$: *ключ от дома (квартиры, склада, здания, шкафа), пуговица от пиджака (пальто, жакета)*;

е) стержневое слово обозначает предмет или явление, представляющее собой следствие или результат действия, обозначенного зависимым компонентом: *смерть от инфаркта, радость от встречи* и т. д.;

ж) стержневое слово обозначает предмет или явление, зависимый компонент — место, источник его возникновения; структура словосочетания $K^n + с + A_{gen}^n$: *ветер с востока, вид с моря (веранды, балкона, горы, берега)*;

з) стержневой компонент обозначает предмет, зависимый — его назначение; структура словосочетания $K^n + для + A_{gen}^n$: *комната для курения, зал для собраний (лекций, заседаний, занятий), вход для артистов (служащих)*;

и) стержневой компонент обозначает предмет, находящийся в притяжательных или пространственных отношениях с предметом, обозначенным зависимым компонентом; структура словосочетания $K^n + у + A_{gen}^n$: *завтрак (обед) у посла (писателя, знакомых, друзей), площадь у вокзала, разговор у директора*;

к) стержневой компонент обозначает предмет, а зависимый компонент — предмет или явление, в нем отсутствующие; структура словосочетания $K^n + без + A_{gen}^n$: *дом без отопления (водопровода, лифта, удобств)*.

Английские словосочетания с семантикой, соответствующей словосочетаниям, перечисленным в этом подтипе, относятся главным образом к атрибутивно-предложному типу с постпозицией и примыканием.

2. Предложно-дательный подтип. Зависимый компонент соединен со стержневым с помощью предлога, требующего формы дательного падежа зависимого компонента. В этом подтипе имеются две группы словосочетаний, характеризующиеся следующими значениями:

1) Стержневой компонент выражает склонность к какой-либо деятельности, обозначенной зависимым компонентом; структура словосочетания $K^n + к + A_{dat}^n$: *любовь к пению (рисованию, физкультуре, танцам), способность к музыке (пению, рисованию, языкам)*.

2) Стержневой компонент выражает движение, зависимый — какую-либо поверхность, по которой совершается это движение; структура словосочетания $K^n + по + A_{dat}^n$; ср.: *движение по дороге (шоссе, автостраде), плавание по реке (по морю)*.

3. Предложно-аккузативный подтип. Зависимый компонент соединен со стержневым с помощью предлога, требующего употребления винительного падежа. В этом подтипе имеются следующие лексико-семантические группы:

1) Стержневой компонент обозначает предмет, с которым связано движение к какому-либо предмету, обозначенному зависимым компонентом; структура словосочетания $K^n + \text{на} + A_{\text{acc}}^n$: *дорога на пристань, лестница на чердак.*

Стержневой компонент обозначает художественную деятельность, исполняемую под аккомпанемент музыкального инструмента; структура словосочетания $K^n + \text{под} + A_{\text{acc}}^n$: *пение под гитару, танцы под аккомпанемент рояля.*

4. Предложно-творительный подтип. Зависимый компонент соединен со стержневым с помощью предлога, требующего употребления творительного падежа. В этот подтип входят следующие лексико-семантические модели:

а) стержневой компонент передает действие, обозначенное существительным, зависимый — время его совершения; структура этого словосочетания $K^n + \text{за} + A_{\text{inst}}^n$: *разговор за обедом;*

б) стержневой компонент обозначает явление или действие, происходящее между лицами, предметами или явлениями, обозначенными зависимым компонентом; структура словосочетания $K^n + \text{между} + A_{\text{inst}}^n$: *переговоры между делегатами, споры между учеными;*

в) стержневой компонент обозначает лицо, характеризующее наличием какого-либо признака или предмета, обозначенного зависимым компонентом; структура словосочетания $K^n + \text{с(со)} + A_{\text{inst}}^n$: *инженер со стажем, художник с талантом, человек с ружьем.*

5. Предложно-предложный подтип. Зависимый компонент соединен со стержневым с помощью предлога, требующего предложного падежа. В этом подтипе можно выделить три группы словосочетаний:

1) Стержневой компонент обозначает лицо или предмет, характеризующиеся каким-либо внешним признаком, обозначенным зависимым компонентом; структура словосочетания $K^n + \text{в} + A_{\text{prep}}^n$: *женщина в очках, девушка в брюках.*

2) Стержневой компонент обозначает предмет, характерным признаком которого является другой предмет или вещество; структура словосочетания $K^n + \text{на} + A_{\text{prep}}^n$: *жакет на подкладке, шуба на меху, пряники на меду.*

3) Стержневой компонент обозначает предмет, содержащий сведения, данные о другом предмете, обозначенном зависимым компонентом: *справка о зарплате, заявление об отпуске* и т. д.

Из вышесказанного следует, что рассматриваемый тип словосочетаний с общей структурой $K^n + \text{pr} + A_c^n$ представлен только в русском языке. Словосочетания соответствующей семантики в английском языке преимущественно относятся к атрибутивно-предложно-постпозитивному типу словосочетаний, а также входят и в другие типы и подтипы, образуя структурные расхождения в двух языках. Пра-

вильное использование структурно различных словосочетаний в обоих языках, имеющих тождественную семантику, составляет одну из существенных трудностей овладения правильной речью на английском языке студентами факультетов и отделений английского языка и, естественно, представляет собой серьезную методическую проблему, требующую специального исследования.

VII. Тип атрибутивно-предложный с постпозицией и примыканием, то есть со структурой $K^n + pr + A^n$

В этом типе словосочетаний синтаксическая связь, существующая между компонентами двучлена, не имеет морфологического выражения и осуществляется простым порядком слов, который в этом случае носит фиксированный характер. В зависимости от того, какой частью речи выражен стержневой компонент, выделяется два подтипа словосочетаний.

1. Субстантивно-предложный подтип. В зависимости от предлога, входящего в словосочетание, подразделяется на ряд групп, из числа которых мы назовем лишь наиболее частотные:

1) Стержневой компонент — существительное обозначает речевой акт или продукт речевой или мыслительной деятельности; зависимый компонент выражает объект этой деятельности; структура словосочетания $K^n + about + A^n$: stories about dogs — *рассказы о собаках*.

В русском языке этим словосочетаниям соответствуют сочетания со структурой $K^n + o + A^n_{prep}$.

2) Стержневой компонент — существительное обозначает предмет или явление, имеющие определительное или определительно-объектное отношение к зависимому компоненту; структура словосочетания $K^n + of + A^n$. Словосочетания этой группы включают ряд лексико-семантических моделей, из числа которых мы назовем лишь некоторые:

а) зависимый компонент выражает целое, стержневой — часть этого целого; ср.: the end of the street — *конец улицы*, the corner of the room — *угол комнаты*, the people of the district — *жители района*, the butt of the rifle — *приклад винтовки*;

б) стержневой компонент выражает действие, зависимый компонент — носителя этого действия; ср.: the song of the nightingale — *песня соловья*, the ring of the bell — *звон колокола*, a peal of thunder — *удар грома*;

в) стержневой компонент обозначает действие, зависимый компонент — объект этого действия; ср.: the reading of the newspaper — *чтение газеты*, the accumulation of things — *накопление вещей*, the training of the horse — *выездка лошади*;

г) стержневой компонент обозначает меру, количество материала, вещества, выраженного зависимым компонентом; ср.: a cup of tea —

чашка чаю, a sack of potatoes — *мешок картофеля*, a pile of books — *кипа книг*;

д) стержневой компонент обозначает признак, характеристику лица или предмета, выраженных зависимым компонентом; ср.: the bitterness of her tone — *резкость ее голоса*, the price of the apartment — *стоимость помещения*, the tenderness of her heart — *нежность ее сердца*;

е) стержневой компонент обозначает лицо, обладающее качеством, обозначенным зависимым компонентом; ср.: a woman of sense — *разумная женщина*, a man of self-possession — *человек с самообладанием*.

Как можно видеть из вышеизложенного, английским словосочетаниям со структурой $K^n + of + A^n$ соответствуют русские словосочетания со структурой $K^n + A_{gen}^n$, кроме словосочетаний пункта е), в которых зависимому компоненту — существительному — обычно соответствует прилагательное в русском языке.

3) Стержневой компонент — существительное обозначает предмет, находящийся в определительных пространственных отношениях к зависимому; структура словосочетания $K^n + in + A^n$. Словосочетания этой группы включают ряд лексико-семантических моделей, широко распространенных в речи:

а) стержневой компонент называет лицо или предмет, ограничиваемые местом или пространством, обозначаемыми зависимым компонентом; ср.: the statue in the square — *статуя на площади*, the pond in the park — *пруд в парке*;

б) стержневой компонент называет действие, зависимый — место совершения этого действия; ср.: a faint smile in his eyes — *слабая улыбка в его глазах (во взоре)*, the anger in her voice — *раздражение в ее голосе*, a pang in my heart — *боль в моем сердце*;

в) стержневой компонент называет лицо или предмет, зависимый компонент — его состояние или положение; ср.: a clerk in a firm — *служащий фирмы*, an assistant in a store — *работник магазина*;

г) стержневой компонент называет лицо или часть тела, характеризующиеся наличием предмета, обозначенного зависимым компонентом; ср.: men in trunks — *мужчины в трусах*.

Все приведенные лексико-семантические модели этой группы словосочетаний имеют в русском языке соответствия в атрибутивно-пост-позитивном типе с управлением, то есть англ. $K^n + in + A^n \leftrightarrow$ рус. $K^n + в + A_{prep}^n$.

4) Стержневой компонент — существительное обозначает лицо, предмет или явление; зависимый компонент служит его уточнением, ограничением в отношении места и характера; структура словосочетания $K^n + at + A^n$: a chair at the table — *стул около (у) стола*, a dinner at Monte Carlo — *обед в Монте Карло*, the veranda at the back — *задняя веранда*.

5) Стержневой компонент — существительное обозначает предмет; зависимый компонент используется для его уточнения в отношении места, тематики и т. д.; структура словосочетания $K^n + \text{on} + A^n$.

Словосочетания этой группы включают две основных лексико-семантических модели, в которых:

а) стержневой компонент называет явление или процесс, ограниченные местом, с которым они связаны; ср.: a ride on back-seat — *прогулка на втором месте (мотоцикла)*, a knock on the door — *стук в дверь*;

б) стержневой компонент называет лиц по профессии, занятия, лекции по научным дисциплинам, темам и т. д., обозначенным зависимым компонентом; ср.: a lecture on physiology — *лекция по физиологии*, a book on linguistics — *книга по языкознанию*.

б) Стержневой компонент — существительное обозначает лицо или предмет, находящиеся в различных, преимущественно целевых, отношениях к зависимому компоненту; структура словосочетания $K^n + \text{for} + A^n$. Эта группа включает несколько лексико-семантических моделей со значением:

а) предмета или явления, обозначенных стержневым компонентом, возникающим как замена на какое-либо действие, процесс или предмет, обозначенные зависимым компонентом; ср.: the money for the ices — *деньги за мороженое*;

б) отвлеченного понятия, обозначенного стержневым компонентом, и сферы его проявления — зависимым компонентом: The thirst for education — *жажда образования*, a need for a call — *необходимость посещения*, a gift for languages — *способность к языкам*;

в) процесса, выраженного стержневым компонентом, и его назначения или сферы действия, обозначенных зависимым компонентом; ср.: preparations for supper — *приготовления к ужину*.

7) Стержневой компонент обозначает предмет или процесс, совершаемые при помощи способов, средств или иных приемов, называемых зависимым компонентом; структура словосочетания $K^n + \text{by} + A^n$. В этой группе имеется несколько лексико-семантических моделей со значением:

а) передвижения, обозначенного стержневым компонентом, и средства, способа передвижения, обозначенного зависимым компонентом; ср.: a travel by water — *путешествие водным путем*;

б) предмета, названного стержневым компонентом, и места, около которого он находится, обозначенного зависимым компонентом; ср.: a house by the road — *дом у дороги*, a path by the river — *тропинка вдоль реки*.

2. Адъективно-предложно-именной подтип. В нем стержневым компонентом служит прилагательное. Этот подтип словосочетаний был исследован Ц. С. Горелик. Структура словосоче-

таний $K^a + pr + A^n$. Этот подтип подразделяется на несколько групп, в зависимости от предлога, который входит в словосочетание, из числа которых мы остановимся лишь на некоторых:

1) Стержневой компонент обозначает физическое или психическое состояние, вызванное причиной, выраженной зависимым компонентом; ср.: proud of his son — *гордый своим сыном*, sick of the job — *усталый от работы*, incapable of indiscretion — *неспособный к нескромности*.

2) Стержневой компонент обозначает качество, которое возникает от наличия предмета или явления, названных зависимым компонентом; ср.: rich in coal — *богатый углем*, strong in mathematics — *сильный в математике*, narrow in shoulders — *узкий в плечах*.

3) Стержневой компонент обозначает способность, проявляемую в какой-либо области знаний, деятельности, выраженной зависимым компонентом; ср.: good at sport — *сильный в спорте*, clever at physics — *способный к физике*, sharp at chess — *способный к шахматам*.

4) Стержневой компонент обозначает эмоциональное состояние, возникающее от причины, выраженной зависимым компонентом; ср.: red with confusion — *красный от смущения*, still with fear — *неподвижный от страха*, black with envy — *почерневший от зависти*.

5) Стержневой компонент обозначает психическое состояние, вызванное причиной, выраженной зависимым компонентом; ср.: grateful for attention — *благодарный за внимание*.

6) Стержневой компонент обозначает состояние, пригодное для действия, обозначенного зависимым компонентом; ср.: fit for duty — *годный к службе*.

Все вышеизложенное можно представить в виде схемы.

I тип (A + K)

Подтипы:

1) (A + K)

а) ($A^a + K$)	{	<i>большой город</i> <i>большая страна</i> <i>большое облако</i>
б) ($A^p + K$)		— <i>мой сын, моя дочь, мое здоровье</i>
в) ($A^{nu} + K$)		— <i>первый урок</i> и т. д.
г) ($A_{pt}^v + K$)		— <i>цветущий сад</i> и т. д.
2) ($A_{dem}^p + K$)		— <i>this house— these houses</i>

II тип $A_c^n + K$

Подтип:

 $A_{\text{poss}}^n + K^n$ — my brother's bicycle**III тип А + К**

Подтипы:

 $A^n + K^n$ — a silver spoon $A^a + K^n$ — a cold night $A_{\text{pt}}^v + K^n$ — a sleeping child $A^{\text{nu}} + K^n$ — the tenth day $A^d + K^a$ — very difficult**IV тип $K^n + A_c^n$**

Подтипы:

 $K^n + A_{\text{gen}}^n$ — портфель учителя $K^n + A_{\text{dat}}^n$ — наказ депутату $K^n + A_{\text{inst}}^n$ — поездка автобусом**V тип К + А**

Подтипы:

 $K^n + A^n$ — город Москва
professor Jones $K^n + A^v$ — желание работать
a desire to work $K^n + A^{\text{nu}}$ — chapter ten $K^v + A^d$ — to work hard

читать быстро

 $K^n + A^d$ — езда верхом**VI тип К + prep + A_c^n**

Подтипы:

 $K^n + \text{prep} + A_{\text{gen}}^n$ — письмо от брата

билет до Киева и т. д.

$K^n + \text{prep} + A_{\text{acc}}^n$	— <i>дорога на пристань</i> <i>пение под гитару</i>
$K^n + \text{prep} + A_{\text{abl}}^n$	— <i>разговор за обедом</i>
$K^n + \text{prep} + A_{\text{prep}}^n$	— <i>девушка в брюках</i>

VII тип $K^n + \text{prep} + A^n$

Подтипы:

$K^n + \text{prep} + A^n$	— <i>stories about dogs</i>
$K^a + \text{prep} + A^n$	— <i>rich in coal</i> <i>proud of his son</i>

Типы объектных словосочетаний в двух языках

Свободные объектные словосочетания представляют собой дву-член или трехчлен, у которого оба компонента, стержневой и зависимый, соединены с помощью подчинительной объектной связи. Объектные отношения получают свое материальное выражение в форме ряда конкретных приемов, которыми в этом случае служат: 1) управление, падежное, беспредложное или предложное; 2) примыкание; 3) валентность глагола — одно- или двух валентность; 4) положение зависимого слова по отношению к стержневому — препозиция или постпозиция.

Для объектных словосочетаний особое значение имеет *валентность глагола, под которой понимается способность глагола вступать в сочетания с другими словами в предложении*. В современном языкознании обнаружены следующие виды валентности: *субъектная валентность*, если имеется в виду способность глагола сочетаться с подлежащим предложения; *объектная валентность*, под которой понимается способность глагола сочетаться с одним, двумя или несколькими объектами; *предикативная валентность*, означающая способность стержневого компонента сочетаться с другим глаголом и вместе с ним образовывать составное сказуемое, и некоторые другие.

Для определения типов объектных словосочетаний важное значение имеет именно объектная и предикативная валентность, поскольку она имеет прямое отношение к составу и структуре словосочетания.

В зависимости от валентности стержневого компонента — переходного глагола объектное словосочетание может быть двучленным или трехчленным; если глагол одновалентный, то объектное словосочетание представляет собой двучлен: *to get a telegram* — *получить телеграмму*; если глагол двухвалентный, то объектное словосочетание превращается в трехчлен: *John sent her a package* или *John sent a*

package to her — Джон послал ей посылку. Если мы отбросим адресат (Джон послал посылку. . .) или прямой объект (Джон послал ей. . .), то нарушается смысловая цельность высказывания — возникает впечатление незавершенности высказывания.

На основании сказанного выше мы можем определить объектное словосочетание как двучлен или трехчлен, образованные по типу подчинительной связи и характеризующиеся следующими критериями, взятыми в их взаимосвязи:

- 1) объектной синтаксической связью;
- 2) управлением или примыканием;
- 3) валентностью глагола;
- 4) препозицией или постпозицией зависимого слова по отношению к стержневому.

Сочетание этих критериев, взятых в системе, образует ту устойчивую совокупность признаков, которая может быть определена «как тип объектного словосочетания, рассматриваемого как единица сопоставления».

Так как всякий тип представляет собой отвлеченное понятие, реализуемое в речи в виде некоторого множества конкретных речевых величин, то мы можем сформулировать определение типа объектного словосочетания так: *объектное словосочетание представляет собой двучленную или многочленную модель, имеющую номинативную функцию, организованную на основе объектной связи, являющуюся устойчивым сочетанием определенным образом выраженных синтаксических и валентностных отношений и имеющую определенное размещение компонентов.*

Для все типов объектных словосочетаний стержневым компонентом служит переходный глагол. В качестве зависимого компонента могут использоваться чаще всего существительные или личные и указательные местоимения, реже глаголы в одной из существующих в данном языке неличных форм, а также прилагательные и числительные.

Так как объектные словосочетания в русском и английском языках имеют типологически различные способы выражения объектной связи, вследствие того что в русском языке ведущим приемом выражения объектной связи служит управление, а в английском — примыкание, то можно заранее предвидеть наличие в обоих языках различий в типологии объектных словосочетаний.

Валентность переходного глагола также имеет значение для выделения типов объектных словосочетаний в рассматриваемых языках; в зависимости от этого мы различаем простые объектные словосочетания, если глагол одновалентный, и сложные словосочетания, если глагол двух- и более валентный. В составе простых объектных словосочетаний мы выделяем следующие типы:

1. Тип объектно-постпозитивный с управлением, то есть со структурой $K + A_c$

К этому типу относятся словосочетания, у которых зависимый компонент выражен существительным, прилагательным, местоимением или числительным в форме винительного падежа в русском языке или объектного падежа в английском. Стержневой компонент — одновалентный переходный глагол, хотя в отдельных случаях в русском языке он может быть выражен также глаголом в форме на -ся.

Этот тип словосочетаний широко представлен в русском языке и, как увидим ниже, занимает очень скромное место в английском языке, где управление как средство выражения объектной связи имеет незначительное использование.

В зависимости от типа управления — прямого или косвенного, можно выделить два подтипа: подтип с прямым объектным управлением и подтип с косвенным объектным управлением.

1. Подтип с прямым объектным управлением распадается на две группы в зависимости от падежа, в котором стоит прямое дополнение:

а) группа с объектом в винительном падеже; структура словосочетаний этой группы $K^V + A_{acc}^n$ или $K^V + A_{acc}^p$, в зависимости от того, какой частью речи представлен объект — существительным или местоимением. Словосочетания этой группы распространены в русском языке, и обозначают они как чисто объектные отношения, так и отношения количественные (временные или пространственные): *читать книгу, пилить дрова, встречать брата (самолет), смотреть телевизор (фильм, балет и т. д.); прожить лето, работать день и ночь, проехать станцию* и т. д.

б) группа с объектом в объектном падеже; структура словосочетаний $K^V + A_{obj}^p$. Словосочетания этой группы представлены только в английском языке, где форму объектного падежа принимают только личные местоимения; ср.: *to ask him, to tell me, to see them* и т. д. Словосочетания с объектом-существительным относятся к типу словосочетаний с примыканием.

2. Подтип с косвенным объектным управлением распадается на три группы в зависимости от той формы падежа, которую принимает зависимый компонент:

1) Группа с объектом в дательном падеже; зависимый компонент называет лицо или предмет, на которые направлено действие; ср.: *завидовать другу (приятелю, человеку, успеху и т. д.), верить жене (брата, товарищу и т. д.), объяснять ученику (ребенку, студенту и т. д.)*.

2) Группа с объектом в творительном падеже; зависимый компонент обозначает предмет, посредством которого совершается действие, или же временной или пространственный отрезок, или же способ, с по-

мощью которого совершается действие; ср.: *стучать молотком* (*палкой, карандашом* и т. д.), *махать рукой* (*платком, шляпой*), *ехать лесом* (*полем, берегом*), *петь басом* (*тенором, фальцетом* и т. д.).

3) Группа с объектом в родительном падеже; зависимый компонент обозначает предмет, являющийся объектом желания, или часть предмета, на который распространяется действие: *просить помощи, желать успехов; выпить воды, купить чаю* (*сахару, хлеба* и т. д.).

Русским словосочетаниям, относящимся к первому и второму подтипам, соответствуют как беспредложные, так и предложные словосочетания с примыканием в английском языке, то есть словосочетания, относящиеся к другим типам.

II. Тип объектно-постпозитивный с примыканием, то есть со структурой $K + A$

В этом типе словосочетаний синтаксическая связь не получает никакого морфологического оформления и выражается примыканием и твердым порядком расположения членов словосочетания. Этот тип объектных словосочетаний характерен для английского языка, где его можно считать ведущим.

Стержневым компонентом здесь служит одновалентный переходный глагол; зависимый компонент обычно выражен существительным или же глаголом в одной из неличных форм.

В зависимости от характера валентности, в этом типе можно выделить два подтипа.

1. Подтип с объектной валентностью. Зависимый компонент выражен существительным в форме так называемого общего падежа; словосочетания этого подтипа имеют структуру $K^V + A^n$; ср.: *to fly a plane* — *пилотировать самолет*, *to run a factory* — *управлять фабрикой*, *to send a telegram* — *посылать телеграмму*.

2. Подтип с предикативной валентностью. Зависимый компонент выражен одной из неличных форм глагола, в связи с чем в этот подтип входят две группы словосочетаний:

а) инфинитивная группа со структурой $K^V + A_{inf}^V$, в которой зависимый компонент имеет форму инфинитива. Эта группа представлена как в русском, так и в английском языке; ср.: рус. *решить остаться* — англ. *to decide to remain*; *стараться понять* — англ. *to try to understand*;

б) герундиальная группа, в которой зависимый компонент выражен специфической для английского языка формой герундия. Стержневой компонент — глагол, который входит в число глаголов, относящихся к семантическим полям начала и конца действия, семантическому полю желания и т. д. Структура этого словосочетания $K^V + A_{ger}^V$; ср.: *to begin singing* — *начать петь, запеть*, *to start travelling* — *начать путешествовать*, *to stop crying* — *перестать плакать* и т. д.

Из приведенных примеров видно, что английским словосочетаниям этого подтипа соответствуют словосочетания со структурой $K^V + A_{ger}^V$.

III. Тип объектно-предложный с управлением

Этот тип словосочетаний характеризуется наличием предлога, соединяющего оба компонента словосочетания. Зависимый компонент может быть выражен как существительным, что имеет место в подавляющем числе случаев, так и местоимением в одном из падежей, которым управляет данный предлог. В связи с этим можно выделить три подтипа: подтип с управлением одним падежом, подтип с управлением двумя падежами и подтип с управлением тремя падежами.

1. Подтип с управлением одним падежом распадается на несколько групп в зависимости от падежа, которым управляет предлог:

1) Группа с генитивным управлением со структурой $K^V + pr + A_{gen}^n$ или $K^V + pr + A_{gen}^p$; ср.: *вылететь из Москвы (города, аэропорта и т. д.), отойти от дома (театра, села, станции и т. д.), гулять до зари (обеда, заката солнца и т. д.)*.

2) Группа с дативным управлением со структурой $K^V + pr + A_{dat}^n$ или $K^V + pr + A_{dat}^p$; ср.: *подъехать к дому (вокзалу, театру), вернуться к вечеру (полудню, обеду, празднику и т. д.)*.

3) Группа с аккузативным управлением со структурой $K^V + pr + A_{acc}^n$ или $K^V + pr + A_{dat}^p$; ср.: *забыть про газету (журнал, книгу, лекцию и т. д.)*.

4) Группа с объектным управлением объектным падежом. Это относится к предложным словосочетаниям, в которых зависимым компонентом является личное местоимение в объектном падеже. Словосочетания этой группы представлены в английском языке; ср.: *to wait for her — ждать ее, to look after them — смотреть за ними, to look at him — смотреть на него*.

2. Подтип с предложным управлением двумя падежами распадается на две группы:

1) Группа с управлением винительным и творительным падежами со структурой $K^V + за(под) + A_{acc}^n$ и $K^V + за(под) + A_{inst}^n$; ср.: *петь под гитару (аккомпанемент и т. д.), послать за мастером (доктором, билетом и т. д.)*.

2) Группа с управлением винительным и предложным падежами со структурой $K^V + в(о, на) + A_{acc}^n$ и $K^V + в(о, на) + A_{acc}^n$; ср.: *ехать на завод, работать на заводе; сесть на скамейку, сидеть на скамейке; сесть в машину, сидеть в машине*.

3. Подтип с предложным управлением тремя падежами распадается на две группы:

1) Группа с управлением винительным, родительным и творительным падежами со структурами $K^V + c + A_{acc}^n$, $K^V + c + A_{gen}^n$, $K^V + c + A_{inst}^n$; ср.: *пройти с километр*, *вернуться с прогулки*, *справиться с уроками*, *считаться с правилами*.

2) Группа с управлением винительным, дательным и предложным падежами со структурой $K^V + по + A_{acc}^n$, $K^V + по + A_{dat}^n$ и $K^V + по + A_{prep}^n$.

IV. Тип объектно-предложный с примыканием

Этот тип словосочетаний, как и предыдущий, характеризуется наличием предлога, соединяющего оба компонента словосочетания. Зависимый компонент чаще всего выражен существительным, но может быть также выражен указательным местоимением, а также глаголом в одной из существующих в данном языке неличных форм. Так как примыкание как критерий типологической классификации не имеет подразделений, то единственным различительным признаком в этом типе служит принадлежность зависимого компонента к определенной части речи. Поэтому в этом типе можно выделить такие подтипы:

1. Именной подтип. Зависимый компонент выражен существительным; со структурой $K^V + pr + A^n$; ср.: *to wait for news* — *ожидать известий*, *to speak about flights* — *говорить о полетах*, *to look after children* — *смотреть за детьми*.

2. Местоименный подтип. Зависимый компонент выражен указательным местоимением; ср.: *to stare at that* — *установиться на то*, *to agree with this* — *согласиться с этим*, *to thank for this* — *благодарить за это*.

3. Герундиальный подтип. Зависимый компонент выражен герундием; ср.: *to prevent from running away* — *помешать убежать* или *не дать убежать*.

Кроме объектных словосочетаний с одновалентным глаголом, которые были рассмотрены выше, и в том и в другом языке можно обнаружить словосочетания, стержневой компонент которых выражен глаголом, характеризуемым двухвалентностью. Для своей реализации они требуют наличия одновременно двух зависимых компонентов. Поэтому объектные словосочетания с глаголами этого типа имеют трехкомпонентный состав. Стержневой и два зависимых компонента могут быть как существительными, так и местоимениями, глаголами в соответствующей неличной форме. Такого рода словосочетания мы называем сложными объектными словосочетаниями.

В сопоставляемых языках мы находим следующие типы сложных объектных словосочетаний:

V. Тип сложный, объектно-постпозитивный с управлением и двойной объектной валентностью

В этом типе словосочетаний стержневой компонент — двухвалентный глагол, имеющий два объекта. Один из них — прямой объект в форме винительного падежа, другой — косвенный объект в форме одного из падежей, дательного или творительного, что дает основание для выделения в этом типе двух подтипов.

1. Подтип с управлением винительным и дательным падежами со структурой $K^v + A_{dat}^n + A_{acc}^n$.

В словосочетаниях этого подтипа зависимый компонент — прямой объект обозначает предмет, на который распространяется действие стержневого компонента, а зависимый компонент — косвенный объект обозначает чаще всего лицо, реже предмет, к которому направлено действие. В состав глаголов с двойной объектной валентностью входят глаголы довольно разнообразной семантики, и в том числе глаголы речи (*говорить, сказать, сообщить* и т. д.), глаголы семантического поля «давать» и некоторые другие. Структура словосочетаний этого подтипа $K^v + A_{dat}^n + A_{acc}^n$: *послать брату телеграмму, выдать посетителю справку, сообщить приятелю новость*.

Следует заметить, что размещение зависимых компонентов в этом словосочетании допускает варьирование, не меняющее содержания словосочетания, то есть структура словосочетания может быть и такой — $K^v + A_{dat}^n + A_{acc}^n = K^v + A_{acc}^n + A_{dat}^n$; ср.: *послать брату телеграмму = послать телеграмму брату*.

2. Подтип с управлением винительным и творительным падежами со структурой $K^v + A_{acc}^n + A_{inst}^n$.

Ср.: *избрать товарища Н. председателем, назначить доктора Н. заведующим*.

В этом словосочетании также допустима перестановка зависимых компонентов, то есть $K^v + A_{inst}^n + A_{acc}^n$, однако в обычном стиле речи предпочтение все же отдается словосочетаниям первой структуры.

VI. Тип сложный, объектно-постпозитивный с примыканием и двойной объектной валентностью

В этом типе словосочетаний зависимые компоненты соединены по способу простого примыкания. Первый зависимый компонент — существительное со значением лица, второй компонент может быть существительным со значением лица или в редких случаях со значением предмета.

В основу деления на подтипы следует положить различие в характере первого зависимого компонента и способе выражения связи стержневого и зависимых компонентов.

1. Подтип с прямой объектной связью первого компонента имеет структуру $K^v + A_{dir}^n + A^n$. Ср.: *they elected*

John Green president of the Association — *они избрали Джона Грина председателем общества*. Структура словосочетаний этого подтипа меняться не может.

2. Подтип с косвенной объектной связью первого зависимого компонента и прямой объектной связью второго компонента, например: I am writing John a letter — *я пишу Джону письмо*. Словосочетания этого подтипа допускают вариант словосочетания, имеющий структуру третьего подтипа, то есть I am writing a letter to John.

3. Подтип с предложной связью обоих зависимых компонентов, причем первым зависимым компонентом является прямой объект, а вторым — косвенный объект. Структура словосочетаний этого подтипа $K^V + A_{dir}^n + pr + A_{indir}^n$; ср.: he asked the doctor for help — *он просил врача оказать ему помощь*.

VII. Тип сложный, объектно-постпозитивный с управлением и объектной, и предикативной валентностью

В словосочетаниях этого типа стержневой компонент — переходный глагол обладает как объектной, так и предикативной валентностью, что имеет следствием употребление двух объектов — одного, прямого или косвенного объекта, выраженного существительным или местоимением, чаще всего личным, и второго, имеющего форму инфинитива глагола. Стержневой компонент может быть выражен ограниченным числом глаголов, которые объединяются в довольно широкие по своей семантике группы со значением отношения к действию. Первый зависимый компонент может быть выражен винительным или дательным падежом, в связи с чем выделяются подтипы:

1. Подтип с прямым объектом — существительным или личным местоимением, выраженным винительным падежом. Глаголы, образующие словосочетания этого подтипа, относятся к семантическому полю «волеизъявление», например: *просить, уговаривать, заставить, обязать* и т. д. Второй зависимый компонент — инфинитив глагола обозначает то действие, которое должно совершить лицо, обозначенное первым зависимым компонентом, например: *просить певицу спеть, заставить мальчика одеться* и т. д. Структура этого подтипа $K^V + A_{acc}^n + A_{inf}^v$.

2. Подтип с косвенным объектом — существительным или местоимением в форме дательного падежа со структурой $K^V + A_{dat}^n + A_{inf}^v$.

Стержневой компонент, входящий в это словосочетание, выражен глаголами, относящимися к семантическому полю «воздействие». Первый зависимый компонент — косвенный объект — обозначает лицо, на которое направлено действие стержневого компонента и которое должно выполнить действие, обозначенное вторым зависимым

компонентом — инфинитивом глагола. Структура словосочетаний этого подтипа $K^V + A_{\text{dat}}^n + A_{\text{inf}}^V$; ср.: *велеть ученику встать, запретить пациенту выходить* и т. д.

3. Подтип с объектом — личным местоимением в форме объектного падежа со структурой $K^V + A_{\text{obj}}^P + A_{\text{inf}}^V$. Этот подтип, в котором еще сохранилось управление единственным падежом — объектным, — ограничен личными местоимениями в английском языке, в системе которого управление сохранилось лишь как пережиток предыдущего состояния. Стержневой компонент складывается из глаголов, относящихся к разнообразным семантическим полям: мышления, восприятия, волеизъявления, начала и конца процесса; ср.: *I want her to return — я хочу, чтобы она вернулась, we implored them to stay — мы умоляли их остаться* и т. д.

VIII. Тип сложный объектно-постпозитивный с примыканием и объектной и предикативной валентностью

В словосочетаниях этого типа стержневой компонент — переходный глагол — имеет как объектную, так и предикативную валентность, вследствие чего в словосочетании используются два зависимых компонента: один, связанный со стержневым компонентом, выражен существительным, а другой, связанный со стержневым предикативной связью, выражен инфинитивом глагола. Стержневой компонент складывается из глаголов той же семантики, что и в третьем подтипе VII типа.

Словосочетания этой структуры имеются только в английском языке и в русском языке отсутствуют.

Вместо них в русском языке употребляются сложноподчиненные предложения, в которых придаточные предложения вводятся соединительным словом *что* или, реже, *как*; ср.: *to see the boy run — видеть, что бежит мальчик*.

Все компоненты словосочетаний этого типа соединены друг с другом по способу примыкания и имеют твердый порядок слов, не допускающий позиционных вариантов.

Все вышеизложенное можно представить в виде схемы.

I тип $K + A_c$

Подтипы:

1) $K^V + A_{\text{dir}}$

а) $K^V + A_{\text{acc}}^{n(p)}$

рус. *читать книгу (ее)*

б) $K^V + A_{\text{obj}}^P$

англ. *to read (it)*

2) $K^V + A_{\text{indir}}$

а) $K^V + A_{\text{dat}}^{n(p)}$

рус. *верить жене (ей)*

- б) $K^v + A_{inst}^{n(p)}$ рус. стучать молотком (им)
 в) $K^v + A_{gen}^{n(p)}$ рус. ждать решения (его)

II тип К + А

Подтипы:

- 1) $K^v + A^{n(p)}$ англ. to fly a plane (it)
 2) $K^v + A^v$
 а) $K^v + A_{inf}^v$ рус. решить остаться
 англ. to decide to stay
 б) $K^v + A_{ger}^v$ англ. begin singing

III тип $K^v + pr + A_c$

Подтипы:

- 1) $K^v + pr + A_c^{n(p)}$
 а) $K^v + pr + A_{gen}^{n(p)}$ рус. состоять из чертежей
 б) $K^v + pr + A_{dat}^{n(p)}$ рус. подехать к дому
 в) $K^v + pr + A_{acc}^{n(p)}$ рус. забыть про журнал
 2) $K^v + pr + A_c^{n(p)}$
 а) $K^v + за(под) + A_{acc}^{n(p)}$ рус. бороться за мир
 рус. петть под аккомпанемент
 $K^v + за(под) + A_{inst}^{n(p)}$ рус. посылать за доктором
 рус. жить под фамилией
 б) $K^v + в(о, на) + A_{acc}^{n(p)}$ рус. стучать в дверь
 рус. ударяться о перила
 рус. надеяться на врача
 3) $K^v + pr + A_c^{n(p)}$
 а) $K^v + с + A_{acc}^{n(p)}$ рус. пройти с километр
 $K^v + с + A_{gen}^{n(p)}$ рус. вернуться с прогулки
 $K^v + с + A_{inst}^{n(p)}$ рус. справиться с болезнью
 б) $K^v + по + A_{acc}^{n(p)}$ рус. ходить по грибы
 $K^v + по + A_{dat}^{n(p)}$ рус. бродить по лесу
 $K^v + по + A_{prep}^{n(p)}$ рус. вспомнить по приезде домой

IV тип $K^v + pr + A^n$

Подтипы:

1) $K^v + pr + A^n$	англ. to wait for news
2) $K^v + pr + A_{dem}^n$	англ. to stare at this
3) $K^v + pr + A_{ger}^n$	англ. to prevent from going away
-

V тип $K^v + A_c + A_c$

Подтипы:

1) $K^v + A_{dat}^{n(p)} + A_{acc}^{n(p)} =$ = $K^v + A_{acc}^n + A_{dat}^n$	рус. <i>купить мальчику мяч =</i> <i>=купить мяч мальчику</i>
2) $K^v + A_{acc}^{n(p)} + A_{inst}^{n(p)}$	рус. <i>забить гвоздь молотком</i>
-

VI тип $K^v + A^n + A^n$

Подтипы:

1) $K^v + A_{dir}^n + A_{dir}^n$	англ. to elect John president
2) $K^v + A_{indir}^n + A_{dir}^n$	англ. to send Mary a telegram
3) $K^v + A_{dir}^n + pr + A_{indir}^n$	англ. to send a package to Mary

VII тип $K^v + A_c^{n(p)} + A^v$

Подтипы:

1) $K^v + A_{acc}^n + A_{inf}^v =$ = $K^v + A_{acc}^p + A_{inf}^v$	рус. <i>просить певицу</i> <i>(ее) спеть</i>
2) $K^v + A_{dat}^n + A_{inf}^v$	рус. <i>велеть ученику (ему) встать</i>
3) $K^v + A_{obj}^p + A_{inf}^v$	англ. to implore them to stay
-

VIII тип $K^v + A_{dir}^n + A_{inf}^v$ англ. to see the boy run

Приведенная таблица весьма наглядно показывает, что у русского и английского языков имеется лишь одна сходная модель словосочетаний. Это словосочетания со структурой : $K^v + A_{inf}^v$: *решить остаться* — to decide to stay.

Структура остальных типов словосочетаний показывает, что для русского языка преобладающим типом являются словосочетания с управлением, а для английского языка — объектные словосочетания с примыканием.

Словосочетания с управлением носят в английском языке очень ограниченный характер, поскольку управление как способ выражения объектной синтаксической связи не так распространено и ограничено лишь словосочетаниями с личными местоимениями в качестве зависимого компонента.

Типология членов предложения

Прежде чем перейти к рассмотрению типологии предложения в английском и русском языках, необходимо уяснить себе некоторые вопросы, связанные с типологией членов предложения.

Материал различных в типологическом отношении языков красноречиво свидетельствует о том, что члены предложения, хорошо известные нам еще со времени обучения в средней школе — подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство, как по своей структуре, так и по своему грамматическому оформлению значительно различаются между собой по языкам. Так, например, сказуемое в ряде кавказских языков и в баскском языке (Испания) включает в свой состав не только морфему, указывающую на носителя действия, но также и морфему адресата действия, что примерно могло бы иметь такой вид: *я я-вижу(у)-он поезд, мальчик он-вид(ит)-он поезд*. Употребить глагол так, как мы его употребляем, в обычной личной форме *я вижу поезд*, оказывается невозможно. Эта особенность членов предложения кавказских и баскского языков привлекла в свое время наших отечественных ученых И. И. Мещанинова¹, М. М. Гухман², В. Н. Ярцеву³ и многих других, попытавшихся разобраться в этой проблеме. Оказалось, что в языках эргативного строя глагол-сказуемое выражает синтаксические связи как бы с двух сторон: он может получать морфемы — показатели не только носителя действия, но также и адресата действия. Выяснилось также, что сама форма слова, обозначающего носителя действия, зависит от семантики сказуемого, то есть если сказуемое выражено непереходным глаголом, то слово — носитель действия принимает форму так называемого абсолютного падежа; если же сказуемое выражено переходным глаголом, то слово — носитель действия принимает форму активного, или эргатив-

¹ См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. — М.; Л., 1945.

² См.: Гухман М. М. Позиции подлежащего в языках различных типов // Члены предложения в языках различных типов: Мещаниновские чтения. — Л., 1972. — С. 19–35.

³ См.: Ярцева В. Н. О синтаксической роли прямого дополнения в языках разных типов // Члены предложения в языках различных типов: Мещаниновские чтения. — Л., 1972. — С. 4–18.

ного, падежа. Таким образом, сказуемое в этих языках управляет и подлежащим и дополнением.

В тюркских языках наблюдается различное оформление прямого дополнения в зависимости от того, обозначает ли дополнение известный, определенный предмет или же неизвестный.

Индоевропейские языки по своей типологии относятся к языкам номинативного строя, то есть к языкам, в которых подлежащее имеет форму именительного падежа независимо от того, выражено ли сказуемое переходным или непереходным глаголом. В этих языках существует только согласование подлежащего со сказуемым в числе и управление дополнения сказуемым. И тем не менее в отдельных индоевропейских языках еще до сих пор сохраняются следы иной типологии членов предложения. Так, в русском, немецком, французском и отчасти в английском языках можно обнаружить следы так называемой дативной конструкции, унаследованной, видимо, от далекого индоевропейского предка, когда носитель действия или состояния принимает форму дательного падежа. Интересно отметить, что эта конструкция полнее сохранилась в русском языке, где она используется для выражения как физического, так и морального состояния; ср.: *мне (Пете, ему и т. д.) холодно (тепло, жарко), мне (Маше, ей) хочется (кажется, нравится), мне (нам, им) трудно*. Во французском и немецком языках физическое состояние получило выражение по типу номинативных предложений; ср.: *j'ai (Pierre a) froid, il veut, il est difficile (facile) pour moi (toi, Pierre); ich bin (Peter ist) kalt, ich will, es ist schwer (leicht) für mich*. Но в этих языках сохранилась дативная конструкция для выражения морального состояния; ср.: *il me plaît, il me semble; es gefällt mir, es scheint mir*. В английском же языке сохранились лишь единичные случаи употребления дативной конструкции; так, вместо оборота *it pleases me*, еще пока употребительного, предпочитают говорить *I like it*, то есть опять же по типу предложений номинативного строя.

В русском языке существует также очень своеобразный тип предложений — *его убило молнией, меня ранило пулей*, несколько напоминающий эргативный тип предложений, где носитель действия при переходном глаголе принимает форму творительного падежа. Сказуемое же имеет форму прошедшего времени среднего рода.

Все приведенные данные говорят о том, что члены предложения, так же как и другие компоненты структуры языка, имеют свою типологию, и, следовательно, мы можем говорить о типах подлежащего, сказуемого и т. д.

Для того чтобы определить типы каждого члена предложения, мы должны сформулировать некоторые критерии.

Как показывает языковой материал, каждый член предложения может быть представлен либо одним словом, имеющим лексическое

значение, либо сочетанием значимых слов. Этот структурный принцип играет достаточно важную роль в определении типа члена предложения.

Члены предложения представляют собой синтаксические категории, которые возникают в предложении на основе форм словосочетания и отражают отношения между структурными элементами предложения¹. Этим самым ставится вопрос о тех приемах выражения синтаксических отношений, которые характерны для того или другого члена предложения. Так, для подлежащего как для независимого члена предложения в языках номинативного строя характерно, хотя и не всегда обязательно, согласование со сказуемым в числе, иногда и в роде; для сказуемого — согласование с подлежащим и управление дополнением; для дополнения — примыкание к сказуемому.

Поэтому приемы выражения синтаксических связей, характерные для данного члена предложения, должны быть учтены как типологический критерий соответствующего члена предложения.

Таким образом, тип члена предложения определяется двумя категориями:

- 1) *структурой члена предложения (однокомпонентные или двухкомпонентные);*
- 2) *способностью выразить те или иные приемы синтаксической связи (согласование, примыкание, управление).*

Структурно-семантические типы подлежащего

Как в английском, так и в русском языке можно выделить два основных типа подлежащего: тип однокомпонентный и тип двухкомпонентный.

I. Тип однокомпонентного подлежащего

К этому типу относятся подлежащие, выраженные, как правило, одним знаменательным словом. Некоторые подлежащие имеют грамматическую возможность согласовываться с относящимся к ним сказуемым в числе и лице (и не типологично в роде), другие же этой возможностью не обладают, что дает основание для выделения в этом типе двух подтипов: 1) подтипа с согласующимся подлежащим и 2) подтипа с несогласующимся подлежащим.

1. Подтип с согласующимся подлежащим включает однокомпонентные подлежащие, выраженные:

- 1) Существительным. Как в английском, так и в русском языке согласование в числе проводится строго. Однако в русском языке

---

¹ См.: *Грамматика русского языка*. М., 1954. — Т. 2. — Ч. 1: Синтаксис. — С. 88.

согласование существует даже там, где имеется один предмет, но он имеет форму множественного числа, например: *санки покатались под гору* (а не *покатился*), *ножницы лежат на столе* (а не *лежит*). В английском же языке существует достаточно обширная группа подлежащих, выраженных существительными со значением множества, но имеющих форму единственного числа — *audience, board, committee, company, crew, crowd, family* и ряд других, которые в одних случаях согласуются со сказуемым в единственном числе, в других такого согласования не наблюдается. Как отмечает Л. С. Бархударов¹, в этом случае говорить о согласовании сказуемого с подлежащим не приходится, и, следовательно, эта группа подлежащих может быть отнесена как к первому, так и ко второму типу.

2) Местоимением.

3) Прилагательным с субстантивированным значением. В отличие от подлежащих в русском языке, выраженных прилагательными, которые могут иметь как форму единственного, так и форму множественного числа и соответственно согласование со сказуемым в числе, английские субстантивированные прилагательные всегда имеют значение множественности, которое выражается в артикле *the* перед соответствующим прилагательным; ср.: *blind* — *слепой*, но *the blind* — *слепые*; *poor* — *бедный*, но *the poor* — *бедные люди, бедняки*. Подлежащие этой группы согласуются со сказуемым только в форме множественного числа; ср.: *the old are very often helpless*.

4) Причастием настоящего или прошедшего времени, функционирующим в значении имени существительного; ср.: *трудящиеся всей страны*. Подлежащие этой структуры характерны только для русского языка.

5) Числительным количественным и порядковым, причем подлежащие — порядковые числительные типичны только для русского языка.

2. Подтип с несогласующимся подлежащим включает однокомпонентные подлежащие, выраженные:

- 1) инфинитивом глагола;
- 2) порядковым числительным (только в английском языке);
- 3) герундием (только в английском языке).

II. Тип двухкомпонентного подлежащего

К этому типу относятся подлежащие, имеющие два самостоятельных члена, причем один без другого функционировать не могут. Сюда относятся, прежде всего, 1) подлежащие, образованные атрибутивными словосочетаниями; 2) подлежащие, состоящие из предваряющего

¹ См.: Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. — М., 1966. — С. 166.

слова *there* и следующего за сказуемым второго члена — существительного или атрибутивного словосочетания¹ (структура такого подлежащего *there... Sⁿ*; ср.: *There was a lengthy pause. (J. Galsworthy. The Man of Property)*); 3) подлежащие, состоящие из предваряющего слова *it* и следующего за именным сказуемым инфинитива, то есть *it... S_{inf}^v*, или герундия, то есть *it... S_{ger}^v*, или словосочетаний; ср.: *It is useless to say more at present, but I think you understand (J. Galsworthy. In Chancery)*.

Все сказанное о типах подлежащего может быть представлено в следующей таблице.

Типы	Подтипы		Язык	
			Русский	Английский
Однокомпонентный	Согласующиеся	$S = N$	+	+
		$S = Pr$	+	+
		$S = A$	+	(+)
		$S = V_{pt}$	+	-
		$S = Nu$	+	-
	Несогласующиеся	$S = V_{inf}$	+	+
$S = Nu$		-	+	
$S = V_{ger}$		-	+	
Двухкомпонентный		$S = A + K$	+	+
		$S = there \dots S^n$	-	+
		$S = it \dots S_{inf}^v$	-	+
		$S = it \dots S_{ger}^v$	-	+

Структурно-семантические типы сказуемого

В сказуемом, так же как и в подлежащем, выделяются два типа: тип однокомпонентный и тип двухкомпонентный.

I. Тип однокомпонентного сказуемого

К этому типу относятся сказуемые, выраженные личной формой глагола. В зависимости от способности сказуемого согласоваться с подлежащим в лице или числе (и не типологично в роде), в этом типе

¹ См.: Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. — М., 1966. — С. 161–162.

можно выделить два подтипа: 1) подтип с согласующимся сказуемым и 2) подтип с несогласующимся сказуемым.

1. Подтип с согласующимся сказуемым включает основную массу сказуемых, выраженных личной формой глагола, как в одном, так и в другом языке, хотя согласование как в лице, так и в числе в английском языке значительно более ограничено, чем в русском, и, по существу, касается только форм 3-го лица единственного числа ряда временных форм.

2. Подтип с несогласующимся сказуемым ограничен небольшой группой модальных глаголов в английском языке.

II. Тип двухкомпонентного сказуемого

В этот тип входят сказуемые, состоящие из двух обязательных компонентов. В зависимости от состава компонентов, этот тип, в свою очередь, делится на два подтипа: 1) подтип, сказуемое которого состоит из глагола-связки и именной части сказуемого (то есть именное сказуемое); 2) подтип со сказуемым, состоящим из личной формы глагола и примыкающего к нему инфинитива (так называемое сложное сказуемое).

1. Подтип «именное сказуемое» — представлен рядом моделей, в зависимости от той формы, которой выражена именная часть. Из них назовем лишь некоторые:

а) модель $V + N$ — именная часть выражена именем существительным в форме именительного падежа в русском языке и общей формой существительного в английском языке;

б) модель $V + N_{abl}$ — именная часть выражена формой творительного падежа имени существительного или местоимения; ср.: *он работает механизатором, она стала врачом*. Соответствующие по смыслу сказуемые в английском языке имеют структуру $V + N$;

в) модель $V + A$ — именная часть выражена прилагательным. Хотя эта модель представлена как в русском, так и в английском языке, однако, в отличие от русского, английский язык использует в сказуемом этой модели большое число так называемых связочных глаголов — *to look, to grow, to fall, to turn* и т. д. Сказуемые этой модели (ср.: *he fell silent, she turned red* и т. д.) чаще всего соответствуют русским однокомпонентным сказуемым, что следует учитывать в практическом курсе языка;

г) модель $V + N_{gen}$ — именная часть выражена существительным в родительном падеже. Сказуемое с этой структурой чаще всего выражает качественную оценку; ср.: *он был высокого роста*. Соответствующие по смыслу английские сказуемые или имеют структуру $V + A$, или именная часть бывает выражена словосочетанием типа $of + A + N$; ср.: *my brother was of a strong character*.

2. Подтип «сложное сказуемое». В отношении этого подтипа нет единой точки зрения. В грамматике русского языка сложным считается сказуемое, образованное из личной формы глагола и прилегающего к нему инфинитива ¹, то есть структура такого сказуемого имеет вид $V + V_{inf}$. В английской грамматике сложным называется сказуемое, состоящее из так называемых модальных глаголов с лексическим центром, выраженным инфинитивом смыслового глагола, то есть также имеет структуру $V + V_{inf}$ ².

Поэтому представляется более обоснованным под типом сложного сказуемого понимать тип сказуемого с названной выше структурой, независимо от того, каким глаголом выражена личная форма сказуемого. Никаких подтипов в этом типе не обнаружено.

Сказанное выше о типах сказуемого может быть суммировано в таблице.

Типы	Подтипы		Язык	
			Русский	Английский
Одно-компонентный	Согласующ.	$P = V$	+	+
	Несогласующ.	$P = V_{mod}$	-	+
Двухкомпонентный	Именной	$P = V + N$	+	+
		$P = V + N_{abl}$	+	-
		$P = V + Pr$	+	+
		$P = V + N_{gen}$	+	-
		$P = V + A$	+	+
	Сложный	$P = V + V_{inf}$	+	+

Структурно-семантические типы дополнения

Как в русском, так и в английском языке дополнение является однокомпонентным и, следовательно, представлено одним типом. Синтаксическая связь сказуемого и дополнения может быть выражена

¹ См.: *Грамматика русского языка*. — М., 1954. — Т. 2. — Ч. 1: Синтаксис. — С. 409.

² См.: *Бархударов Л. С.* Структура простого предложения современного английского языка. — М., 1966. — С. 152–153.

либо управлением, либо примыканием. Этот критерий дает основание для выделения в этом типе двух подтипов: подтипа с управляемым дополнением и подтипа с примыкающим дополнением.

1. Подтип с управляемым дополнением преимущественно представлен в русском языке и охватывает как дополнения, выраженные существительными, так и дополнения, выраженные местоимениями, прилагательными, числительными и причастиями. В английском языке к этому подтипу относятся лишь дополнения, выраженные личными местоимениями в объектном падеже и в книжно-письменном стиле — вопросительным местоимением *who — whom*.

Дополнения могут быть без предлога и с предлогом, что, однако, не оказывает влияния на тот или иной тип или подтип дополнения. Управляемые дополнения представлены в русском языке рядом моделей, из которых наиболее распространенной является модель O_{acc} (в расшифровке по частям речи $O_{acc}^n, O_{acc}^a, O_{acc}^p, O_{acc}^{nu}$ и $O_{pt acc}^v$), выражающая прямой объект, и модель O_{gen}^n, O_{gen}^p , выражающая объект восприятия, мысли, желания или ожидания; ср.: *Мы стояли на платформе и ждали поезда*. В английском языке имеется лишь одна модель этого подтипа — O_{obj}^p , то есть прямой объект выражен личным местоимением и местоимением *whom* в форме объектного падежа.

Предлог, стоящий перед дополнением, вызывает употребление той или другой падежной формы дополнения, образуя так называемое косвенное дополнение, представленное в русском языке моделями $pr + O_{gen}, pr + O_{dat}, pr + O_{abl}$, где управляемое дополнение O может быть выражено как существительным, так и другими склоняемыми частями речи. В английском языке возможна лишь одна модель $pr + O_{obj}^p$, то есть предлог и личное или вопросительное местоимение *who — whom* в форме объектного падежа.

2. Подтип с примыкающим дополнением представлен только в английском языке нулевыми формами знаменательных частей речи, кроме названных выше. Модель примыкающего дополнения — O ; модель предложного примыкающего дополнения — $pr + O$.

Ниже приводится сводная таблица типологических особенностей дополнения в двух языках.

Структурно-семантические типы определения

Определение как член предложения возникает в предложении всякий раз тогда, когда происходит развертывание одного из основных членов предложения — подлежащего, сказуемого или дополнения. Основной функцией определения является уточнение или пояснение этих членов предложения со стороны их качества, количества, признака или свойства. Определения вместе с определяемыми ими членами предложения образуют атрибутивные словосочетания различных ти-

Типы	Подтипы	Язык	
		Русский	Английский
Однокомпонентный	O = N _{acc}	+	-
	O = A _{acc}	+	-
	O = P _{acc}	+	-
	O = Nu _{acc}	+	-
	O = V _{pt acc}	+	-
	O = P _{obj}	-	+
	O = (pr +) N _{gen}	+	-
	O = (pr +) P _{gen}	+	-
	O = (pr +) A _{gen}	+	-
	O = (pr +) N _{dat}	+	-
	O = (pr +) N _{abl}	+	-
	O = (pr +) N	-	+
	O = (pr +) A	-	+
	O = (pr +) P	-	+
	O = (pr +) Nu	-	+
	O = V _{inf}	+	+

пов, о которых говорилось выше (с. 8, 133 и след.). Поэтому рассмотренные там типы атрибутивных словосочетаний и будут отражать те типы определений, которые существуют в данном языке.

Структурно-семантические типы обстоятельств

Несмотря на все разнообразие в обозначении различных качественных характеристик действия, состояния или признака, обстоятельства в типологическом отношении группируются в два основных типа в зависимости от своей структуры: тип однокомпонентный и тип двухкомпонентный.

1. Тип однокомпонентных обстоятельств представляет собой неизменяемые слова, наречия, деепричастия, иногда оторвавшиеся формы именной парадигмы, например: *утром, вечером, зимой, часами* и т. д., состоящие либо из одного слова, либо из сочетания с предлогом; ср.: *в надежде, без отдыха, по очереди, молча, шутя* и т. д.

2. Тип двухкомпонентных обстоятельств включает и в том и в другом языке два знаменательных слова, которые, однако, слились в одну семантическую единицу, сохраняя лишь свою прежнюю структуру; ср.: *целыми днями, куда глаза глядят, на другой день* и т. д. В английском языке этот тип обстоятельств также представлен; ср.: *every day, early in spring, an hour later, knee deep* и т. д.

Типология предложения

В истории типологических исследований типология предложения занимает после изучения морфологических типов едва ли не самое главное место.

Исследование типологии предложения связано прежде всего с именем акад. И. И. Мещанинова, первого ученого, обратившего внимание на этот раздел языка и привлечшего к исследованию богатейший материал разнообразных по своей типологии языков нашей страны.

Именно пристальное внимание к структуре предложения, к средствам, используемым каждым языком для выражения субъектно-объектных и предикативных отношений, дали И. И. Мещанинову возможность создать новую типологическую классификацию языков на основе учета их синтаксического строя и в первую очередь типологии существующих у них предложений.

Следует, однако, отметить, что предложенная И. И. Мещаниновым синтаксическая типология языков — языки пассивного строя, языки эргативного строя и языки номинативного строя — называет лишь самые общие, принципиальные разделы типологической классификации языков. Согласно этой классификации, многие типологически своеобразные группы языков, как, например, изолирующие, агглютинативные и флективные, должны быть по основным своим показателям отнесены к языкам номинативного строя. Но более подробных типологических критериев, которые характеризовали бы названные группы языков с позиций типологии предложения, он не дал.

Характеристику типологии предложения мы находим у В. Скалички, который отмечает, что для агглютинативного типа характерен твердо установленный порядок слов подлежащее — дополнение — глагол, для флективного типа — свободный порядок слов при синтаксическом порядке подлежащее — сказуемое — дополнение, для языков изолирующего типа — твердый порядок слов при синтаксическом словопорядке подлежащее — сказуемое — дополнение¹.

И хотя В. Скаличка несколько детализировал типологические различия в отношении строя предложения в языках, относящихся, по И. И. Мещанинову, к номинативному строю, тем не менее мы видим, что, например, языки флективного типа в отношении порядка слов ничем не отличаются от языков изолирующего типа, кроме одного признака: в языках изолирующего типа твердый порядок слов, а в языках флективного типа порядок слов свободный.

Между тем утверждение о том, что в языках флективного типа порядок слов свободный, нуждается в критическом пересмотре, так

¹ См.: Скаличка В. К вопросу о типологии // ВЯ. — 1966. — № 4. — С. 29.

как в ряде флективных языков такого положения не наблюдается. Так, в современном персидском и армянском языках порядок слов твердый, приближающийся к языкам агглютинативным, так как у них синтаксический порядок подлежащее — дополнение — сказуемое. В то же время хорошо известно, что в языках аналитического типа, лишенных системы склонения, твердый словопорядок принял на себя выражение синтаксических отношений, как бы возмещая своей функцией отсутствие системы падежей с характерным для них морфологическим оформлением.

Дж. Гринберг сделал попытку разработать типологию предложения, или, как он ее назвал, «типологию основного порядка»¹.

Наблюдения над структурой предложения большого числа самых разнообразных языков дали ему основание положить в основу своей классификации предложения следующие критерии: 1) наличие предлогов или послелогов; 2) относительный порядок подлежащего S, сказуемого P и дополнения O в повествовательных предложениях с именными подлежащим и дополнением; 3) позиция определяющих прилагательных.

В качестве дополнительного критерия, который Дж. Гринберг не включает в число трех основных по соображениям его предполагаемого сходства с третьим критерием, он учитывает так называемый генитивный порядок, то есть положение существительного в родительном падеже по отношению к управляющему существительному.

Он обратил внимание на тот факт, что в ряде языков существует такая структура предложения, при которой определяющие, или ограничивающие, члены предложения располагаются перед определяемыми. Так, например, в турецком, как, впрочем, и в других тюркских языках, прилагательные предшествуют существительным, которые они определяют, объект глагола занимает место перед переходным глаголом, зависимый генитив предшествует управляющему существительному.

В противоположность этому типу предложений, существуют предложения со структурой, в которой определяющие, или ограничивающие, члены предложения располагаются после определяемых ими членов. Примером такого языка может служить тайский, а также большинство языков малайско-полинезийской семьи.

Дж. Гринберг привлек к исследованию 30 языков различной типологии, в которых структура предложения оказалась построенной по одному из трех типов: S + P + O, S + O + P и P + S + O. Остальные

---

¹ См.: Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. — М., 1970. — вып. V. С. 114–162.

же, как он отмечает, логически возможные типы структуры предложения либо не встречаются вовсе, либо обнаружены в крайне ограниченном числе языков; это $P + O + S$, $O + S + P$ и $O + P + S$.

В результате учета всех перечисленных критериев Дж. Гринберг получил типологические группы языков, основанные на типологии предложения, которые можно представить в виде следующей таблицы.

Послелогои — предлоги	Порядок основных членов		
	PSO	SPO	SOP
$Po^1 - A$		финский эстонский китайский	хинди бенгали новоармянский финно-угорский (кроме финской группы) алтайский китайско-тибетские навахо
$Po - N$		языки вольта гуарани мандинго	шумерский юго-восточные австралийские баскский нубийский классический тибетский
$Pr - A$	нахуатл	английский немецкий голландский исландский русский и другие славянские майя	амхарский
$Pr - N$	кельтские еврейский арабский полинезийские	французский испанский и другие романские суахили и все банту албанский новогреческий йоруба вьетнамский	персидский аккадский кхашти иракв (кушитский)

¹ Po — послелог, Pr — предлог, A — прилагательное, N — существительное

Как показывает эта таблица, русский и английский языки по структуре своих предложений относятся к одной и той же группе с основным порядком S + P + O и наличием предлогов. Из этой таблицы можно сделать ошибочный вывод о том, что типология предложений в этих двух языках идентична. Между тем фактический материал этих языков достаточно убедительно свидетельствует об обратном. Это заставляет нас признать, что критерии, определяющие типологию предложения, недостаточны для того, чтобы выявить тонкие различия, существующие в ней.

В связи с этим возникает необходимость в разработке дополнительных критериев, которые могли бы более точно выявить основные типологические признаки предложения.

Критерии определения типов предложения

При определении критериев выделения типов предложения мы будем руководствоваться тем же основным принципом, который мы использовали при установлении критериев выделения типов словосочетания. Мы должны исходить из тех признаков и свойств, которые присущи предложению как особой синтаксической единице, представляющей собой неотъемлемый компонент структуры языка вообще и потому существующей в любом языке.

Но, в отличие от словосочетания, всякое повествовательное предложение выражает суждение и имеет определенную, установившуюся в данном языке структуру, которая складывается из нескольких составляющих ее элементов. *Это, прежде всего, члены предложения — материально оформленные величины, имеющие определенное содержание, и отношения между членами предложения, получающие свое материальное выражение в порядке расположения членов предложения, а также с помощью падежных морфем или служебных слов.*

Особенности структуры предложения, перечисленные выше, дают основания для выдвижения ряда критериев, позволяющих составить мнение о типологии предложения. Среди членов предложения можно выделить два, которых классическая грамматика относит к числу главных членов предложения: подлежащее и сказуемое. Сказуемое как член предложения обязательно для любого предложения, составляет его основу, ибо без сказуемого нет предикации, то есть отсутствует выражение отношения сообщения к действительности.

Подлежащее как член предложения также обязательно для подавляющей части предложений, так как оно обозначает тот предмет речи, который составляет основу суждения и, следовательно, коммуникации. Предложения, в которых имеется и подлежащее и сказуемое, называются двусоставными предложениями.

Кроме двусоставных, в различных языках можно встретить такие предложения, в которых имеется только один главный член предложения, чаще всего только сказуемое, как, например, *морозит, темнеет*; реже только подлежащее, как, например, *утро, звонок по телефону*. Эти предложения называются односоставными. Как по своей структуре, так и по передаваемой ими информации они отличаются от двусоставных предложений. Эта особенность предложений, то есть *двусоставность* или *односоставность*, может быть учтена в качестве критерия, определяющего типологию предложения.

Расположение членов предложения играет основную роль в структуре предложения. Особенно важным является положение сказуемого по отношению к подлежащему, что иногда коренным образом меняет содержание передаваемой информации. Так, прилагательное, находящееся перед существительным, образует словосочетание атрибутивного типа, например, *богатый урожай, новая техника* и т. д. Прилагательное же, находящееся после существительного, образует вместе с ним предложение, передающее определенное суждение; ср.: *урожай богатый* (констатируется факт, что урожай богатый), *техника новая* (утверждается факт, что техника новая).

Как показывает материал, собранный Дж. Гринбергом¹, положение сказуемого по отношению к подлежащему в повествовательном предложении может быть весьма различным. В большей части индоевропейских языков сказуемое следует за подлежащим, что можно выразить в виде формулы S + P + ...; ср.: англ. *the boy is sleeping...*; нем. *der Bube schläft*; франц. *le garçon dort*; рус. *мальчик спит...*

Существуют языки, такие, как тюркские, японский, а из числа индоевропейских таджикский, персидский, армянский, в которых сказуемое находится в самом конце предложения, как бы замыкая его. При этом положение сказуемого на последнем месте является обязательным и нарушение этого порядка расположения рассматривается как серьезная ошибка; ср.: япон. *ватакуси ва гаккō э юкимас* (где *юкимас* — *иду, хожу*) — букв. *Я школа в ходитъ*; тур. *ben okula gidiyorum* (где *gidiyorum* — *иду*) — *иду в школу, букв. я школа в иду / хожу*.

Существуют также языки, как, например, арабский, а из индоевропейских кельтские — ирландский и уэльский, а также русский, в которых сказуемое повествовательного предложения предшествует подлежащему, и поэтому структура предложения имеет такой вид: P + S + ...

¹ См.: Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. М., 1970. — Вып. V. — С. 117 и след.

Все это дает достаточные основания *рассматривать положение сказуемого в предложении как один из типологических критериев определения предложения.*

Подлежащее и сказуемое двусоставного предложения объединены друг с другом предикативной связью, которая в разных языках имеет различное выражение. Так, в русском и немецком языках предикативная связь получает свое материальное выражение по линии согласования подлежащего и сказуемого в категории лица, например: *я читаю — ты читаешь — он читает* и т. д., также по линии категории числа, например: *я читаю — мы читаем, ich schreibe — wir schreiben, ich schreibe — du schreibst — er schreibt* и т. д. В морфемах глагола отражена также категория времени, например: *я читаю — я читал; ich schreibe — ich schrieb.*

Согласование по категории рода, наблюдаемое в русском прошедшем времени — *я читал (мужчина), я читала (женщина)*, не может служить типологическим признаком; оно носит частный характер, так как не проходит через всю подсистему русского глагола, а затрагивает лишь формы одного времени, и то только в единственном числе.

В других языках, как, например, в датском, норвежском и шведском, согласование как форма выражения предикативной связи отсутствует; ср.: швед. *jag (du, han, vi, ni, de) talar* = норв. *jeg (du, han, vi, dere, de) snakker* = рус. *я (ты, он, мы, вы, они) говор-ю (-ишь, -ит, -им, -ите, -ят).*

Поэтому нам представляется правильным выдвинуть еще один критерий для определения типологии предложения — *критерий согласования / несогласования сказуемого и подлежащего.*

Не менее важным для определения типологии предложения следует признать взаиморасположение определяющих, или ограничивающих, членов предложения по отношению к определяемым членам предложения, на что в свое время обратил внимание Дж. Гринберг¹. Анализ взаиморасположения указанных членов предложения показал, что одни языки предпочитают расположение: определяющее слово — определяемое. При этом создается положение, при котором прилагательное предшествует существительному, наречие — глаголу или прилагательному, причастие — существительному, определяющее существительное — определяемому и т. д. Примером такой структуры могут служить английский, немецкий, а также тюркские языки и японский язык.

В других языках, наоборот, определяющее слово следует за определяемым, как, например, в индонезийском и большей части малайско-полинезийских языков.

¹ См.: Гринберг Дж. Цитируемое сочинение. С. 118–119.

Каждый из типов расположения может охватывать все случаи соответствующего расположения членов предложения, иначе говоря, порядок расположения определяющего и определяемого проходит через весь синтаксический строй языка, составляя его типологическую характеристику.

Предложения, для которых характерен порядок членов предложения: определение — определяемое могут быть названы *препозитивными предложениями* или *предложениями с препозицией*. Предложения, для которых характерен обратный порядок, то есть определяемое — определение, получают название *постпозитивных предложений* или *предложений с постпозицией*.

Таким образом, размещение определяющего и определяемого членов предложения должно быть учтено как типологический критерий для характеристики типа предложения.

Данные структуры предложения различных языков дают основания для выдвижения еще одного критерия, который может быть использован для типологической характеристики языков. Этот критерий — *фиксированность / нефиксированность* членов предложения. Этот критерий особенно важен для характеристики порядка слов в предложениях в тех языках, где в силу ограниченности морфологических средств выражения субъектно-объектных отношений порядок слов служит средством грамматического выражения этих отношений, как, например, в языках изолирующих или в языках аналитического строя; ср. структуру предложений в языках китайском, английском и др.

Подводя итог вышесказанному, мы можем еще раз вкратце перечислить выдвинутые критерии, которые могут служить для определения типов повествовательных предложений:

- 1) *составность предложения — односоставные, двусоставные предложения;*
- 2) *место сказуемого в предложении — в абсолютном начале, в середине, в абсолютном конце предложения;*
- 3) *согласование — несогласование сказуемого с подлежащим;*
- 4) *препозиция или постпозиция определения по отношению к определяемому;*
- 5) *фиксированный или нефиксированный порядок слов.*

Сочетание этих критериев, взятых в системе, образует ту устойчивую совокупность признаков, которая может быть положена в основу определения понятия «тип предложения как единица сопоставления». Под этим термином имеется в виду обобщенное представление об особенностях структуры соответствующих предложений, причем все общие признаки отдельного предложения находят свое выражение в типе предложения. Это дает возможность сформулировать понятие «тип предложения» как *некоторой структурно-семантической*

модели, выражающей законченное суждение, характеризуемой определенной структурой и порядком расположения составляющих ее компонентов.

Типы двусоставных предложений

Обязательными компонентами двусоставных предложений являются подлежащее и сказуемое. Эти типы предложений наиболее распространены как в английском, так и в русском языке. Сказуемое двусоставных предложений может быть выражено глаголом в личной форме, что представляет собой наиболее типичную форму сказуемого этих типов предложений, или глаголом-связкой и предикативной частью; последняя может состоять из компонента, относящегося к одной из знаменательных частей речи, — существительного, прилагательного, местоимения, числительного и наречия.

В зависимости от формы выражения сказуемого, двусоставные предложения делятся на два типа: тип глагольных предложений и тип именных предложений.

Тип глагольных предложений

Этот тип в обоих языках характеризуется положением сказуемого в середине утвердительного предложения после подлежащего; ср.: I told my plan to the captain — *Я рассказал свой план капитану*. Однако различие между английским и русским типами глагольных предложений заключается в том, что для английского двусоставного предложения типологическим признаком служит фиксированный порядок членов предложения, в то время как в русском языке порядок членов предложения нефиксированный, но с преобладанием порядка слов, приведенного выше. Поэтому русский язык допускает ряд позиционных вариантов, например: *я рассказал капитану свой план = свой план я рассказал капитану = капитану рассказал я свой план*. Эти варианты допустимы в нейтральном стиле речи.

Согласно критерию наличие / отсутствие согласования, русский язык относится к языкам с отчетливо выраженным согласованием по линии категории лица (ср.: *я работаю — ты работаешь — он работает — они работают*) и по линии числа (ср.: *я работаю — мы работаем* и т. д.).

Согласование по категории грамматического рода, которое имеется в единственном числе прошедшего времени (ср.: *Вася работал — Маша работала*), представляет собой явление частного порядка, не проходит через всю микросистему глагола и поэтому как типологический признак не учитывается.

Иная картина наблюдается в английском языке. Согласование по линии категории лица касается только 3-го лица единственного числа настоящего времени разряда Indefinite: I (you, we, they) work — he (she, it) works; 1-го и 3-го лица единственного числа настоящего времени

разряда Continuous: I am working — he (she, it) is working; 3-го лица единственного числа настоящего времени разряда Perfect: I (we, you, they) have worked — he (she, it) has worked.

Согласование по линии числа имеет место только в прошедшем времени разряда Continuous: I (he, she, it) — was working — we (you, they) were working.

Существующее в книжно-письменном стиле речи согласование по линии категории лица в форме будущего времени — I (we) shall work — you (he, she, it, they) will work — в разговорном стиле речи стирается, поскольку оба вспомогательных глагола представлены в утвердительной форме морфемой -'ll; ср.: I (you, he, she, it, we, they)'ll work.

Английский язык дает еще одно доказательство того, что формально-грамматическое согласование уступает место согласованию в плане семантики. Как известно, в современном языке можно обнаружить ряд существительных, которые не имеют грамматического показателя множественного числа, но требуют формы множественного числа сказуемого: people, cattle, family и т. д.; ср.: the cattle are grazing on the meadow, в то время как в русском языке слово *скот*, не имеющее формы множественного числа, но обозначающее коллективное понятие, согласуется со сказуемым предложения — оба имеют форму единственного числа: *скот пасется на лугу*; the family are having dinner right now — *семья сейчас обедает* (букв. *семья сейчас обедают*).

В русском языке распространены определения, занимающие место как в препозиции, так и в постпозиции. Причем это связано с принадлежностью определения к конкретной части речи. Так, определения, выраженные прилагательными, числительными, местоимениями (притяжательными, указательными, неопределенными), причастиями, обычно находятся в препозиции по отношению к определяемому; ср.: *раннее утро, последний звонок, наш лидер, эта программа, летящий самолет* и т. д. В постпозиции же находятся определения, выраженные существительным в одном из косвенных падежей; ср.: *дом крестьянина, письмо матери, вспышка трактором* и т. д.

Выдвинутые нами критерии дали возможность установить следующие подтипы двусоставных глагольных предложений:

1. Подтип без согласования и с препозицией со структурой $A^a + S + P^v + A^a + O$. Этот подтип представлен в английском языке; ср.: the young painters earned only a few shillings occasionally.

2. Подтип без согласования с постпозицией со структурой $S + A^n + P^v + O + A^n$. Этот подтип представлен в английском языке; ср.: the nerves of the stranger were steadied by a glass of cheap sherry.

3. Подтип с согласованием и с препозицией со структурой $[(A^a + S) + P^v] + (A^a + O)$. Этот подтип представлен в русском языке; ср: *Старенький мелкорослый паровозик, напрягаясь из последних сил, тянул многовагонный состав* (М. А. Шолохов. *Тихий Дон*).

Среди двусоставных глагольных предложений следует выделить те подтипы предложений, у которых сказуемое занимает первое место, а подлежащее находится в конце предложения.

1. Подтип с согласованием со структурой $P^v + S + \dots$; ср.: *Пришел доктор и велел перевернуть раненого...* (Л. Н. Толстой. *Хаджи-Мурат*). *От высокой насыпи до самого горизонта тянулся лес. Над ним, закрывая половину неба, стояла глухая туча* (К. Г. Паустовский. *Старый челн*). *И в это время до слуха Олега и Стаховича донеслась оживленная немецкая речь, приближавшаяся спереди, правее по дороге* (А. Фадеев. *Молодая гвардия*).

2. Подтип с согласованием со структурой $P^v + O_{acc}^{n(p)} + S$, в котором сказуемое выражено переходным глаголом с прямым дополнением в постпозиции; ср.: *Кончался август. В лугах облепляла лицо паутина, но летали те же бабочки, что и весной; крапивницы и лимонницы* (К. Г. Паустовский. *Повесть о лесах. Старые серьги*). *Звучно долбил кору дятел* (Б. Полевой. *Повесть о настоящем человеке*).

По своему типу эти предложения значительно отличаются от соответствующих по смыслу английских, которые принадлежат к типам со структурой $S + P^v$ и $S + P^v + O_o^n$. В этом различии структуры предложений в обоих языках кроется одна из причин тех устойчивых ошибок в построении английских предложений, которые хорошо известны всем преподающим английский язык. Преодоление этих ошибок в речи студентов составляет одну из проблем методики преподавания английского языка в русской школьной и взрослой аудитории.

Предложения со структурой $P^a + S$, то есть предложения, в которых сказуемое представлено прилагательным в краткой форме без глагола-связки; ср.: *Чуден Днепр при тихой погоде...* (Н. В. Гоголь. *Страшная месть*).

Тиха украинская ночь.

Прозрачно небо. Звезды блещут.

(А. С. Пушкин. *Полтава*)

Бездонно было небо, простиравшееся над каменной женщиной, стоящей на угловой башне крайнего дома (Б. Полевой. *Повесть о настоящем человеке*). Соответствующие по смыслу английские предложения имеют структуру $S + P^v + X$.

Тип именных предложений

В отличие от глагольных предложений, в которых сказуемое может быть выражено неограниченным числом глаголов, сказуемое предложений именного типа может быть выражено довольно ограниченным числом глаголов, так называемых глаголов-связок. Из них наибольшее значение в формировании предложений и по своей распространенности в речи получил глагол *to be* — *быть* как имеющий очень обобщенное значение.

Сказуемое именных предложений состоит из двух частей — глагола-связки, в котором, как отмечает Л. С. Бархударов¹, выражены грамматические показатели — наклонение, время, лицо и число, и именной (предикативной) части, в которой заключено лексическое содержание. Последняя может быть выражена любой знаменательной частью речи или же словосочетанием.

Так как сказуемое именных предложений состоит из двух компонентов — глагола-связки и именной части, то критерий согласование / несогласование может касаться обоих компонентов или же может получить выражение только в одном из них, практически в глаголе-связке. Это дает нам основание для выделения двух подтипов: подтипа с согласованием в обоих компонентах сказуемого, подтипа с согласованием в одном компоненте сказуемого.

К первому подтипу относятся предложения со следующими структурами:

1) Предложения с именной частью — существительным со структурой $S + P + X_{\text{O}}^{\text{n}}$, выражающие устойчивый признак подлежащего; ср.: *С. Я. Лемешев был выдающийся певец. Н. А. Обухова была выдающаяся певица. Mr Gray is a famous singer. Mrs Green is a famous singer.* Русские предложения этой структуры отличаются от английских согласованием в двух категориях — роде и числе, тогда как английские предложения этой структуры имеют согласование только в категории числа; ср. *С. Я. Лемешев и Н. А. Обухова были выдающиеся певцы. Mr Gray and Mrs Green were famous singers.*

2) Предложения с именной частью — прилагательным со структурой $S + P + X^{\text{a}}$, выражающие постоянное качество подлежащего; ср.: *Погода несносная, дорога скверная, ящик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель* (А. С. Пушкин. *Станционный смотритель*). *Земля была нарядная, похожая на застенчивую невесту...* (К. Г. Паустовский. *Снег*).

3) Предложения с именной частью — существительным в творительном падеже со значением рода деятельности, занятий, профессии;

¹ См.: Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. — М., 1966. — С. 149.

они имеют структуру $S + P + X_{abl}^n$, причем глагол-связка в большинстве случаев имеет форму прошедшего или будущего времени; ср.:

— *Это верно, что вы были простым рабочим?*

— *Да, кочегаром...* (Н. А. Островский. *Мой день*).

Пепе будет нашим поэтом (А. М. Горький. *Сказки об Италии. Пепе*).

Соответствующие по смыслу английские предложения имеют структуру $S + P + X_o^n$.

4) Предложения с именной частью — прилагательным в творительном падеже со значением временного или случайного признака подлежащего со структурой $S + P + X_{abl}^a$; ср.: *И лицо жены стало казаться тоже противным, ненавистным* (А. П. Чехов. *Выигранный билет*).

Ко второму подтипу относятся предложения с согласованием в числе только глагола-связки с подлежащим:

1) Предложения с именной частью — прилагательным со структурой $(S + P) + X^a$. Эти предложения типичны только для английского языка; ср.: *John is naughty. These chaps are naughty.*

2) Предложения с именной частью — притяжательным местоимением со структурой $(S + P) + X^P$. Эти предложения типичны только для английского языка; ср.: *This bag is mine. These bags are mine.*

3) Предложения с именной частью — прилагательным. В качестве подлежащего используется местоимение *it* как постоянная величина. Эти предложения имеют структуру $(it + P) + X^a$ и выражают состояние погоды, ср.: *it is (was) cold (warm, hot)*; состояние окружающей обстановки, ср.: *it is (was) dark (noisy)*; оценку состояния, ср.: *it is (was) difficult (easy, important)*. Предложениям этой структуры соответствуют русские односоставные предложения, относящиеся к другому типу (см. с. 182–184).

4) Предложения с именной частью — количественным числительным. Структура этих предложений, чаще всего называющих возраст человека, — $(S + P) + X^{nu}$; ср.: *the girl is twenty two*. Этим предложениям соответствуют русские именные предложения с структурой $S_{dat} + X^{nu} + \text{лет (года)}$; ср.: *нашему бригадиру тридцать пять лет*.

5) Предложения с именной частью — наречием со структурой $(S + P) + D$. Особое значение в речи имеют предложения этой структуры, в которых именная часть выражена такими наречиями, как *away, in, out, down, up* и т. д.; ср.: *the lessons are over — занятия кончились, our time is up — наше время вышло, the sun is down — солнце зашло (закатилось), the moon is out — луна взошла, the train is in — поезд прибыл (пришел)* и т. д. Всем предложениям этой структуры соответствуют русские двусоставные предложения со сказуемым, выраженным глаголом, как правило, в форме прошедшего времени.

Типы односоставных предложений

Односоставные предложения занимают различное место в типологии предложения в английском и русском языках. В русском языке легко обнаружить известное разнообразие типов односоставных предложений и вариативность их семантики. В английском же языке число типов односоставных предложений невелико. Это можно объяснить аналитическим строем предложения, сложившимся в новый период развития английского языка, с присущим ему твердым порядком слов и обязательным наличием подлежащего, хотя бы и формального. Так, например, в одних случаях большому классу русских односоставных предложений, таких, как *темнеет, морозит, трудно, важно, мне весело* и т. д., в английском языке соответствуют двусоставные предложения; ср.: *it is getting dark, it freezes, it is difficult, it is important* с выраженным формальным подлежащим *it*.

В других случаях русским односоставным предложениям с переходным глаголом действительного залога соответствуют английские двусоставные предложения со сказуемым в пассивной форме; ср.: *его звали Иваном — he was called John*. Такое же соответствие наблюдается и в том случае, когда в русском предложении имеется косвенный объект, выражающий адресат действия; ср.: *ему послали телеграмму — he was sent a telegram*. В зависимости от структуры главного члена предложения, односоставные предложения в русском языке подразделяются на два типа: глагольный тип и именной тип.

1. Глагольный тип подразделяется, в свою очередь, на несколько подтипов в зависимости от той формы, которую имеет глагольное сказуемое. Из них мы назовем лишь некоторые.

1) Предложения со структурой P^V , то есть состоящие из глагольного сказуемого, которые могут быть расширены дополнением или обстоятельством. Сюда относятся:

а) предложения со сказуемым в форме 2-го лица единственного числа, то есть со структурой $P_{\text{sing.2}}^V$; ср.: *тише едешь — дальше будешь* или *поспешишь — людей насмешишь*. Предложения этой структуры имеют обобщенно-личное значение;

б) предложения со сказуемым в форме 3-го лица единственного числа; то есть со структурой $P_{\text{sing.3}}^V$

*Смеркалось; на столе блистая
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая.*

(А. С. Пушкин. *Евгений Онегин*)

*Вечерело. Дрожь в конях.
Стужа злее на ночь...*

(Н. А. Некрасов. *Генерал Топтыгин*)

Эти предложения обычно выражают состояние погоды или окружающей среды.

Соответствующие им английские предложения относятся к типу двусоставных предложений с подлежащим *it*: *It was getting dark, when Bob reached the town*;

в) предложения со сказуемым в форме 3-го лица множественного числа, то есть со структурой $P_{pl.3}^V$; ср.: *Сюда относили раненых и тут укладывали их на подушках из хвои. Алексею предложили подать рапорт общим порядком* (Б. Полевой. *Повесть о настоящем человеке*).

Предложения этой структуры имеют неопределенно-личное значение и обычно обозначают действие, совершаемое лицами, которые остаются неизвестными собеседнику или читателю.

Соответствующие английские предложения относятся к типу двусоставных предложений, в которых сказуемое переходного глагола стоит в пассивной форме; ср.: *All the public buildings were organized so as to be turned into forts at a moment's notice. Windows were barricaded, and strong defenses set up before all the doors.* (J. Lindsay. *Men of Forty-eight*)

2) Предложения со структурой $O_{dat}^{n(p)} + P^V$, то есть состоящие из глагольного сказуемого с предшествующим дополнением в форме дательного падежа имени существительного или личного местоимения. Предложения этой структуры передают действие или состояние, которое испытывает лицо, выраженное дополнением; ср.: *Еще в поезде лейтенант Потапов высчитал, что у отца ему придется пробыть не больше суток* (К. Г. Паустовский. *Снег*).

В качестве варианта, имеющего стилистическое значение, встречаются предложения со структурой $P^V + O_{dat}^{n(p)}$.

Соответствующие английские предложения являются двусоставными и принадлежат к различным типам, которые мы рассматривали выше (см. с. 177 и след.).

3) Предложения со структурой $O_{acc}^{n(p)} + P^V$, то есть состоящие из глагольного сказуемого с предшествующим прямым дополнением в форме винительного падежа существительного или личного местоимения. Предложения этой структуры выражают действие, направленное на лицо или предмет, являющиеся прямым дополнением; ср.: *Петрова тут же наскоро перевязали, положили на носилки и стали уже поднимать в машину* (Б. Полевой. *Повесть о настоящем человеке*).

Соответствующие им по смыслу английские предложения относятся к двусоставным, в которых сказуемое чаще всего принимает форму пассива; ср.: *A committee was appointed to fold and arrange the vast rolls of signatures to the Petition* (J. Lindsay. *Men of Forty-eight*).

4) Предложения со структурой $P^v + O_{abl}^n$, то есть состоящие из глагольного сказуемого с последующим дополнением — существительным в форме творительного падежа. Предложения этой структуры выражают действие, имеющее своим источником предмет, являющийся дополнением в творительном падеже; ср.: *К полудню, когда лесной полумрак заискрился тонкими нитями... и в лесу запахло смолой и талым снегом, он совершил всего четыре таких перехода* (Б. Полевой. *Повесть о настоящем человеке*).

В английском языке предложениям с этой структурой соответствуют предложения со структурой $there + P^v + X$; ср.: *... / there was a scent of newmown grass* (J. Galsworthy. *The Forsyte Saga, I, Interlude*).

5) Предложения со структурой $P^v + D$, то есть состоящие из глагольного сказуемого, выраженного формами вспомогательных глаголов, и предикативного наречия; ср.: *Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье темном, и пахло гнилью*. (А. М. Горький. *Песня о Соколе*)

Соответствующие английские предложения, как правило, — двусоставные, относящиеся к именному типу с подлежащим *it*; ср.: *How hot it was up here! — how noisy*. (J. Galsworthy. *Indian Summer of a Forsyte*)

6) Предложения со структурой $O_{dat}^{n(p)} + P^v + D$, то есть состоящие из глагольного сказуемого, предикативного наречия и дополнения в форме дательного падежа существительного или личного местоимения. Предложения этой структуры выражают состояние человека (физическое или моральное); ср.: *Ему было приятно, что девушка эта еле сдержалась, кусая губы, когда он рассказал о том, какая беда постигла Гвоздева в начале войны* (Б. Полевой. *Повесть о настоящем человеке*). ... *Мне холодно... Я зябну...* (И. С. Тургенев. *Как хороши, как свежи были розы*).

7) Предложения со структурой $O_{gen}^{n(p)} + P^v + X^{nu}$, то есть состоящие из сказуемого, выраженного вспомогательным глаголом, и именной части, выраженной числительным; ср.: *Нас было четверо...*

8) Предложения со структурой $P_{inf}^v + O_{dat}^n$, то есть состоящие из глагольного сказуемого в неопределенной форме (инфинитива) и дополнения в форме дательного падежа существительного. Предложения этой структуры передают значение неизбежности, обязательности; ср:

А завтра быть грозе большой.

Сказал, крестясь, старик седой...

(М. Ю. Лермонтов. *Боярин Орша*)

2. Именной тип представлен одним типом предложений, в которых главный член предложения выражен именем существительным

в именительном падеже. Предложения этой структуры могут иметь только форму настоящего времени; ср.:

*Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный...*

(А. С. Пушкин. *Зимнее утро*)

*Тишь. Безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.*

(И. С. Никитин. *Утро*)

Как правило, этому типу предложений в английском языке соответствуют двусоставные предложения с формальным подлежащим *it*. Однако в последнее время в письменном стиле все чаще и чаще появляются предложения, имеющие такую же структуру, что и приведенные выше русские предложения, сигнализирующие о возможном начале перестройки синтаксической структуры английского языка.

Глава 7

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Слово как основная типологическая единица словарного состава языка

Слово — эта основная двусторонняя цельноформленная и самостоятельно существующая единица языка — уже с давних пор привлекало к себе внимание лингвистов. В отличие от единиц других уровней, слово может включать в свой состав различные морфемы — корневые и аффиксальные. Аффиксальные морфемы, в свою очередь, делятся на словоизменятельные и словообразовательные. Словообразовательные морфемы могут быть различными как по своему содержанию, так и по своей форме, а также и по положению в слове — префиксы и суффиксы. Способы присоединения морфем в слове могут быть также различными. Это способ агглютинации, когда аффиксальные морфемы присоединяются к корню или основе механически, без изменения их фонемного состава, и способ фузии, когда присоединение аффиксальных морфем сопровождается изменением их фонемного состава.

Способность слова в ряде языков присоединять к себе словоизменятельные и словообразовательные морфемы послужила предметом наблюдений и выводов о типах языков. Так, в индоевропейских языках слово способно присоединять словоизменятельные многозначные морфемы, содержащие семы числа, рода и падежа. В русском языке, например, морфема *-а* совмещает в себе семы именительного падежа, единственного числа, женского рода, например: *голов-а*, *улиц-а* и т. д., а также семы родительного падежа, единственного числа, мужского или среднего рода, например: *гóрод-а*, *дéрев-а* и т. д. Морфема *-ем* включает, кроме семы «действие» и семы настоящего времени, семы первого лица, множественного числа. Такого рода многосемные аффиксальные морфемы носят название флексий или флективных морфем. Языки, в которых слова изменяются с помощью флексий, были отнесены к числу флективных языков, или языков флективного строя.

Кроме рассмотренных выше типов структуры слов, существуют также и такие типы слов, которые допускают присоединение несколь-

ких словоизменительных морфем в линейном порядке. Эта способность объясняется тем, что каждая такая морфема выражает лишь одно грамматическое значение — числа, или падежа, или принадлежности. Поэтому если в процессе высказывания требуется выразить несколько грамматических значений, то к основе слова прибавляется соответствующее число морфем, как, например, в тюркских языках; ср.: тур. *köy + ler + imiz + de* — *в наших деревнях* (-*ler* — морфема множественного числа, *imiz-* — морфема притяжательности, *-de* — морфема местного падежа). Как можно видеть из приведенного примера, морфемы в этих языках как бы приклеиваются одна к другой в линейном порядке.

Это свойство слов изменяться указанным выше образом получило название агглютинации, то есть склеивания, а языки, в которых существуют слова с указанной выше способностью, получили название языков агглютинативных или языков агглютинативного строя. Это тюркские языки, монгольские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, японский.

Наконец, существуют и такие языки, в которых слова фактически лишены способности присоединять какие-либо словоизменительные морфемы. Эти слова оказываются, по существу, неизменяемыми, аморфными. Языки, для которых характерны слова названной структуры, получили название аморфных или, по другой терминологии, изолирующих языков.

Рассмотренные выше свойства слова послужили основным критерием создания одной из первых типологических классификаций, как ее называл А. Шлейхер, морфологической классификации языков, основанной не на генетическом родстве, а на общности свойств слова. Эта классификация с некоторыми дополнениями и уточнениями просуществовала в течение XIX в. и была заменена классификацией, в которой, кроме типологических свойств слова, были учтены признаки и свойства, относящиеся к другим уровням языка.

Тем не менее слово как основная единица языка и как единица словарного состава языка продолжает сохранять свое значение в типологической характеристике языка, но не как основной и единственный показатель его типологии, а как один из ее основных компонентов.

Как уже отмечалось выше, слово состоит в чисто структурном плане из корневой морфемы и аффиксальных морфем, которые, в зависимости от своих функций, делятся на морфемы словоизменительные и морфемы словообразовательные. Словоизменительные морфемы, иногда также называемые флективными или реляционными, выражают грамматическое значение, например: *дорóг-а*, *дорóг-ой*, *дорóг-и*. Словообразовательные морфемы, называемые также деривационными, используются для образования производных слов.

Но, как известно, слово представляет собой единство структуры, или формы, и содержания, то есть значения. В процессе развития языка многие корневые морфемы приобретают новые значения, что приводит к образованию достаточно сложной семантической структуры. Словообразовательные морфемы, имеющие свое обобщенное значение, присоединяясь к корневой морфеме, образуют новое семантическое целое, отличающееся от исходного значения. Так, например, русская морфема *-ик*, присоединяясь к корневой морфеме имени, придает новому образованию дополнительное значение уменьшительности. Английская словообразовательная морфема *-ness*, присоединяясь к корневой морфеме прилагательных, образует существительные с общим значением состояния или качества. Таким образом, как корневая, так и производная единица имеют свои собственные значения, и притом, как правило, не одно.

Такая совокупность значений как простой, непрямой, так и производной лексической единицы получила название лексемы.

*Таким образом, слово во всей совокупности своих лексических значений составляет лексему*¹.

Не следует все же отождествлять слово и лексему.

В слове объединяются как лексические, так и грамматические значения. Так, в русском слове *работница*, кроме лексического значения работающего человека женского пола, содержится указание на отношение этого слова к другим словам в предложении. Если мы отбросим морфему единственного числа *-а*, то получим, с одной стороны, морфему *работниц-*, которая имеет то же лексическое содержание, что в самостоятельном слове. С другой — это будет одна из словоформ этого слова, в котором сочетаются как лексическое, так и грамматическое значение, выраженное нулевой формой слова, или нулевой морфемой.

Все вышесказанное заставляет нас отказаться принять определение лексемы как слова в совокупности всех его словоизменительных форм, которое мы находим, например, у А. А. Реформатского², поскольку это понимание лексемы подчеркивает ее грамматическую природу. Понимание лексемы как слова в совокупности его лексических значений представляется нам более соответствующим лексической природе слова как одной из его неотъемлемых сторон. В дальнейшем изложении мы и будем пользоваться тем пониманием термина лексема, которое было изложено выше.

---

¹ См.: Уфимцева А. Д. Слово в лексико-семантической системе языка. — М., 1968. — С. 118.

² См.: Реформатский А. А. Введение в языкознание. — М., — 1967. — С. 250.

Типология слова. Морфологическая структура слова

Описанные выше структурные типы слов сохраняют свою типологию не только тогда, когда мы говорим об их способности присоединять словоизменятельные морфемы. Они оказываются действительными и в том случае, когда речь идет об их словообразовательной способности; ср.: *цвет-о-вод-ств-о* — сложнопроизводное слово, в котором, кроме двух корневых морфем, имеется словопроизводная морфема *-ств-* и морфема падежа, в которой соединены три семы — рода, числа и падежа. Соответствующее ему турецкое слово *çiçekçilik* является производным словом, в котором имеется корневая морфема, равная основе *çiçek*, и две аффиксальные морфемы — *-çi*, обозначающая имя деятеля, и *-lik*, образующая имена со значением «деятельность, занятие».

Таким образом, любое знаменательное слово в различных языках может образовывать два ряда форм: 1) словоизменятельный ряд, состоящий из словоформ, содержащих словоизменятельные морфемы (падежные флексии, личные окончания и т. д.); ср.: рус. *дом* — *дóма* — *дóму* — *дóмá* — *дóмóв* и т. д. или *смотреть* — *смотрю* — *смотришь* — *смотрел*; англ. *town* — *towns*, *take* — *takes* — *took* — *taking* — *taken*, *large* — *larger* — *largest*; 2) словообразовательный ряд, образованный морфемами (префиксами, суффиксами и др.), уточняющими или видоизменяющими основное значение корневой морфемы и образующими новые слова; ср.: *дом* — *домик* — *домишко* — *домище* и т. д.; *own* — *owner* — *ownership*.

Способность слова присоединять к себе как словоизменятельные, так и словообразовательные морфемы, а также способы, с помощью которых это присоединение происходит, составляют один из основных типологических признаков слова, на что в свое время обратил внимание Э. Сепир, разрабатывая свою типологическую классификацию¹.

Итак, в морфологической структуре знаменательного слова можно обнаружить следующие морфемы: корневую морфему R, суффиксальные морфемы, которые по порядку своего размещения в слове будут обозначаться s_1 , s_2 и т. д., префиксальные морфемы, которые также по порядку своего следования могут быть обозначены p_1 , p_2 и т. д.

В языках агглютинативного типа корневая морфема по своему звуковому составу равна основе и отдельному слову. Она принимает аффиксальные морфемы, не подвергаясь никаким изменениям;

¹ См.: Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. — М.; Л., 1934. — С. 94 и след.

ср.: тур. baş = корневая морфема = baş- = основа слова baş — *голова*; baş + la + n + mak = başlanmak — *начинаться*; demir- = корневая морфема = demir- = основа слова demir — *железо*; demir + ci + lik = demircilik — *кузнечное дело*.

В языках флективного типа корневая морфема, как правило, не совпадает с основой, которая отличается от корневой морфемы по своему звуковому составу. Так, в прилагательном *железный* основа слова *железн-* — состоит из корневой морфемы *желез-* и суффиксальной морфемы *-н-*. В некоторых случаях прибавление словопроизводной морфемы вызывает изменение звукового состава корневой морфемы. Так, в прилагательном *речной* основа слова *речн-*, в то время как корневая морфема *рек-*.

В английском языке, как правило, корневая морфема по своему звуковому составу совпадает с основой, поскольку на современном этапе своего развития английский язык характеризуется одноморфемной структурой слова; ср.: friend- — корневая морфема, равная основе, суффикс -ship прибавляется к основе, которую в этом случае можно назвать корнеосновой; friend + -ship = friendship. Соответствующее русское слово *друг* имеет корневую морфему *друг-*, но основу *друж-*, к которой прибавляется суффиксальная морфема *-б* — со значением процесса действия и падежная морфема *-а*, содержащая сему женского рода, это дает производное слово *дружба*.

Английский глагол read — *читать* совпадает по своей звуковой форме как с корневой морфемой read-, так и с основой read-, к которой присоединяются суффиксальные морфемы; ср.: reader — *читатель*, reading — *чтение*, readable — *удобочитаемый*.

В зависимости от своей морфологической структуры, слова в сопоставляемых языках могут быть распределены по следующим типам:

I. Тип R, то есть слово состоит из одной корневой морфемы. Сюда относятся незначительные, служебные слова в обоих языках: предлоги, союзы, большая часть местоимений.

II. Тип S, то есть слово состоит из основы, по своему звуковому виду совпадающей с самостоятельным словом. В английском языке к этому типу относится подавляющее большинство знаменательных слов — существительных, прилагательных, глаголов, числительных.

В противоположность английскому, в русском языке перечисленные выше знаменательные слова — двухморфемные: они состоят из основы и словоизменяющей морфемы; ср.: *улиц-а*, *песн-я*, *яблок-о*, *солнц-е* и т. д. Те знаменательные слова, которые в именительном падеже кажутся одноморфемными, такие как *дом*, *сад*, *город* и т. д., на самом деле тоже двухморфемные, поскольку материальное отсутствие словоизменяющей морфемы имеет значение, указывая на форму определенного падежа — именительного или винительного (в случае неодушевленных существительных) мужского рода един-

ственного числа и родительного множественного числа существительных женского рода и некоторых существительных мужского рода; ср.: *дом* (им. и вин. пад. ед. ч. муж. рода), *сапог* (им. пад. ед. ч. и род. пад. мн. ч. муж. рода), *рек, улиц* (род. пад. мн. ч. жен. рода). Поэтому слова с такой структурой следует рассматривать как двухморфемные, состоящие из простой основы и нулевой морфемы, имеющей грамматическую функцию.

Вторым отличительным признаком русских суффиксальных морфем от английских следует считать наличие во многих из них сем грамматического рода. Такие суффиксальные морфемы, как *-ач, -овец, -ник, -тель, -чик* и другие, даже при отсутствии основы указывают на носителя действия, в то время как морфемы *-овк-а, -ниц-а, -чиц-а* и т. д. свидетельствуют о принадлежности соответствующего лица к женскому полу.

Английские словообразовательные морфемы за малым исключением сем грамматического рода не имеют; ср.: *учитель* — *teacher*, *учительница* — *teacher*; *торговец* — *seller*, *торговка* — *seller* и т. д.

Как отмечалось выше (см. гл. 3, с. 61), для определения того или другого типологического показателя существенное значение имеют числовые данные. Метод количественных показателей, или типологических индексов, разработанный Дж. Гринбергом, дает возможность определить необходимые типологические характеристики отдельных сторон словообразовательной системы сопоставляемых языков¹. Е. С. Кубрякова повторила процедуру, предложенную Дж. Гринбергом, и получила несколько иные индексы для английского языка².

Для характеристики системы словообразования значение имеют следующие индексы:

1) индекс синтетичности, показывающий степень сложности морфологической структуры слова. Он вычисляется по формуле $\frac{M}{W}$, где *M* — количество морфем в анализируемом стословном тексте, а *W* — число слов (или словоупотреблений) в том же тексте. Для английского языка этот индекс равен 1,68, для русского значительно выше — 2,33–2,45, что и подтверждает бóльшую степень сложности морфологической структуры слова в этом языке.

---

¹ См.: *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III. — С. 74 и след.

² См.: *Кубрякова Е. С.* О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования // Структурно-типологическое описание современных германских языков. — М., 1966. — С. 98–99.

2) индекс словообразования, или деривации, показывающий, какая часть слов данного языка имеет словообразовательные аффиксы. Этот индекс вычисляется по формуле $\frac{D}{W}$, где D — число деривационных морфем, а W — число слов в анализируемом тексте. В английском языке этот индекс равен 0,15 (Гринберг) и 0,23 (Кубрякова); в русском языке он равен 0,37;

3) индекс суффиксации вычисляется по формуле $\frac{S}{W}$, где S — число суффиксов в анализируемом тексте, W — число слов. В английском языке этот индекс равен 0,64 (Гринберг) и 0,19 (Кубрякова); в русском языке он равен 1,15–1,21;

4) индекс префиксации вычисляется по формуле $\frac{P}{W}$, где P — число префиксов в тексте, W — число слов. В английском языке он составляет всего лишь 0,04 (Гринберг) и 0,04 (Кубрякова); в русском языке он равен 0,17;

5) индекс словосложения вычисляется по формуле $\frac{R}{W}$, где R — число корней в стословном тексте, а W — число слов. В английском языке он равен 1,00 (Гринберг) и 1,07 (Кубрякова).

Перечисленные типологические индексы, приведенные в таблице, дают возможность сделать некоторые выводы о типологии словообразовательных систем в русском и английском языках.

Индексы	Английский язык	Русский язык
Степень синтетичности	1,68 —	2,33–2,45
Деривация	0,15 0,23	0,37
Суффиксация	0,64 0,19	1,15–1,21
Префиксация	0,04 0,04	0,17
Словосложение	1,00 1,07	

Анализ этих цифр, хотя и недостаточно точных, все же позволяет сделать вывод о том, что: 1) русский язык является значительно более синтетическим, чем английский, то есть ему свойственно большее число производных слов, чем английскому; 2) деривация значительно больше распространена в русском, чем в английском языке; 3) суффиксация имеет значительно больший удельный вес, чем префиксация, в обоих языках; 4) словосложение в английском языке имеет значительно большее распространение, чем словопроизводство.

Типология словообразовательных систем

Словарный состав языка постоянно изменяется. Одни слова выходят из употребления, отмирают; другие слова появляются и пополняют собой словарный состав языка. Отличительной чертой любого

языка является его способность чутко реагировать на малейшие изменения в общественной, культурной и повседневной жизни его носителей. Пополнение словарного состава языка происходит различными путями: за счет образования новых слов от уже существующих, за счет расширения семантической структуры уже существующих слов и образования омонимов, за счет заимствования новых слов из других языков или же из диалекта того же самого языка.

Новые слова в языке создаются по определенным моделям — типам, сложившимся в языке: с помощью продуктивных словообразовательных морфем, аффиксов, с помощью словосложения, когда объединяются в одно целое две или более основ, с помощью безаффиксального образования. Каждый из этих способов имеет свою типологию, которая зависит от общей типологической характеристики языка. Дж. Гринберг, занимавшийся типологией словообразовательных систем, установил универсалию № 27, которая гласит: «Если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогоми; если язык исключительно префиксальный, то это язык с предлогами»¹. Эта универсалия отлично подкрепляется данными турецкого и других тюркских языков, являющихся языками исключительно суффиксальными и имеющими послелогии; ср.: тур. *masanın üstünde* — *на столе* (букв. *стола верх + его + на*) или *ağacın arkasında* — *за деревом* (букв. *дерева спина + его + на*).

Структура слова также тесно связана со словообразованием. Если слова в языке одноморфемны в своей начальной форме, то в таких языках безаффиксальное словообразование является продуктивным. Примером такого языка служит английский, китайский и другие языки, относимые к изолирующему типу.

Если же структура слова двухморфемна, то в таких языках преобладают аффиксальные способы словообразования. Примером такого языка является русский, немецкий, то есть языки, относящиеся к флективному типу, и в известной степени французский.

Таким образом, *типология словообразования тесно связана с общей типологической характеристикой языка и зависит от нее.*

Типология безаффиксального словообразования

Безаффиксальное словообразование — относительно новый способ образования слов. Он возник в конце среднеанглийского периода как следствие отпадения именных и глагольных флексий, но получил самое широкое распространение в новоанглийский период. Это стало

---

¹ Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. — М., 1970. — Вып. V. — С. 137.

возможным потому, что слова, утратив флексии, стали одноморфемными, и, таким образом, глагол по своей начальной форме оказался сходным с однокоренным существительным, существительное с глаголом и прилагательным и т. д.

Основным процессом при безаффиксальном словообразовании служит переосмысление лексем при сохранении той же структурной формы, например переосмысление именных лексем в глагольные или глагольных в именные. Происшедшее при этом переосмысление сопровождается изменениями нового слова по парадигме той части речи, где образовалась новая лексема, и соответственно выполнением тех синтаксических функций, которые свойственны данной части речи.

Наиболее сильным типом безаффиксального словообразования является тип $N \rightarrow V$, то есть образование глагола от омонимичного существительного, например: *word* — *слово* $\rightarrow$ *to word* — *выражать словами*, *dream* — *сон* $\rightarrow$ *to dream* — *видеть во сне*. Как отмечает А. А. Уфимцева, этот тип безаффиксального словообразования является наиболее продуктивным, дающим наибольшее число производных слов¹. Другими достаточно продуктивными типами производных слов следует считать тип $A \rightarrow N$, то есть образование существительного от прилагательного, например: *round* — *круглый* $\rightarrow$ *round* — *круг*; тип $V_t \rightarrow N$, то есть образование имени существительного от переходного глагола, например: *to try* — *пробовать* $\rightarrow$ *a try* — *попытка*, *to drive* — *ехать* $\rightarrow$ *a drive* — *поездка* и т. д. Остальные типы безаффиксального словообразования значительно менее продуктивны, и их удельный вес в общей системе производства новых слов относительно невелик.

Продуктивность типов безаффиксального словообразования подтверждается еще и возникающими у них возможностями образовывать целые цепочки новых слов, формирующих соотносительные ряды лексем, причем, как отмечает А. А. Уфимцева, число членов такой цепочки может колебаться от двух до шести; ср. шестичленную цепочку $A \rightarrow N \rightarrow Ad \rightarrow prep \rightarrow V_t \rightarrow V_i$: *round* — *круглый*, *круг*, *кругом*, *вокруг*, *округлять*, *округляться*².

Критерием продуктивности приведенных выше типов служит также их семантическое многообразие. Так, семантические отношения в типе $N \rightarrow V$ могут быть охарактеризованы так:

- 1) N чувства (поступки) $\rightarrow V$ их совершение.

¹ См.: Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М., 1968. — С. 123.

² См.: Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М., 1968. — С. 122.

2) N вещество → V действие над ним; ср.: water — to water.

3) N собирательные имена → V действия, им свойственные.

4) N конкретные предметы → V действия, совершаемые при их помощи; ср.: hand — to hand.

Из сказанного видно, что безаффиксальное словообразование в английском языке представляет собой очень продуктивный способ образования новых слов и с типологической точки зрения вполне соответствует общей направленности типологии современного английского языка, идущего по линии развития признаков языка изолирующего типа.

В русском языке, в противоположность английскому, безаффиксальное словопроизводство развито мало. Этому прежде всего препятствует двухморфемная структура русских слов, состоящих в случае простых основ из корневой морфемы и словоизменяющей морфемы, а в случае производных основ — из корневой, словообразовательной и словоизменяющей морфем, характерных для конкретной части речи.

Тем не менее и в русском языке можно обнаружить некоторые типы безаффиксального словообразования:

I. Тип V → N, то есть образование имени существительного от глагола; ср.: *ходить* → *ход*, *смотреть* → *смотр* и т. д. По своей семантике новые слова, образованные таким путем, дают название действия, обозначенного глаголом.

II. Тип N → V, то есть образование глагола от имени существительного; ср.: *глаз* → *глазеть*, *зев* → *зевать*. Однако этот тип малопродуктивен и тенденций к дальнейшему росту не обнаруживает.

III. Тип N_{instr} → D, то есть образование наречий от форм творительного падежа имен существительных; ср.: *утром* (твор. пад. от *утро*) → *утром* (наречие), *шагом* (твор. пад. от *шаг*) → *шагом* (наречие), *осенью* (твор. пад. от *осень*) → *осенью* (наречие).

IV. Тип A + (N) → N, то есть образование существительных из атрибутивного словосочетания с последующим эллипсом, то есть опущением существительного и переосмыслением (субстантивацией) прилагательного; ср.: *столовая комната* → *столовая* (*комната*) → *столовая*, *рабочий человек* → *рабочий* (*человек*) → *рабочий*. Этот тип безаффиксального словообразования продуктивен в русском языке.

V. Тип V^{Pt} + (N) → N, то есть образование существительных из атрибутивного словосочетания с причастием прошедшего времени страдательного залога в качестве зависимого компонента с последующим эллипсом. При образовании нового слова двойное *-нн-*, причастия прошедшего времени заменяется на одно *-н-*; ср.: *раненный солдат* → *раненный* (*солдат*) → *раненный*, *мороженное кушанье* → *мороженное* (*кушанье*) → *мороженное*.

Показатели	Язык	
	Английский	Русский
Охват частей речи	8	3
Тип $N \rightarrow V_t$	+	-
Тип $N \rightarrow V_i$	+	(+)
Тип $N \rightarrow A$	+	-
Тип $V_t \rightarrow N$	+	-
Тип $V_i \rightarrow N$	+	+
Тип $A \rightarrow N$	+	-
Тип $A + (N) \rightarrow N$	-	+
Тип $V_{p2} + (N) \rightarrow N$	-	+

Примечание: в таблице даны лишь продуктивные типы безаффиксального словообразования.

Приведенное сопоставление дает возможность сделать некоторые типологические выводы, характеризующие безаффиксальное словообразование в обоих языках.

Типология средств словопроизводства

Производные слова любого языка могут состоять из следующих морфем: корневой морфемы R, несущей в себе основное значение слова, суффиксальной морфемы -s, или суффикса, занимающей позицию после корневой морфемы и префиксальной морфемы p-, располагающейся перед корневой морфемой. Корневая морфема в языках флективных и агглютинативных обладает способностью присоединять к себе как суффиксальные, так и префиксальные морфемы.

Соединение корневой морфемы с словообразовательными морфемами образует лексему.

Для определения типологии производных слов необходимо установить типологические критерии.

Как известно, слова могут состоять как из одной лексемы, так и из двух, трех и более лексем. Отсюда следует первый критерий — число лексем в слове (однолексемные, многолексемные). Лексема может образовываться путем прибавления аффиксальных морфем после корневой морфемы (суффиксов) или перед корневой морфемой (префиксов). Поэтому в качестве второго критерия следует принять позицию аффиксальной морфемы по отношению к корневой морфеме (префиксация или суффиксация) или же соединение морфем обоого типа (суффиксация и префиксация).

Как показывает языковой материал, число аффиксальных морфем может быть различным в разных языках, колеблясь от одной до четырех по отдельным типам языков. Поэтому число аффиксальных

морфем также можно рассматривать как один из критериев типологической характеристики производных слов.

Таким образом, мы выделяем следующие три критерия типологии производных слов:

- 1) число лексем в слове — однолексемные и многолексемные слова;
- 2) позиция аффиксальной морфемы по отношению к корневой — суффиксы, префиксы, инфиксы, конфиксы;
- 3) число аффиксальных морфем, которые способна присоединять корневая морфема.

В связи с перечисленными критериями можно проиллюстрировать типологию аффиксального словопроизводства на следующих примерах: в турецком, как и в других тюркских языках, полностью отсутствуют лексеммы со структурой $p + R$, то есть в этих языках не представлены префиксы. Все словопроизводство проходит в направлении наращивания суффиксов, причем число словообразовательных суффиксальных морфем не может превышать трех; ср.: *orman* — лес, *orman* + *ci* — *лесничий*, *orman* + *lik* — *лесоводство*. Таким образом, типы производных слов в турецком языке имеют следующую структуру: $R + s$ — *orman* + *ci* — *лесничий*, *köy* + *lü* — *крестьянин*, $R + s_1 + s_2$ — *orman* + *ci* + *lik* — *лесоводство*, *köylü* + *lük* — *крестьянство*.

В качестве антитезы языкам тюркского типа можно привести типы производных слов в языках индонезийских, например в мальгашском, на острове Мадагаскар, где преобладает префиксация; ср.: производное слово типа $p_2 + p_1 + R$, например *mpan* + *fi* + *anatra* — *учить*, *обучать*, что дает слово *mpanfianatra* — *учитель*, или производное слово типа $p_3 + p_2 + p_1 + R$, как, например, *maha* + *te* + *ho* + *tia* — *любить* = *mahatehotia* — *интересный*.

В некоторых языках в качестве производных морфем используются так называемые конфиксы, представляющие собой сложные морфемы, состоящие из двух частей, из которых одна часть располагается перед, а вторая — после корневой морфемы, как бы замыкая ее. Так, в индонезийском языке лексема *pulau* — *остров* образует производное слово *kerulauan* — *архипелаг* путем прибавления к основе *pulau*-конфикса *ke... an*; от слова *pustaka* — *книга* образовано производное существительное *perpustakaan* — *литература* путем прибавления к основе *pustaka*-конфикса *per... an*.

Языки с словопроизводственными возможностями, как мальгашский или индонезийский, в противоположность турецкому, получают в отношении своих способов словопроизводства типологическую характеристику префиксально-конфиксальных языков.

Как в русском, так и в английском языке аффиксальное словопроизводство в плане своей типологии имеет как сходные, так и различные черты. В обоих языках мы можем выделить следующие типы лексем: тип суффиксальный со структурой $R + s$; тип префиксальный

со структурой $p + R$; тип префиксально-суффиксальный со структурой $p + R + s$.

I. Суффиксальный тип лексем в обоих языках распадается на два подтипа в зависимости от числа суффиксов, входящих в состав лексемы: 1) *подтип односуффиксальный* (или моносуффиксальный), если в составе лексемы имеется только один словообразовательный суффикс; 2) *подтип двухсуффиксальный* (или бисуффиксальный), если в составе лексемы имеется два словообразовательных суффикса.

1. Подтип $R + s$. Односуффиксальный подтип представлен очень большим числом лексико-семантических моделей, что свидетельствует о его высокой продуктивности. К этому подтипу относятся лексемы существительных и прилагательных.

Лексемы существительных по своей семантике распадаются на группы со значением 1) лиц; 2) предметов; 3) отвлеченных понятий; 4) имен с эмоциональной окраской.

Лексемы, образующие модели со значением лица, делятся на лексемы, обозначающие лиц мужского пола и лиц женского пола. Число моделей, образующих лексемы лиц мужского пола в русском языке, равно 35; из них 12 — продуктивные, 23 — непродуктивные. Наиболее продуктивными моделями этой группы являются:

1) $R + -ец$: *делец* < глаг. осн. *дел-*; *гребец* < глаг. осн. *греб-*; *продавец* < глаг. осн. *продав-*;

2) $R + -овец$: *вузовец* < осн. сущ. *вуз-*; *кружковец* < осн. сущ. *круж(о)к*;

3) $R + -ник$: *помощник* < осн. сущ. *помощь*; *работник* < осн. сущ. *работ-а*;

4) $R + -щик$: *каменщик* < осн. сущ. *камень*; *зимовщик* < осн. глаг. *зимов-ать*;

5) $R + -чик$: *газетчик* < осн. сущ. *газет-а*;

6) $R + -льщик$: *паяльщик* < осн. глаг. *пая-ть*; *лудильщик* < осн. глаг. *луди-ть*;

7) $R + -тель$: *учитель* < осн. глаг. *учи-ть*; *водитель* < осн. глаг. *вод-ить*;

8) $R + -ист$: *журналист* < осн. сущ. *журнал*; *портретист* < осн. сущ. *портрет*.

В английском языке моделей, в которых суффиксы выражали бы лицо мужского пола, нет. Это вполне согласуется с типологией его морфологической структуры, где категория грамматического рода отсутствует.

Параллельно с моделями, образующими названия лиц мужского пола, в русском языке существует 18 моделей с суффиксами, образующими названия лиц женского пола. Из них лишь 5 моделей можно признать продуктивными:

1) R + *-ниц-а*: *школьница* < осн. сущ. *школ-а*; *огородница* < осн. сущ. *огород*;

2) R + *щиц-а*: *уборщица* < осн. сущ. *убор-ка*; *кладовщица* < осн. сущ. *кладов-ая*;

3) R + *к-а*: *студентка* < осн. сущ. *студент*; *экономка* < осн. сущ. *эконом*;

4) R + *их-а*: *ткачиха* < осн. сущ. *ткач*; *повариха* < осн. сущ. *повар*;

5) R + *ш-а*: *парикмахер-ш-а* < осн. сущ. *парикмахер*.

В английском языке существует лишь три модели, образующие имена женского рода: R + *-ess*, R + *-enne*, R + *-ette*. Однако они малопродуктивны и в силу этого не могут быть учтены как определенный типологический показатель.

Лексемы со значением лица без обозначения пола характерны для английского языка. Среди этих лексем особой продуктивностью, почти покрывающей 100% возможных образований, отличается модель с суффиксом *-er* (в некоторых случаях *-or*). Г. Марчанд¹ считает, что лексемы, образованные с помощью суффикса *-er*, имеют следующие значения: 1) носителя действия, например: *teacher*, *writer*, *flyer*; 2) животных, например: *setter* — *сеттер* (порода собак), *pointer* — *пойнтер*; 3) предмета, характеризуемого каким-либо процессом, например: *boiler*, *steamer*; 4) нематериального носителя действия, например: *thriller*; 5) предметов одежды: *slippers*; 6) места совершения действия: *sleeper*, *container* и т. д. Как отмечает О. Д. Мешков², эта модель обладает рядом интересных особенностей, выделяющих ее из всех остальных; она обладает 1) способностью образовывать лексемы от любой глагольной основы; ср.: *eat* — *eater*, *swim* — *swimmer*, *run* — *runner* и т. д.; 2) большой семантической емкостью; ср.: *runner* (1. *бегун*, 2. *посыльный*, *гонец*, 3. *контрабандист*, 4. *дорожка* (на стол), 5. *полоз* (саней), 6. *стелющийся побег растения*, 7. *тех. ролик*, *каток*); 3) способностью «совмещать в одном слове значение лица, животного, механизма, различных веществ, нематериального агента»³; ср.: *creeper* — *ползучее растение* и *пресмыкающееся животное*, *hunter* — *охотник*, *охотничья лошадь* и *охотничья собака*, *smoker* — *курильщик*, *вагон для курящих* и *концерт, на котором разрешается курить*.

¹ См.: Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. — Ed. 2. — Munich, 1969. — P. 274.

² См.: Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. — М., 1976. — С. 58–60.

³ Там же. — С. 60.

Помимо лексемы R + -er, в английской системе словопроизводства существует еще несколько моделей, обозначающих лицо без указания на пол; из них наиболее продуктивные:

1) R + -ist: socialist < осн. прил. social; cartoonist < осн. сущ. cartoon *карикатура*;

2) R + -ee: trainee < осн. глаг. train; employee < осн. глаг. employ.

В русском языке также существуют модели, образованные суффиксами лица без указания на принадлежность определенному полу: R + -ак-а, R + -к-а, R + -л-а, R + -яг-а, R + -х-а и т. д.; ср.: *ломака, зевака, выскочка, неженка, зубрила, бедняга, пройдоха* и т. д. Однако, в противоположность английским суффиксам этой группы, все они непродуктивны или малопродуктивны, что вполне соответствует типологии морфологической системы русского языка, где существует вполне развитая и отчетливо выраженная языковыми средствами категория грамматического рода.

Лексемы со значением предметов, относящиеся к подтипу R + s, образуются в русском языке в основном с помощью тех же суффиксов, что и лексемы лица. Всего используется 43 модели, из них только 12 считаются продуктивными, 31 модель малопродуктивна или непродуктивна.

Наиболее продуктивными в этой группе следует считать модели:

1) R + -льник: *будильник* < осн. глаг. *буд-ить*; *холодильник* < осн. глаг. *холод-ить*;

2) R + -щик (-чик): *счетчик* < осн. сущ. *счет*; *пилщик* < осн. глаг. *пил-ить*;

3) R + -тель: *усилитель* < осн. глаг. *усил-ить*;

4) R + -ина: *льдина* < осн. сущ. *лед*;

5) R + -лка: *грелка* < осн. глаг. *греть*; *сеялка* < осн. глаг. *сеять*;

6) R + -ка: *кладовка* < осн. прил. *кладовая*;

7) R + -ло: *покрывало* < осн. глаг. *покрыва-ть*.

В английском языке также существует несколько моделей, с помощью которых образуются названия предметом. Из них необходимо назвать модели:

1) R + -er: dresser < осн. глаг. dress; reader — *книга для чтения* < осн. глаг. read;

2) R + -ing: building < осн. глаг. build — *строить*.

Лексемы со значением отвлеченных понятий со структурой R + s достаточно многочисленны в обоих языках. В русском языке 33 модели с лексемами, имеющими указанные значения, из них только 12 являются продуктивными, остальные 21 считаются непродуктивными. Наиболее продуктивными моделями являются:

1) R + -щина (-чина): *кустарщина* < осн. прил. *кустарный*;

2) R + -ость: *глупость* < осн. прил. *глуп-ый*; *тонкость* < осн. прил. *тонк-ий*;

3) R + *-и-е*: *усердие* < осн. прил. *усерд-ный*; *веселье* < осн. прил. *весел-ый*;

4) R + *-ств-о*: *соседство* < осн. сущ. *сосед*; *удобство* < осн. прил. *удобн-ый*;

5) R + *-изм*: *туризм* < осн. сущ. *тур-ист*; *расизм* < осн. сущ. *рас-а*;

6) R + *-к-а*: *закуска* < осн. глаг. *закус-ить*; *чистка* < осн. глаг. *чист-ить*;

7) R + *-ация*: *рекламация* < осн. глаг. *реклам-ировать*.

В английском языке также есть модели с лексемами, имеющими значение отвлеченных понятий. Наиболее продуктивными моделями считаются следующие:

1) R + *-ism*: *socialism* < осн. прил. *social*; *darwinism* < осн. сущ. *Darwin*;

2) R + *-ity*: *reality* < осн. прил. *real*; *humidity* < осн. прил. *humid*;

3) R + *-ness*: *darkness* < осн. прил. *dark*; *blackness* < осн. прил. *black*;

4) R + *-ing*: *writing* < осн. глаг. *write*; *making* < осн. глаг. *make*.

В русском языке существует группа моделей, образованных с помощью лексем, выражающих эмоциональную оценку. Всего таких моделей 22, из них 14, то есть определенное большинство, оказываются продуктивными. Ниже даются наиболее продуктивные модели.

1) R + *-чик*: *стульчик* < осн. сущ. *стул*; *стаканчик* < осн. сущ. *стакан*;

2) R + *-ик*: *столлик* < осн. сущ. *стол*; *домик* < осн. сущ. *дом*;

3) R + *-к-а*: *картинка* < осн. сущ. *картин-а*; *головка* < осн. сущ. *голов-а*;

4) R + *-инк-а*; *икринка* < осн. сущ. *икр-а*;

5) R + *-очка*: *кисточка* < осн. сущ. *кисть*; *ленточка* < осн. сущ. *лент-а*;

6) R + *-иц-е*: *платъице* < осн. сущ. *платъ-е*; *зеркальце* < осн. сущ. *зеркал-о*.

В английском языке можно назвать лишь несколько моделей с указанным значением:

1) R + *-aster*: *poetaster* < осн. сущ. *poet*;

2) R + *-ette*: *kitchenette* < осн. сущ. *kitchen*;

3) R + *-let*: *streamlet* < осн. сущ. *stream*;

4) R + *-ling*: *princeling* < осн. сущ. *prince*;

5) R + *-y*: (или *-ie*): *girlie* < осн. сущ. *girl*; *birdie* < осн. сущ. *bird*.

Сопоставление моделей последней группы показывает, что в русском языке степень их продуктивности значительно выше. Так, например, суффикс *-ик* может быть прибавлен к корню любого существительного, образуя новую лексему со значением ласкательности, уменьшительности.

Английские же суффиксы рассматриваемой группы характеризуются малой продуктивностью, что составляет отличительную черту этой группы суффиксов от русских.

К односуффиксальному подтипу относятся также лексемы прилагательных качественных и относительных.

В русском языке насчитывается свыше 30 суффиксов, образующих прилагательные от основ имен существительных; из них продуктивных моделей около 50%.

Наиболее продуктивными моделями этой группы считаются:

1) R + *-ов(-ев)- + ый*: *слоновы́й* < им. осн. *слон*; *полево́й* < им. осн. *поле*;

2) R + *-чат-* + *ый*: *коленча́тый* < им. осн. *колени*; *узорча́тый* < им. осн. *узор*;

3) R + *-оват(-еват)- + ый*: *горькова́тый* < прил. осн. *горький*; *углова́тый* < им. осн. *угол*;

4) R + *-ист-* + *ый*: *волниста́ый* < им. осн. *волна*; *холмиста́ый* < им. осн. *холм*;

5) R + *-лив-* + *ый*: *расчета́ливый* < им. осн. *расчет*; *шумлива́ый* < им. осн. *шум*;

6) R + *-ск-* + *ий*: *ию́льски́й* < им. осн. *июль*; *совета́ский* < им. осн. *совет* и некоторые другие.

В английском языке имеется 20 суффиксов, образующих прилагательные от основ имен существительных. Однако продуктивных моделей насчитывается 9, т. е. несколько меньше 50%. Из них наиболее продуктивными являются:

1) R + *-able*: *profitable* < им. осн. *profit* — *польза*; *comfortable* < им. осн. *comfort* — *удобство*;

2) R + *-al*: *constitutional* — *конституцио́нный* < им. осн. *constitution* — *конституция*;

3) R + *-ed*: *winged* — *крыла́тый* < им. осн. *wing* — *крыло*; *figured* — *фигурна́ый* < им. осн. *figure* — *фигура*;

4) R + *-ful*: *helpful* — *полезна́ый* < им. осн. *help* — *помощь*; *wonderful* — *удивите́льный* < им. осн. *wonder* — *удивление*;

5) R + *-less*: *helpless* — *беспо́мощный* < им. осн. *help* — *помощь*; *shameless* — *бессты́дный* < им. осн. *shame* — *стыд*;

6) R + *-ish*: *childish* — *детски́й* < им. осн. *child* — *ребенок*; *bookish* — *кни́жный* < им. осн. *book* — *книга*;

7) R + *-y*: *rainy* — *дожда́ливый* < им. осн. *rain* — *дождь*; *snowy* — *снежа́нный* < им. осн. *snow* — *снег*.

Число моделей, образующих прилагательные от глагольных основ, почти одинаково в обоих языках; в русском языке — 15, в английском языке — 17. Однако их источники значительно различаются между собой. В русском языке существует только 6 моделей, в которых прилагательные образуются от собственно глагольных основ, например:

желательный < глаг. осн. *желать*; остальные 9 моделей служат для образования прилагательных от причастий, например: *заметный* < прич. от глаг. *заметить*; *дремучий* < прич. от глаг. *дремать*.

В английском языке все модели образованы от основ глагола.

В русском языке выделяется особая группа прилагательных, характеризующихся эмоциональной окраской уменьшительно-ласкательного значения, которые образованы тремя моделями:

1) R + *-еньк-ий*: *новенький* < прил. осн. *новый*; *слабенький* < прил. осн. *слабый*;

2) R + *-оватеньк-ий*: *сероватенький* < прил. осн. *серый*;

3) R + *-ехоньк-ий*: *легохонький* < прил. осн. *легкий*.

К этому же подтипу относится группа моделей притяжательных прилагательных, существующих только в русском языке, например:

1) R + *-ов*: *пастухов* < им. осн. *пастух*; *стариков* < им. осн. *старик*;

2) R + *-ин*: *дядин* < им. осн. *дядя*; *мамин* < им. осн. *мама*.

В английском языке обе эти группы прилагательных полностью отсутствуют.

2. Подтип R + s₁ + s₂. В противоположность односуффиксальному подтипу R + s, двухсуффиксальный подтип представлен в обоих языках ограниченным числом моделей.

Ряд моделей этого подтипа обозначает лиц женского пола, причем суффикс женского рода прибавляется к производной основе с суффиксом деятеля мужского рода, например:

(R + *-ич*) + *-к* + *-а*: *москвичка* < им. осн. *москвич*;

(R + *-ист*) + *-к* + *-а*: *машинистка* < им. осн. *машинист*;

(R + *-тель*) + *-ниц* + *-а*: *учительница* < им. осн. *учитель*.

Примером модели этого подтипа с отвлеченным значением может служить модель (R + *-тель*) + *-ство*: *строительство* < им. осн. *строитель*.

В английском языке можно привести только одну модель существительных с отвлеченным значением:

(R + *-er*) + *-ship*: *leadership* — *руководство* < им. осн. *leader*.

Другие модели этого подтипа образуются путем прибавления суффикса *-ness* отвлеченного значения к основам производных прилагательных:

(R + *-ly*) + *-ness*: *friendliness* — *дружелюбие* < прил. осн. *friendly*;

(R + *-ish*) + *-ness*: *childishness* — *ребячество* < прил. осн. *childish*;

(R + *-ful*) + *-ness*: *hopefulness* — *оптимизм* < прил. осн. *hopeful*;

(R + *-less*) + *-ness*: *carelessness* — *беззаботность* < прил. осн. *careless*;

(R + *-ive*) + *-ness*: *sportiveness* — *игривость* < прил. осн. *sportive*.

II. Префиксальный тип лексем представлен в обоих языках и так же, как суффиксальный, распадается на два подтипа, в зависимости от морфем, входящих в состав лексемы: 1) *подтип однопрефиксальный* (или монопрефиксальный), если в составе лексемы имеется только один префикс; 2) *подтип двухпрефиксальный* (или бипрефиксальный), если в составе лексемы имеются две словообразовательные морфемы.

1. Подтип $p + R$. Однопрефиксальный подтип представлен широким набором моделей, свидетельствующих о его продуктивности в английском языке. Этот подтип охватывает:

28 моделей существительных, образованных от именных основ, например:

модель $mis + R$: *misfortune* — *несчастье* < им. осн. *fortune*;

модель $out + R$: *outline* — *очертание* < им. осн. *line*;

22 модели глаголов — от глагольных основ, например:

модель $dis + R$: *disobey* — *не слушаться* < глаг. осн. *obey*;

модель $re + R$: *reconstruct* — *перестраивать* < глаг. осн. *construct*;

7 моделей глаголов, образованных от именных основ, например:

модель $en + R$: *ensnare* — *поймать в ловушку* < им. осн. *snare* — *ловушка*;

и 22 модели прилагательных, образованных от основ прилагательных, например:

модель $in + R$: *incapable* — *неспособный* < прил. осн. *capable* — *способный*;

модель $dis + R$: *disobedient* — *непослушный* < прил. осн. *obedient* — *послушный*.

Однако почти все эти модели малопродуктивны, кроме модели $in + R$, по которой образуются прилагательные со значением обратным тому, которое выражено корневой морфемой, например: *unpleasant* — *неприятный* < прил. осн. *pleasant* — *приятный*; *unfair* — *несправедливый* < прил. осн. *fair* — *справедливый*.

В русском языке основную массу моделей (23 модели) этого подтипа составляют модели глаголов, образованных от глагольных основ. Это модели, в которых лексемы образованы с помощью прибавления к основе глаголов одного из префиксов: *в-*(*во-*), *воз-*, *из-*, *о-*(*об-*), *при-* и т. д., например: модель *вы-* + R : *вывести* < глаг. осн. *вести*; модель *за-* + R : *закопать* < глаг. осн. *копать*; *на-* + R : *наклеить* < глаг. осн. *клеить* и т. д. Число моделей этого подтипа, образующих существительные и прилагательные, незначительно.

2. Подтип $p_2 + p_1 + R$. Двухпрефиксальный подтип представлен в языках единичными моделями. В русском языке существует глагольная модель *при-* + $p + R$, с помощью которой образуются глаголы, лексемы которых выражают неполное действие, от глагольных

основ, например: *при-* + (*у-* + *-красить*), *при-* + (*на-* + *-жечь*) и т. д.

Ш. Префиксально-суффиксальный тип лексем в обоих языках представлен многочисленными моделями и распадается на подтипы, в зависимости от числа префиксов или суффиксов, входящих в состав лексемы: 1) *подтип однопрефиксально-суффиксальный*, если в составе лексемы имеется один префикс и один суффикс, 2) *подтип двухпрефиксально-суффиксальный*, если в составе лексемы имеется два префикса и один суффикс.

1. Подтип *p + R + s*. Однопрефиксально-суффиксальный подтип в обоих языках представлен разнообразными моделями, образующими лексемы, относящиеся к различным частям речи. В русском языке в этот подтип входит несколько моделей:

а) модели существительных, образованных от именных основ, например: модель *под-* + *R* + *-ник*: *подзеркальник* < им. осн. *зеркало*; *подстаканник* < им. осн. *стакан*; модель *на-* + *R* + *-ник*: *нагрудник* < им. осн. *грудь*; *нарукавник* < им. осн. *рукав*; модель *за-* + *R* + *-ье*: *заречье* < им. осн. *река*; *заозерье* < им. осн. *озеро*, некоторые другие модели;

б) модели существительных, образованных от глагольных основ, например: модель *бес-* + *R* + *-ник*: *беспризорник* < глаг. осн. *призирать*; *пере-* + *R* + *-нец*: *переселенец* < глаг. осн. *селить*-(ся); модель *до-* + *R* + *-ник*: *допризывник* < глаг. осн. *призывать*; модель *предо-* + *R* + *-тель*: *предохранитель*;

в) модели прилагательных, образованных от именных основ: модель *без* (*бес*)- + *R* + *-нн* + *-й*: *безжизненный* < им. осн. *жизнь*; *беспочвенный* < им. осн. *почва* и т. д.;

г) модель *за-* + *R* + *-ск* + *-ий*: *заморский* < им. осн. *море* и др.

Однако все эти модели малопродуктивны.

В английском языке также существуют модели, относящиеся к этому подтипу, но они очень ограничены в числе. Так, можно назвать несколько моделей с префиксом *un-*:

а) модели, образующие имена существительные от основ прилагательных, например: модель (*un* + *R*) + *-ty*: *uncertainty* — *неуверенность* < прил. осн. *uncertain*; модель (*un-* + *R*) + *-ness*, например: *uneasiness* — *беспокойство* < прил. осн. *uneasy* — *беспокойный*;

б) модели, образующие прилагательные от основы прилагательных, например: модель *un-* + (*R* + *-ful*): *unlawful* — *незаконный* < прил. осн. *lawful* — *законный*;

в) модели, образующие существительные от глагольных основ, например: модель (*dis-* + *R*) + *-ment*: *displacement* — *перемещение* < глаг. осн. *displace* — *перемещать*; модель (*en-* + *R*) + *-ment*: *encouragement* — *поощрение* < глаг. осн. *encourage* — *поощрять*;

г) модели, образующие прилагательные от глагольных основ, например: модель un- + R + -ed: unmanned — *непилотируемый* < глаг. осн. man — *укомплектовывать персоналом*; модель un- + R + -able: unreadable — *неразборчивый* < глаг. осн. read — *читать*; unreliable — *ненадежный* < глаг. осн. rely — *полагаться (на кого-либо)*; модель un- + (R + -y): unhealthy < прил. осн. healthy — *здоровый*; модель un- + (R + -ly): unearthly < прил. осн. earthly — *земной* и т. д.

2. Подтип $p_2 + p_1 + R + s$. Двухпрефиксально-суффиксальный подтип представлен в русском языке единичными моделями прилагательных, образованных от производных основ прилагательных, например: не- + -без- + R + -ный: *небезошибочный* < прил. осн. *безошибочный*; *небезупречный* < прил. осн. *безупречный*.

В английском языке этот подтип не представлен.

Подводя итог рассмотрению типологии словообразования в обоих языках, мы можем представить основные типологические показатели в виде таблицы.

Тип	Подтип	Русский	Английский
Суффиксальный	R + s	продуктивный	продуктивный
	R + s + s	малопродуктивный	малопродуктивный
Префиксальный	p + R	продуктивный	продуктивный
	p + p + R	непродуктивный	непродуктивный
Префиксально-суффиксальный	p + R + s	малопродуктивный	малопродуктивный
	p + p + R + s	непродуктивный	нет

Словосложение и типы сложных слов

Наряду с перечисленными выше приемами словообразования — безаффиксальным и аффиксальным словообразованием, словосложение служит одним из важных типологических признаков, который должен быть учтен при разработке типологии конкретного языка. Это тем более важно, что удельный вес словосложения в словообразовательной системе языка имеет значительные колебания, причем существуют и такие языки, где словосложение вообще отсутствует.

В английском, как и в русском языке, словосложение распространено в значительной степени. Так, по данным Дж. Гринберга, слово-

сложение в английском языке имеет индекс $\frac{R}{W} = 1,00$, что превосходит индекс суффиксации $\frac{S}{W} = 0,64$ ¹.

По данным Е. С. Кубряковой, исследовавшей количественные отношения основных типов словообразования, в том числе и словосложения, в словаре, с одной стороны, и в текстах — с другой, словосложение в словаре составляет около 27,4% всех обследованных слов, в текстах — около 26,7%, что в целом обнаруживает небольшие колебания, в то время как процент суффиксации в обоих видах материала значительно колеблется, составляя 33,7% по словарю и 53,2% по текстам.

Для того чтобы определить типологию словосложения, необходимо раскрыть понятие «тип сложного слова» как единицу сопоставления. Это возможно сделать в том случае, если мы будем исходить из тех признаков и свойств, которые присущи сложному слову как особой лексической единице словарного состава языка, образующей вместе с другими сложными словами микросистему языка. Только в этом случае предложенное нами понятие «тип сложного слова», его объем и границы будут раскрыты в достаточной степени полно и адекватно.

Как явствует из определения сложного слова как лексической единицы, образованной путем объединения в одно целое нескольких основ, одним из признаков сложного слова следует считать его морфологический состав. Сложное слово может состоять из двух, трех и более основ. Поэтому *морфологический состав сложного слова может служить одним из критериев, характеризующих понятие «тип сложного слова» как единицу типологического сопоставления.*

Основы, образующие морфологический состав сложного слова, могут быть соединены друг с другом путем простого соположения основ, не вызывающего никаких изменений в их фонемном составе на стыке соединения. Такой способ соединения основ можно сравнить со способом присоединения словоизменятельных и словообразовательных морфем в языках агглютинативного типа; ср.: тур. *anababa* — *родители* из *ana* — *мать* и *baba* — *отец*, *demiryol* — *железная дорога* из *demir* — *железо* и *yol* — *дорога*. Поэтому такой способ соединения основ мы назовем агглютинативным способом. Ср. английские сложные слова: *postcard* — *почтовая открытка* из *post* — *почта* и *card* — *открытка*, *snowball* — *снежный ком* из *snow* — *снег* и *ball* — *мяч*, *шар*.

Основы сложного слова могут быть соединены с помощью соединительных служебных морфем *-o-* или *-e-* в русском языке, морфемы *-s-* в английском языке, служащих в качестве оформителей первой

¹ См.: Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III. — С. 80.

основы сложного слова, например: рус. *пыль-е-сос*, *пар-о-ход*; англ. *sport-s-man* — *спортсмен*.

Сложные слова могут быть образованы путем лексикализации отдельных словосочетаний, которые строятся по существующим в данном языке синтаксическим закономерностям. Например, *son-in-law* — *зять*, *jack-of-all-trades* — *на все руки мастер*, *will-o'-the-wisp* — *блуждающий огонек*.

Из сказанного следует, что способ соединения компонентов сложного слова служит одним из признаков, характеризующих структуру сложного слова. Это дает нам основание для отнесения способа соединения компонентов сложного слова к числу критериев, определяющих понятие «тип сложного слова».

Компоненты сложного слова располагаются в определенном порядке, соответствующем их синтаксическим отношениям. Как показывает анализ сложных слов, их компоненты могут находиться в отношениях различных типов синтаксической связи — предикативной, если отношения компонентов при трансформации выявляют предикативную связь; ср.: *sunrise* — *восход* трансформируется в словосочетание *the sun rises*, *снегопад* трансформируется в *снег падает*; атрибутивной, если отношения компонентов выявляют атрибутивную связь, например: *redbreast* — *малиновка (птица)*; *чернозем*, *краснозем*; объектной, если отношения компонентов выявляют объектную связь, например: *turnscrew* — *отвертка*, которую можно трансформировать как *that turns the screw*; *пылесос* — *тот, который сосет пыль*.

Порядок расположения компонентов зависит от тех структурно-типологических особенностей, которые свойственны данному языку. Поэтому мы считаем возможным включить критерий синтаксической связи в число обязательных при определении границ понятия «тип словосложения как единица сопоставления».

Подводя итоги, мы можем теперь сделать вывод: тип сложного слова может быть охарактеризован следующими критериями, взятыми в их взаимосвязи:

- 1) числом основ — компонентов, образующих сложное слово, — двухкомпонентные, трехкомпонентные и т. д.;
- 2) способом соединения компонентов — примыкание (агглютинация), соединение с помощью соединительной морфемы, соединение с помощью служебных слов (предлогов, союзов);
- 3) характером синтаксической связи, с помощью которой образовано сложное слово, — предикативная, атрибутивная, объектная;
- 4) положением основного и второстепенного компонентов — в препозиции или в постпозиции.

Сочетание этих критериев, взятых в системе, образует ту устойчивую совокупность признаков, которая может быть положена в основу определения «тип словосложения как единица сопоставления».

ТИПЫ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ОБОИХ ЯЗЫКАХ

Сложные слова в обоих языках подразделяют на два типа в зависимости от числа компонентов, их составляющих: *тип двухосновный*, если сложные слова состоят из двух основ, и *тип трехосновный*, если сложные слова образованы из трех основ.

Тип двухосновный. К двухосновному типу относится подавляющее большинство сложных слов в обоих языках, что дает основание считать этот тип сложных слов типологически основным в данных языках. Основы, образующие слова этого типа, могут соединяться тремя способами: 1) с помощью простого примыкания, или агглютинации, в зависимости от чего выделяется подтип сложных слов с примыканием; 2) с помощью использования соединительной морфемы, что служит основанием для выделения подтипа сложных слов с соединительной морфемой; 3) с помощью служебных слов.

1. **Подтип с примыканием.** Этот подтип сложных слов занимает различное место в типологии словосложения каждого из сопоставляемых языков, так как имеет различный удельный вес и обладает различной емкостью своих моделей. Это непосредственно связано с общими типологическими показателями обоих языков. В английском языке с его основными типологическими показателями — одноморфемной структурой слов и примыканием как способом выражения синтаксической связи — подтип сложных слов с примыканием получил особенно широкое распространение.

В русском языке с характерным для него типологическим показателем — преобладающей двухморфемной структурой слов подтип с примыканием не распространен.

Сложные слова подтипа с примыканием образуют несколько групп в зависимости от типа синтаксической связи, с помощью которой они соединены. В этом легко убедиться, если трансформировать соответствующее сложное слово в словосочетание, например: сложное слово *sunrise* трансформируется в предложение *the sun rises*, в котором обнаруживается предикативная связь; сложные слова *strong-box* — *несгораемый шкаф*, *rocking-horse* — *лошадь-качалка*, *paper-mill* — *бумажная фабрика* трансформируются в атрибутивные словосочетания различной структуры: *a strong box*, *a horse for rocking*, *a mill producing paper*.

Таким образом, в зависимости от типа синтаксической связи, подтип с примыканием подразделяется на три группы: 1) предикативную группу, характеризуемую предикативной связью; 2) атрибутивную группу, характеризуемую атрибутивной связью; 3) объектную группу, характеризуемую объектной связью.

Предикативную группу составляет ряд моделей, из которых наибольшее значение для типологической характеристики данного под-

типа имеет модель $S_1^n + S_1^n$. Эта модель включает сложные слова, в которых первый компонент обозначает деятеля или носителя действия, а второй — название действия, производимого первым компонентом. Словосочетания этой модели трансформируются в предложения, в которых выявляется предикативная связь, например: сложное слово *sunshine* — *солнечное сияние*, образованное путем примыкания основы *sun-* и основы *-shine*, трансформируется в предложение *the sun shines*; слово *snowfall* — в предложение *the snow falls* и т. д. В русском языке эта модель сложных слов не представлена.

Атрибутивную группу составляет ряд моделей, емких по составу входящих в них слов, а также по своей семантике. Эти модели следующие: 1) модель $S_2^n + S_1^n$; 2) модель $S^a + S^n$; 3) модель $S_{ger}^v + S^n$; 4) модель $S^v + S^n$.

Модель $S_1^n + S_2^n$ состоит из большого числа сложных слов, в которых второй компонент обозначает предмет, уточняемый семантикой первого компонента. Семантические отношения между компонентами сложных слов этой модели могут быть охарактеризованы как а) отношения подобия второго компонента первому, например: *goldfish* — *золотая рыбка*; б) отношения назначения второго компонента для предмета, обозначенного первым, например: *schoolhouse* — *школьное здание*, *gasbag* — *газовый баллон*; в) отношения учреждения и производимого им продукта: *oilfield* — *нефтяной промысел*, *gasplant* — *газовый завод*; 2) отношения целого, обозначенного первым компонентом и его части, выраженной вторым компонентом, например: *shipboard* — *борт корабля*, *seashore* — *берег моря*, *sunbeam* — *луч солнца* и т. д.

Обращает на себя внимание тот факт, что сложным словам этой модели английского языка, как правило, соответствуют в русском языке атрибутивные препозитивные словосочетания со структурой $(A^a + K^n)$ (*школьное здание*, *сахарный завод*, *морской берег*) или же атрибутивные постпозитивные словосочетания со структурой $K^n + A_{gen}^n$ (*луч солнца*, *берег моря*, *борт корабля*).

Модель $S^a + S^n$ служит образцом для образования большого числа сложных слов, у которых первый компонент — основа прилагательного обозначает признак, которым характеризуется предмет, выраженный сложным словом, например: *redbreast* — *малиновка (птица)*, *blueprint* — *светокопия*, *синька*, *short-hand* — *стенография*, *highland* — *горная страна*. Словосочетания этой модели часто представляют собой так называемые лексические, или мертвые, метафоры; ср.: *redcoat* — *британский солдат* (по красному цвету военного мундира), *blackmail* — *шантаж* и т. д.

Большую емкость и продуктивность имеют атрибутивные модели $S_{ger}^v + S^n$ и $S^v + S^n$, в которых второй компонент — существительное, обозначающее предмет, предназначенный для выполнения действия, выраженного формой герундия или основой глагола и служащего пер-

вым компонентом сложного слова, что и раскрывается при трансформации этих моделей; ср.: writing-table трансформируется как a table for writing, playground трансформируется как a ground to play on и т. д.

Сложным словам, образованным по этим моделям, в русском языке чаще всего соответствуют атрибутивно-препозитивные словосочетания с согласованием со структурой ($A^a + K^n$) (ср.: письменный стол) или атрибутивно-предложные словосочетания с постпозицией и управлением, то есть со структурой $K + pr + A_c$ (ср.: площадка для игр).

Из числа атрибутивных моделей, по которым образуются сложные прилагательные, следует назвать модель $S^n + S^a$.

Модель $S^n + S^a$ образует большое число сложных прилагательных, особенно с основами прилагательных, характеризующими степень наличия или отсутствие предмета, являющегося первым компонентом сложного слова. Сложные прилагательные этой модели трансформируются в атрибутивные предложно-постпозитивные словосочетания со структурой $A^a + pr + K^n$; ср.: oil-rich трансформируется в словосочетание rich in oil, knee-deep трансформируется в словосочетание deep to the knee.

В русском языке этой модели сложных прилагательных соответствуют атрибутивно-предложные словосочетания с постпозицией и управлением (ср.: глубокий по колено) или атрибутивное слово сочетается с управлением и постпозицией (ср.: богатый нефтью).

Объектную группу составляют словосочетания, которые при трансформации образуют объектные беспредложные или предложные словосочетания. Наиболее важной в типологическом отношении следует считать модель $S_2^n + S_1^n$, в которой основа S_1^n осуществляет воздействие на основу S_2^n . В сложных словах, образованных по этой модели, их компоненты размещены в обратном порядке по сравнению с объектными словосочетаниями, которые являются их трансформациями; ср.: bloodtest — анализ крови трансформируется как to test the blood, punchcard — перфокарта трансформируется как to punch the card.

2. Подтип с соединительной морфемой. Этот подтип имеет типологическое значение для характеристики системы словосложения в русском языке, поскольку все русские сложные слова образованы по моделям, относящимся к этому подтипу. Соединительной морфемой может быть морфема -о- или -е-.

В английском языке также существуют сложные слова, преимущественно сложные существительные, относящиеся к этому подтипу. Соединительной морфемой служит морфема -s-, например: spokesman — представитель, delegate, statesman — государственный деятель. Однако емкость этой модели в английском языке невелика, и она не

может быть учтена при типологической характеристике словообразовательной системы английского языка.

В зависимости от типа синтаксической связи, которой соединены компоненты сложного слова, в этом подтипе, так же как и в первом подтипе, можно выделить: 1) предикативную группу, характеризующую предикативной связью; 2) атрибутивную группу с наличием атрибутивной связи; 3) объектную группу, если компоненты соединены на основе объектной связи.

Предикативная группа представлена моделью $S^n + o(e) + S^v$, например: *водопад* трансформируется в предложение *вода падает*; моделью $S^p + o(e) + S^v$, причем первым компонентом чаще всего служит основа местоимения *сам-*, например: *самолет*, что трансформируется как предложение *сам летит*; *самострел*, что трансформируется как предложение *сам стреляет*, и т. д.

Атрибутивная группа представлена моделями существительных: моделью $S^n + o(e) + S^v$ с различными семантическими отношениями компонентов, например: *газобаллон*, что трансформируется как *баллон для газа* или *баллон с газом*; моделью $S^a + o(e) + S^n$ с первым компонентом, выраженным основой прилагательного, которая уточняет значение сложного слова каким-либо признаком, например: *чернозем* трансформируется как атрибутивное словосочетание со структурой $(A^a + K^n)$, то есть *черная земля*.

В объектной группе сложных слов выделяется модель существительных $S^n + o(e) + S^v$, в которой первый компонент представляет собой основу существительного, являющегося объектом действия, выраженного основой переходного глагола. Как отмечает В. В. Виноградов, вторые компоненты таких сложных существительных представляют собой глагольные морфемы (всего 13), не осложненные суффиксами: *-вар*, *-вод*, *-мер* и др., например: *сталевар*, *пчеловод*, *землемер*, которые трансформируются в объектные словосочетания *варит сталь*, *разводит пчел*, *обмеряет землю* и т. д. Так же как в английских сложных существительных с объектной связью, в русских сложных существительных порядок размещения компонентов в сложном слове и в соответствующем объектном словосочетании обратный, например: *пылесос* и объектное словосочетание *сосет пыль*, *винодел* и объектное словосочетание *делает вино*.

3. Подтип с соединением с помощью служебных слов. Сложные слова этого подтипа представляют собой лексикализованные словосочетания, возникающие либо на основе сочинительной связи, как, например, *hide-and-seek* — *прятки*, либо на основе подчинительной связи, например: *editor-in-chief* — *главный редактор*, *mother-of-pearl* — *перламутр* и т. д.

Однако число их и отсутствие моделей, по которым они образуются, придают им случайный характер, что лишает возможности гово-

речь о какой-либо системе в способах их образования. Тем не менее сам факт возможности их возникновения отражает одноморфемную структуру английских слов, что, как уже отмечалось ранее, служит типологическим показателем.

В русском языке слова такой структуры вряд ли могут возникнуть, что связано с двухморфемной структурой лексических единиц, являющейся, в свою очередь, типологическим признаком. Лексикализация, происходящая в русском языке, приводит к образованию сложных слов с примыканием отдельных словоформ, например, *сумасшедший* представляет собой застывшее словосочетание *с ума сшедший*, словоформы которого соединены способом примыкания. Однако в русском языке сложные слова такой структуры представляют собой единичное явление и не могут учитываться при разработке типологических характеристик словообразовательной системы языка.

Тип трехосновный. Как для английского, так и для русского языка сложные слова, состоящие из трех основ, являются большой редкостью и вследствие этого не могут быть учтены при определении типологических характеристик словообразовательной системы обоих языков. Все изложенное о типологии системы словосложения в двух языках может быть сведено в следующей таблице.

Показатели	Язык	
	Английский	Русский
Число основ в сложном слове	2	2
Соединение путем примыкания	+	–
Соединение путем соединительных морфем	–	+
Соединение путем служебных слов	+	–
Предикативная связь	+	+
Атрибутивная связь	+	(+)
Объектная связь	(+)	+

Так как типы сложных слов в двух языках не всегда соответствуют друг другу, то представляется целесообразным дать схему их возможных соответствий в двух языках.

Приведенная ниже таблица наглядно показывает, что в речи сложным словам, преимущественно сложным существительным, английского языка в русском языке обычно соответствуют атрибутивные словосочетания различных типов. Это следует учитывать при разработке методики обучения английской речи для русской аудитории.

Способ соединения	Синтаксическая связь	Английский	Соответствия в русском языке
Примыкание	Предикативная	$S_1^n + S_1^n$	$S^n + o(e) + S^v$ $S^p + o(e) + S^v$
	Атрибутивная	$S_1^n + S_2^n$ $S^a + S^n$	$(A^a + K^n)$ $(A^a + K^n)$
		$S_{gen}^a + S^n$	$(A^a + K^n)$ $K^n + A_{gen}^n$
		$S^v + S^n$ $S^n + S^a$	$(A^a + K^n)$ $K^n + pr + A_c^n$ $(K^a + A_c^n)$ $K^a + pr + A_c^n$
Объектная	$S_1^n + S_2^n$	$K^n + A_{gen}^n$	
Соединительные морфемы		Соответствия в английском языке	Русский
	Предикативные	$S_1^n + S_1^n$ различные типы слов	$S^n + o(e) + S^v$ $S^p + o(e) + S^v$
	Атрибутивные	$S_2^n + S_1^n$ $S^a + S^n$	$S^n + o(e) + S^n$ $S^a + o(e) + S^n$
		$S^n + (S^v + S)$ различные типы слов	$S^n + o(e) + S^v$

Глава 8

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Завершая рассмотрение типологии русского и английского языков в сопоставительном плане, мы должны уяснить для себя то значение, которое имеет типология иностранного языка для его изучения, и влияние, которое она оказывает на методику обучения отдельным его сторонам и аспектам.

Преподавателям любого иностранного языка в своей педагогической деятельности приходится неизбежно сталкиваться с ошибками, и часто многочисленными, которые допускают их студенты как в произношении, так и в строе иностранного языка, особенно в устной и письменной речи. Часто вместо одного слова употребляется другое, при этом нарушается принятая в данном языке сочетаемость слов, подвергаясь влиянию норм сочетаемости родного языка учащихся.

Как показывает анализ ошибок, они могут быть разбиты на две группы: 1) ошибки случайного характера, возникающие вследствие недостаточной отработки учебного материала как текущего, так и пройденного ранее. Они обычно не носят принципиального характера и могут быть постепенно изжиты путем определенной системы приемов и упражнений на закрепление данного языкового явления; кроме того, они обычно носят индивидуальный характер и достаточно разнообразны; 2) ошибки устойчивого характера, которые оказываются типичными, характерными для всех или для подавляющего большинства носителей соответствующего родного языка. Так, например, русские студенты, как правило, даже после интенсивной фонетической тренировки допускают устойчивую произносительную ошибку, заменяя английскую фонему [æ] на [e] и произнося [bed] вместо [bæ:d] или заменяя английскую согласную фонему [h] на [x], например: вместо [hæ:v] произносят [хеф], вместо [hə:] — [х'ё] и т. д. Или же постоянно опускают артикль определенный или неопределенный, поскольку в русском языке это явление полностью отсутствует. Носители тюркских языков, благодаря наличию в их языках так называемых пространственных падежей — дательного, исходного и местного, выражающих различные пространственные отношения между предметами реальной действительности с помощью аффиксов, прибавляемых

к концу существительного, неизбежно опускают английские предлоги, поскольку в их родных языках предлоги как особая часть речи отсутствуют; они говорят: *I school go, My sister lives Moscow* и т. д. Ошибки указанного выше типа характеризуются постоянством, устойчивостью и представляют собой объект очень трудный для преодоления. Этот тип ошибок в силу перечисленных выше свойств может быть назван устойчивыми или типовыми ошибками.

Чтобы вести эффективную борьбу с ошибками этого рода, преподаватель иностранного языка должен, во-первых, отдавать себе полный отчет в том, отчего возникают эти ошибки, каковы их истоки; во-вторых, он должен продумать и найти необходимые и наиболее действенные приемы профилактики ошибок с целью их предупреждения, а если они уже возникли, то найти и разработать не менее действенные приемы их преодоления; в-третьих, он должен создать такие учебные материалы, в которых были бы учтены все те трудности, которые связаны с изучением данного языка. Эти материалы должны всячески способствовать созданию необходимых правильных навыков пользования речью на иностранном языке. Наконец, в-четвертых, преподаватель должен провести научно обоснованный отбор языкового и речевого материала, правильно его дозировать с учетом реальных возможностей студентов.

Рассмотрим подробнее перечисленные выше пункты. Изучение иностранного, в данном случае английского языка, предполагает овладение студентами всеми особенностями структуры данного языка. При этом происходит как бы столкновение двух систем — системы родного и системы иностранного языка. Изучаемый иностранный язык накладывается всеми закономерностями своей структуры на родной язык учащихся. Здесь происходит взаимопроникновение двух структур: с одной стороны, иностранный язык требует перестройки у каждого отдельного студента привычных ему из родного языка стереотипов, сложившихся на базе структуры родного языка. В течение всего времени, пока будет происходить эта перестройка, студент будет вносить в свою речь на иностранном языке типичные для родного языка закономерности на всех уровнях структуры языка. Естественно, что все носители данного родного языка будут допускать одни и те же ошибки, которые в силу их природы могут быть названы типовыми или, что более точно их характеризует, типологическими. Это прежде всего проявится на тех компонентах структуры иностранного языка, которые либо совершенно отсутствуют в родном языке студентов, либо, хотя и представлены там, имеют лишь некоторое сходство с аналогичными фактами родного языка.

С другой стороны, родной язык учащихся будет в течение всего указанного выше периода навязывать учащимся свои нормы, что так-

же будет постоянным источником устойчивых ошибок на всех уровнях структуры иностранного языка.

Возникает, таким образом, особое явление, известное под названием интерференции языков.

Проведенный в данной работе анализ типологических особенностей английского и русского языков на всех уровнях их структуры позволил установить ряд структурно- и функционально-сходных (изоморфных) и ряд структурно- и функционально-различных (алломорфных) признаков, характеризующих системы обоих языков.

Структурно- и функционально-изоморфные черты не могут служить источником устойчивых ошибок, поскольку фактор функционального сходства соответствующих явлений в обоих языках служит гарантией того, что ошибки этого типа возникнуть не могут. Могут возникнуть лишь ошибки первого типа, вызванные недостаточно прочным усвоением материально-различных, но функционально-сходных явлений.

Следовательно, остаются лишь алломорфные черты. Наблюдения за характером устойчивых ошибок у носителей различных языков и выяснение их источников со всей убедительностью говорят о том, что ошибки этого типа возникают как следствие перенесения в речь на изучаемом иностранном языке тех норм, которые сложились в родном языке. Так, типологический признак английского вокализма — наличие гласных двух разновидностей, узких и широких, на всех трех подъемах — и отсутствие этого признака в русской фонологической системе является источником многочисленных устойчивых ошибок русских студентов не только на первом этапе обучения английскому языку, но зачастую и на следующих. Так, хорошо известны трудности, связанные с правильным произношением гласных [i:] и [ɪ], [u:] и [ʊ], [ɑ:] и [ʌ], [ɜ:] и [ɚ], что имеет прямое отношение к правильному звуковому оформлению слов и их правильному восприятию.

Другой типологический признак английского вокализма — деление на гласные обычного и гласные отодвинутого назад (или продвинутого вперед) ряда — также служит источником ошибок не только в русской, но и, например, в узбекской аудитории, где этот признак отсутствует.

Наличие в системе согласных русского языка двух рядов согласных фонем — твердых и мягких — и отсутствие этого типологического признака в системе согласных английского языка служит постоянным источником многочисленных ошибок русских студентов в произношении английских слов, где за согласным следует гласный переднего ряда. Так, глагол [sit] часто звучит [с'ит], глагол [ri:d] — [р'ит] и т. д.

Типология фонологических систем изучаемого и родного языков, позволяющая учесть типологические расхождения обоих языков, дает возможность теоретически определить те трудности, которые ожи-

дают учащихся в процессе овладения ими фонологической системой изучаемого языка, произвести соответствующий отбор фонетических и фонологических трудностей и соответственно разработать последовательность изучения звуков и необходимую систему упражнений.

Разработанный фонологический и соответственно фонетический минимум английского языка для носителей различных языков нашей страны не будет одинаковым. Он будет отличаться в зависимости от фонемного состава этих языков. Так, для учащихся татар, башкир, казахов, узбеков, туркмен и т. д. в фонологический минимум не войдёт заднеязычная фонема [ŋ], поскольку она существует в системе согласных фонем соответствующих языков. В фонологический минимум учащихся башкир не войдут фонемы [ð] и [θ], поскольку обе эти фонемы имеются в фонологической системе этого языка.

Типологические различия в морфологических системах изучаемого и родного языков также служат постоянным источником устойчивых ошибок студентов в иностранном языке. Преподавателям хорошо известны устойчивые ошибки студентов на всех этапах обучения в употреблении артикля, поскольку категория детерминативности в большинстве языков нашей страны имеет только лексическое выражение. Так, русскому существительному *город* соответствует английское *a town* и *the town* и т. д.

Отсутствие оформления существительных аффиксом *-лар / -лер*, его фонетическими вариантами во всех тюркских языках в количественных словосочетаниях служит постоянным источником устойчивых ошибок студентов — носителей тюркских языков. Так, вместо словосочетания *four students* они говорят *four student*; вместо *ten boys* они говорят *ten boy*; ср.: татар. дурт студент, ун малай; узб. тўрт студент, ўн бола и т. д.

Типологические расхождения английского и русского языков в плане категории вида — наличие несовершенного и совершенного вида в русском и неопределенного и длительного вида в английском — также служат источником многочисленных ошибок русских студентов в речи на английском языке и в целом достаточно легко усваиваются студентами-узбеками, поскольку в узбекском языке существуют формы глагола, «уточняющие отношение действия к различным моментам данного временного плана»¹. Среди этих форм мы находим настоящее длительное время, прошедшее длительное время, которые по своим основным семам соответствуют формам длительного вида

¹ Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л., 1960. — С. 202.

английского языка и могут быть использованы как опорные формы для овладения английскими формами длительного вида.

Важным с точки зрения практического пользования речью на любом языке является правильное размещение слов в предложении, иначе говоря, владение правильным с позиций синтаксиса данного языка порядком слов.

Аналитический строй английского языка требует строго фиксированного порядка слов в предложении — подлежащее — сказуемое — прямое дополнение — косвенное дополнение — обстоятельство места — обстоятельство времени.

Флективно-синтетический строй русского языка допускает варьирование порядка членов предложения, поскольку наличие падежных морфем достаточно четко устанавливает отношение данного слова к другим словам в предложении независимо от его места в предложении.

В то же время языки агглютинативного строя, как, например, тюркские, имеют твердый порядок слов в предложении, но он отличается от порядка слов в английском и русском языках и имеет такой вид: обстоятельство времени — обстоятельство места — подлежащее — косвенное дополнение — прямое дополнение — сказуемое.

Приведенные схемы простого развернутого предложения в английском и родных языках, показывающие системное различие в этих языках, дают объективные основания для прогнозирования возникающих для студентов трудностей, получающих свое четкое выражение в устойчивых ошибках студентов. Так, русские студенты (это подтверждено многократными наблюдениями и опытом преподавателей) неизменно ошибаются в размещении подлежащего и сказуемого, сказуемого и прямого дополнения, обстоятельства времени и места, помещая их по нормам русского синтаксиса то перед сказуемым, то перед дополнением. Носители тюркских языков стремятся поместить сказуемое на последнем месте в предложении, что соответствует нормам их родного языка.

Подводя итог всему вышесказанному, а также учитывая конкретные иллюстративные примеры, мы можем констатировать, что сравнительная типология родного и иностранного языков рассматривает не отдельные элементы языка, а всю его систему или структуру в целом. Это создает теоретическую основу для исследования следующих основных проблем: 1) возможность и невозможность появления в данном языке определенных элементов; 2) обязательность появления одних элементов при наличии в системе языка других, например: отсутствие категории падежа, что выражается в парадигме склонения, влечет за собой выработку твердого порядка слов в предложении и широкое использование предлогов в грамматической функции; от-

сутствие категории вида влечет за собой возникновение развитой системы времен, как, например, в английском или французском языке.

Типологический подход к структуре языка дает возможность сопоставлять и выявлять типологические признаки не только генетически родственных языков, но также и языков, генетически между собой совершенно не связанных. В качестве одной из основных задач он выдвигает проблему как системно сходных, или подобных (изоморфных), так и в особенности глубоко различных (алломорфных) признаков, свойственных системам отдельных языков, а иногда и целым группам языков, например положение зависимого компонента в препозиции в тюркских или германских языках в атрибутивных словосочетаниях.

Определение типологии данного языка дает возможность разрешить многие общие методические проблемы: 1) проблему диагностирования трудностей фонологического, слогового, морфемного, морфологического и синтаксического уровней, трудностей, с которыми учащийся неизбежно столкнется и которые ему придется преодолевать в процессе овладения иностранным языком; 2) проблему отбора необходимого языкового и речевого материала с учетом особенностей структуры обоих языков и определения последовательности расположения учебного материала; 3) проблему методического прогнозирования и последующей разработки эффективной системы методических приемов для более доходчивого объяснения учебного материала, для создания системы рациональных упражнений, для закрепления, дальнейшей автоматизации и разработки системы контроля знаний, умений и навыков; 4) проблему создания научно обоснованной системы учебников практических курсов по иностранным языкам.

Кроме общих методических проблем, типологический подход позволяет решать многие проблемы частной методики преподавания отдельного иностранного языка в условиях определенной национальной аудитории, такие, как, например, обоснование и разработка методов и приемов обучения конкретным звукам или их вариантам, отдельным грамматическим формам или особо употребительным в устной речи фразеологическим единицам иностранного языка в зависимости от особенностей родного языка учащихся.

Приложение I

ИЗОМОРФИЗМ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА ¹

Анализ отдельных сторон структуры языка достаточно убедительно свидетельствует о том, что в самых различных языках, как гене-

---

¹ Полный текст статьи см. в кн.: «Изоморфизм на разных уровнях языковой системы» / Под ред. Г.С. Клычкова. — М., 1984.

тически родственных, так и неродственных, «мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы. . . »¹ В качестве объекта исследования в данном очерке рассмотрен изоморфизм в системе глагола, наиболее важной и динамичной в своем развитии части речи.

Как известно, в общегерманском языке-основе было представлено всего две формы времени — настоящее и претерит. Интересно отметить, что все современные германские языки развили так называемую аналитическую форму перфекта настоящего и прошедшего времени по совершенно единому образцу: десемантизированный глагол «иметь» + причастие II (или супин). На первый взгляд может показаться, что такое поразительное сходство скорее свидетельствует об общности происхождения этих форм из исторически общей всем германским языкам праформы. Однако даже самое поверхностное знакомство с историей этих языков заставит нас отказаться от этой гипотезы. Перфект указанной модели развился совершенно независимо в отдельных германских языках. Вот это подобие структуры морфологических глагольных форм служит убедительным показателем явления изоморфизма в названных языках. К сказанному следует добавить, что во всех древнегерманских языках независимо друг от друга сложились две параллельные формы перфекта: одна — со вспомогательным глаголом бытия, включающая глаголы состояния, другая, содержащая переходные глаголы, со вспомогательным глаголом «иметь» + причастие II (или супин). В своем поступательном движении большая часть германских языков преодолела формы с глаголом бытия и выработала единую форму перфекта с изоморфной структурой «иметь + причастие II». Лишь в современном немецком языке и отчасти в датском и исландском сохраняются две параллельные формы перфекта со вспомогательными глаголами «быть» и «иметь».

Аналогичный изоморфизм структуры перфекта мы находим в романских языках, где перфект также имеет форму «иметь + причастие II». В латинском языке существовал перфект с синтетической структурой типа: *legi — legisti — legit* и т. д. Современные романские языки независимо друг от друга развили структурно-сходные формы перфекта: ср.: франц. *j'ai parle*, итал. *ho parlato*, исп. *he hablado* — я говорил.

Из вышесказанного следует, что процесс образования формы перфекта протекал как в германских, так и в романских языках изоморф-

---

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Ч. 1.

ным путем, т. е. он обнаруживает структурное, но не во всех случаях семантическое подобие.

Особый интерес представляет собой изоморфизм в системе форм будущего времени. История отдельных германских языков свидетельствует о том, что в большей части этих языков широко использовались словосочетания претерито-презентного глагола *sculan¹ — *долженствовать* или глагола *willan — *хотеть*, которые естественным образом относили действие в план будущего времени; ср.: современные формы будущего времени: англ. shall (will), шв. skall, дат., норв. skal, нид. zal, ср. в. н. soll, теперь вытесненное формой глагола werden; например, англ. I shall come ~ шв. jag skall komma ~ дат., норв. jeg skal komme ~ нид. ek zal komen ~ нем. Ich werde kommen ~ исл. ед. munu koma — *я приду*.

Примечателен тот факт, что форма будущего времени в языках, хотя и родственных, но не относящихся к древнегерманской ветви — болгарском и новогреческом, образована с помощью соответствующих глаголов. Ср. болг. *хоще*; греч. [θello] — *хочу* (ср. англ. will).

Изоморфизм в структуре форм будущего времени станет еще очевиднее, если мы проследим эволюцию этих форм в ряде языков; так, болг. *хоще* превратилось в частицу *ще*: ср. болг. *азъ ще работя* — *я буду работать*; греч. [θello] > частицу [θa]: ср. греч. [θaдоileio] — *я буду работать*. Аналогично этому в английском языке оба вспомогательных глагола shall и will превратились в утвердительной форме в частицу 'll, в отрицательной форме — в shan't и won't; в шведском языке — в частицу ska.

Явление изоморфизма можно отчетливо наблюдать и в подобии способа образования формы будущего времени в ряде романских и в украинском (!) языках, что вряд ли может быть объяснено какими-либо генетическими связями или ареальными контактами. В латинском языке форма будущего времени образовывалась синтетическим путем: прибавлением морфемы $b^v < {}^x b^h$ к основе глагола и личного окончания; например: amabo — *я буду любить*, videbo — *я увижу* и т. д. Современные романские языки — испанский, итальянский и французский развили форму будущего времени с другой структурой: $V_{inf} +$ «иметь»; ср. франц. lire + ai, итал. leggere + ho = legero, исп. leer + he > leere, etc.

В современном украинском языке обнаруживается вполне изоморфная форма будущего времени: ср. укр. *Читатиму* < *читати* + *иму* = *буду читать*.

Обращаясь теперь к системе временных форм в целом в германских языках, мы легко устанавливаем их удивительную однотипность,

¹ Звездочка * означает, что форма реконструирована.

хотя, как свидетельствует история этих языков, в далеком прошлом все они имели только две формы времени — настоящее и претерит. И только в древнеисландском обнаруживается система временных форм, состоящая из двух простых форм, унаследованных от общегерманского языка-основы, и трех сложных: перфекта, плюсквамперфекта и будущего времени, которые в каждом из прочих германских языков развились независимо друг от друга, но по совершенно аналогичной модели: а) перфект по модели $V_{aux}^{pres} + V_{pt.2}$; ср. англ. *have written* ~ нем. *habe geschrieben* ~ шв. *her skrivit* ~ нид. *heb geschreven* — я написал; б) плюсквамперфект по модели $V_{aux}^{prt} + V_{pt.2}$; ср. англ. *had written* ~ нем. *hatte geschrieben* ~ шв. *hade skrivit* ~ нид. *had geschreven*; в) будущее по модели $V_{aux} + V_{inf}$; ср. англ. *shall (will) write* ~ нем. *werde schreiben* ~ шв. *skall skriva* ~ норв. *skal skrive* ~ нид. *zal schrijven* — *буду писать, напишу*.

Из этой системы выпадает лишь английский язык, который, кроме перечисленных выше пяти глагольных форм, существовавших в средний период его истории, развил в новом периоде еще ряд дополнительных временных форм в разрядах Continuous и Perfect Continuous, вследствие чего система временных форм в этом языке в настоящее время включает 12 форм.

В числе случаев изоморфизма в системе глагола нельзя не назвать существующий в ряде родственных и неродственных языков способ образования глаголов из лексикализованных словосочетаний, состоящих из имени и глагола «делать». Этот прием использовался еще в общегерманскую эпоху, когда складывалась система слабого глагола, отличающая германские языки от остальных индоевропейских языков: использование глагола *don (tuon)* — «делать» в качестве вспомогательного путем образования лексикализованных словосочетаний, в которых глагол «делать», постепенно десемантизируясь, превратился в дентальную морфему, служащую для образования форм прошедшего времени как в древних, так и в современных германских языках; ср. англ. *-d* ~ шв. *-d* ~ норв. *-t(-d)* ~ дат. *-d* ~ нид. *-d-* и др.

Совершенно аналогичное явление наблюдается в тюркских языках, в которых не только глагол со значением «делать», но и целый ряд других глаголов могут использоваться в качестве вспомогательных для образования лексикализованных и грамматикализованных словосочетаний. Заслуживает внимания один из процессов развития языков, который носит изоморфный характер, что позволяет говорить о существовании не только синхронного изоморфизма, но также и диахронного изоморфизма. Это явление широко распространено в истории развития отдельных языков, но описано весьма недостаточно. Речь идет о процессе отпадения вспомогательного глагола в форме перфекта и плюсквамперфекта там, где он в свое время развился, и об образовании на этой основе новой формы прошедшего време-

ни. Как свидетельствует история русского языка, в древнерусском языке существовала развитая система форм прошедшего времени, включавшая сложные формы перфекта (например, *есмъ примьчѣ*) и плюсквамперфекта (например, *бяхъ неслѣ*). В процессе развития русского языка вспомогательный глагол отпал, в результате чего формы смыслового глагола совпали в одной форме нового для этого языка «прошедшего» времени.

Подобный процесс можно наблюдать в современном шведском языке, где формы перфекта — *har spelat* — *сыграл* и плюсквамперфекта — *hade spelat* — *сыграл ранее*; *har druckit*, *hade druckit* — *выпил* — утрачивают вспомогательный глагол, и, таким образом, формы супина *spelat* и *druckit* обеих временных форм совпадают в одной форме, как в русском языке. Этот процесс пока что протекает в шведском языке в придаточных предложениях и в настоящее время характерен для разговорного стиля. Однако уже наблюдаются случаи, когда его можно встретить и у шведских писателей, что свидетельствует о его прогрессирующем характере.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1) Изоморфизм, как явление, характерное для типологической характеристики разноструктурных языков, достаточно широко распространен в системе глагола.

2) Как показывают материалы обследованных языков, изоморфизм особенно часто наблюдается в системе глагольных времен, что позволяет установить общие процессы, происходившие в течение исторического развития отдельных языков и не восходящие к единой или общей праформе.

3) Изоморфизм создает возможность на основании учета изоформ выделить несколько типологических групп языков, имея в виду способы образования тех или иных изоформ. Так, если за основу типологической классификации рассмотренных языков принять способы образования будущего времени, то можно распределить их по таким типологическим группам: а) языки с моделью будущего времени $V_{\text{inf}} + m$ — итальянский, испанский, французский, украинский; б) языки с моделью будущего времени $V_{\text{aux}}^{\text{pres}} + V_{\text{inf}}$ — германские языки, болгарский, греческий; в некоторых из этих языков — английском, шведском, болгарском, греческом $V_{\text{aux}}^{\text{pres}} >$ в частицу.

4) Проведенный анализ изоформ в системе глагола показывает со всей очевидностью широкие возможности изоморфизма, позволяющего исследователю выйти за пределы генетических рамок, и тем самым открывает возможности для открытия и установления общих законов и процессов развития человеческого языка.

Приложение II

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ТИПОЛОГИЧЕСКИ СУЩЕСТВЕННЫЙ» — «ТИПОЛОГИЧНЫЙ»¹

В трудах, посвященных различным проблемам типологии языков, нередко встречаются прилагательные «типологический», иногда «типологичный» без соответствующего пояснения содержания этих слов.

Столь широко распространенное употребление названного прилагательного справедливо вызывает желание подробнее остановиться на этом термине, определить его значение, установить его границы и объем. Это особенно важно в том случае, когда мы имеем дело с определенными типологическими зависимостями, т. е. установлением того, что может быть признано решающим при определении типологии того или иного явления в языке и что следует включить в число тех признаков, совокупность которых является основополагающей при установлении типологии исследуемого языка.

В связи с этим и возникает проблема определения содержания понятия «тип языка» и уточнения тех конкретных признаков, которые входят в содержание этого понятия.

Слово «тип» достаточно широко распространено как в быту, так и в научной литературе. Оно происходит от греческого существительного [tipos] — *образ, образец*. В словаре Д. Н. Ушакова в качестве первого значения этого слова дается: «образец, модель, которым соответствует известная группа предметов, явлений, разновидность, форма чего-л.».

Именно в этом значении употребительно слово «тип» в истории литературы. В области языкознания с его огромным, почти неисчислимым количеством языков, обладающих множеством различных и крайне разнообразных признаков, также приходится говорить о типах языков или, что точнее, о типах языковой структуры.

Для определения содержания понятия «тип языка» необходимо было рассмотреть некоторые черты или признаки, имеющиеся в отдельных языках и составляющие их характеристику. Попытку выделить подобные устойчивые признаки, а также и ту совокупность таких устойчивых признаков, которые характеризуют определенный тип языка, предпринял чешский ученый В. Скаличка.

Однако, взвешивая те отдельные частные черты, которыми оперирует В. Скаличка, неизбежно приходишь к выводу о том, что эти выбранные в качестве типологических признаков черты носят в известной степени случайный характер. В качестве иллюстрации своего утверждения отмечу лишь, что в числе признаков, выдвинутых этим

¹ Исследования по сопоставительной типологии языков / Под ред. В. Д. Аракина. — М.: Изд-во МГПИ, 1982.

ученым, отсутствует такая важнейшая характеристика типологической структуры языка, как морфологическая структура слова. Она одна способна быть достаточным критерием, который можно было бы положить в основу типологической характеристики флективных языков, в отличие от языков агглютинативных. Так, трехморфемная структура составляла отчетливый типологический признак древних индоевропейских языков — санскрита, древнеперсидского (VI–IV вв. до н. э.) — с характерным для них делением существительных по основам, древнегреческого, древнеславянского, готского и других языков. Остатки этой древней типологии сохранились в виде отдельных пережитков в современных европейских языках; ср. русск. *чуд-ес-а*; *сын-ов-ья*, *им-ен-а*; ит. *uom-in-i* — люди < лат. *hom-in-es*; греч. *sóm-ata* — тела и т. д. Во многих европейских языках до настоящего времени сохраняется двухморфемная структура слов; ср. русск. *рек-а*, *окн-о*; ит. *cas-a* — дом, *ásin-o* — осел; шв. *flick-a* — девочка, *sid-a* — страница, *goss-e* — мальчик, *gubb-e* — старик и т. д.

Из сказанного выше явствует, что всякий тип, какую бы совокупность предметов или явлений он ни представлял, складывается, как в свое время отметил Т. П. Ломтев, из набора признаков, «общих для некоторого подмножества общего множества языков», и, кроме этого, представляет собой устойчивую совокупность признаков. Вполне естественно будет задать себе вопрос: что же представляют собой эти признаки? Какие из них следует признать типологически существенными, важными, т. е. такими, которые могут быть и даже обязательно должны быть учтены в числе признаков, составляющих типологическую характеристику данного конкретного языка, и какие, хотя и отмечаются как признаки структуры языка, но не носят устойчивого характера, а потому не могут приниматься во внимание при установлении устойчивой совокупности типологических признаков, иначе говоря, не имеют типологической значимости, т. е. не могут считаться типологическими?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вспомнить одно из положений диалектики о единичном, особенном и общем. Как хорошо известно, все многочисленные существующие на земном шаре языки отличаются друг от друга. Нет абсолютно одинаковых языков.

Совокупность индивидуальных, неповторимых черт, принадлежащих отдельной вещи, явлению или языку и отличающих их от всех других однородных объектов, носит название единичного. В то же время существующие предметы, явления и языки не только своеобразны и отличны, но они имеют также ряд общих между собой черт и признаков. Например, все языки при всем их различии обладают системой гласных и согласных, но число их индивидуально по отдельным языкам; например, в английском языке 20 гласных и 24 согласных, а в таитянском — 10 гласных и всего 9 согласных. Во всех языках

существуют слова; но в английском языке подавляющее большинство слов — односложные, а в русском языке подавляющее большинство слов — двух-, трех- и даже четырехсложные. Все языки содержат определенную информацию, иначе исчезает основное назначение человеческого языка — служить важнейшим средством человеческого общения.

Таким образом, при всем различии между отдельными языками (например, между китайским и арабским, русским и английским) эти языки имеют глубокое внутреннее сходство; они представляют собой разновидности одного и того же особого общественного явления — человеческого языка.

Следовательно, в каждом отдельно взятом конкретно существующем языке повторяются общие черты (например, гласные, согласные, слова, словосочетания и т. д.), принадлежащие ряду языков и выступающие как то общее, что свойственно всем языкам вообще и каждому отдельному языку в частности.

Из сказанного следует, что единичное и общее не существуют отдельно друг от друга, но образуют неразрывное единство.

Из этого можно сделать заключение о том, что поскольку, как было определено выше, всякий тип, в какой бы области предметов, явлений или языков мы его ни устанавливали, представляет собой некоторую устойчивую совокупность взаимозависимых и взаимообусловленных признаков, постольку необходимо признать, что в каждом из этих признаков заключены частички того общего, что характеризует собой тип данного языка. Поэтому каждый из привлекаемых признаков, входящих в устойчивую совокупность признаков, составляющих соответствующий тип, должен обязательно включать в себя частицы или элементы тех типологических характеристик типа языка, которые ему присущи, т. е. быть типологически значимым, существенным. Если же данный факт языка, представленный в его структуре, не отражается в типологической характеристике языка, то такой признак не может рассматриваться как типологически существенный, или, что то же, как типологичный, и, следовательно, не может быть учтен при типологической характеристике языка или языков.

С другой стороны, сходные, одинаковые или повторяющиеся признаки, наблюдаемые в структуре отдельного языка, образуют вместе с соответствующими признаками других языков некое множество, которое определяется как совокупность элементов, выделяемых в обособленную группу по какому-либо признаку или признакам. Сами же эти элементы образуют некоторый класс однородных элементов, который не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Например, для английского языка в качестве общего типологического признака, характеризующего предложения, следует

назвать «примыкание», как вид синтаксической связи. Этот общий признак, включаемый в общую комплексную типологическую характеристику английского языка, проявляется в ряде единичных сторон структуры этого языка; например: в сочетаниях определения, выраженного прилагательным, притяжательным местоимением, порядковым числительным, с определяемым (ср. a new book — new books; your sister — your sisters; the first day — the first days) и в сочетании подлежащего и сказуемого в формах плана прошедшего времени: ср. I (we, you, they) lived in England some years ago. Аналогично английскому языку, общим типологическим признаком предложения в русском языке следует назвать «согласование», как вид синтаксической связи, поскольку этот общий типологический признак проявляется во всех единичных случаях сочетания определения, выраженного прилагательным, местоимением притяжательным, указательным и неопределенным, порядковым числительным, с определяемым ими существительным в роде, числе и падеже. Приведенным выше английским примерам в русском языке соответствуют: *новая книга — новые книги; ваша сестра — ваши сестры; первый день — первые дни*, а также сочетания подлежащего и сказуемого в прошедшем времени: *я (ты, он) жил, мы (вы, они) жили в Англии несколько лет тому назад*.

Иначе говоря, мы должны признать, что тот признак, который воспринимается как имеющий общий характер или отражающий категорию общего, обязательно охватывает все отдельные элементы или, что то же, проявляется во всех отдельных элементах (компонентах, словах) соответствующего языка, т. е. носит «массовидный» или «массовый» характер. Это можно легко показать на примере любого языка, к числу типологических характеристик которого относится общая категория падежа. В языках такого типа каждое отдельное существительное способно принимать соответствующую падежную морфему; это означает, что общая категория падежа реализуется в форме соответствующей морфемы в каждом отдельно взятом слове. Если принять во внимание, что слова в любом современном развитом языке исчисляются несколькими десятками тысяч (БАРС содержит около 150 000 слов), то становится совершенно очевидным, что данный признак (категория падежа в таких языках, как славянские, кроме болгарского, немецкий, латинский, тюркские, финно-угорские и др.) должен по необходимости носить «массовый» характер, т. е. свойственный очень многим, массе единиц языка, тем самым отражая типологию соответствующего языка.

На основании сказанного выше представляется возможным для определения понятия «*типологически существенный*» предложить следующие критерии:

1. *Наличие единства категории общего и ее реализации в единичном (т. е. в отдельных единицах языка).*

2. *«Массовый» охват категорией общего отдельных единиц языка.*

Явления или признаки языковых единиц, удовлетворяющие этим критериям, следует рассматривать как типологически существенные — типологичные, подлежащие учету при типологической характеристике структуры отдельного языка или же целой группы языков, родственных или неродственных.

Проиллюстрируем это положение на примерах из конкретных языков. Одной из типологических черт структуры русского языка следует признать наличие категории числа и падежа в системе имени существительного. Это означает, что каждое существительное, как факт единичный, способно выражать перечисленные категории при помощи присоединения соответствующих морфем, как языковых средств выражения названных категорий; ср. *стол — стола — столу, столы; зима — зимы — зиме, зимы; дерево — дереву — деревом — деревья* и т. д. Аналогично этому в турецком языке каждое существительное может выражать общую категорию падежа или принадлежности соответствующими морфемами; ср. *defter-im — моя тетрадь; defter-imiz — наша тетрадь; defter-im-de — в моей тетради; defter-imiz-den — из нашей тетради* и т. д.

Для типологической характеристики ряда языков характерно наличие общей категории лица в системе глагола (ср. русск. *ид-у, ид-ешь, ид-ет* и т. д.; ит. *sent-o, sent-i, sent-e — слышу*; турец. *oku-yor-um, oku-yor-sun, oku-yor — читаю*; немец. *(ich) schwimm-e, (du) schwimm-st, (er) schwimm-t — плаваю*); в то время как для шведского, датского, норвежского категория лица в глаголе отсутствует.

Перечисленные выше общие категории получали свою реализацию в единичных фактах языка, т. е. имелось налицо единство общего и единичного. Поэтому названные выше свойства или признаки структуры соответствующих языков мы и называли **типологичными** для данного языка.

В то же время можно привести и такие примеры: в русском языке существует целая группа существительных — так называемые «несклоняемые существительные», к числу которых относятся существительные иноязычного происхождения, например: *пальто, ателье, интервью* и т. д., а также существительные преимущественно с основой на гласный, составленные из начальных звуков или частей слов, например: *горонó, сельпо* и др. На основании приведенных выше теоретических соображений типологичным для русского языка следует считать изменения существительных по категории падежа.

Наличие же несклоняемых существительных следует признать нетипологичным, что не может быть учтено как типологический признак.

Во всех германских языках существует строгое и четкое деление глаголов на две группы: сильные, или с чередованием гласного корня, и слабые, или глаголы с дентальным суффиксом в прошедшем времени. Наличие этого деления наблюдается во всех германских языках, т. е. носит общий характер. В то же время это явление представлено в каждом отдельном германском языке, т. е. может рассматриваться как явление единичное. Такое соотнесение общего и единичного служит надежным основанием для того, чтобы считать существующее в языках этой группы морфологическое подразделение глаголов фактом типологического порядка. В то же время сопоставление сильных глаголов в шведском, норвежском и датском языках свидетельствует о том, что в отдельных германских языках группа сильных глаголов имеет в системе глагола различный удельный вес. Так, в английском языке эта группа в процессе исторического развития языка сократилась со своего первоначального количества (около 330) примерно до 150 единиц; в норвежском языке их сохранилось около 145, но из них 41 глагол наряду с чередованием образует свои формы с помощью дентальной морфемы, т. е. фактически стремится присоединиться к основной типологически показательной группе глаголов.

Этот процесс служит ярким примером перестройки типологии языка на уровне морфологии глагола. Остающиеся сильные глаголы, к тому же утратившие всякую стройность и системность в отношении своей принадлежности к определенному классу сильных глаголов, продолжают еще существовать в названных языках, сохраняясь как элементы старого качества языка, отражающие его былую типологию, которая в настоящее время приобрела иные устойчивые типологические признаки.

До сих пор речь шла об установлении синхронных типологически важных признаков. Однако, как в свое время отметил Б. А. Серебренников, исторические процессы могут также носить типологический характер, т. е. быть «типологически существенными» или «типологичными», т. е. представлять собой «диахронические универсалии». Такой случай мы как раз имеем в системе личных местоимений. Личные местоимения во всех древнегерманских языках склонялись по четырем падежам, что можно было рассматривать как фактор типологический, поскольку это явление представлено во всех германских языках, следовательно, носит общий характер.

Современные германские языки четко делятся на две типологические группы в отношении структуры личных местоимений: к первой группе относятся языки с четырехпадежной структурой личных местоимений — это немецкий, исландский и фарерский; ко второй группе можно отнести английский, нидерландский, шведский, датский

и норвежский языки, в которых в результате исторических процессов сложилось два падежа — субъектный, или основной, и объектный. Таким образом, в перечисленных языках второй группы протекали сходные процессы, которые получили свое фактическое выражение в каждом отдельном языке. То есть мы имеем некоторое общее развитие, сходный исторический процесс, получивший свое индивидуальное проявление в каждом отдельном германском языке. Это дает нам право рассматривать процесс превращения четырехпадежной системы личных местоимений в двухпадежную как явление типологического порядка, т. е. явление типологичное.

Рассмотренные случаи позволяют сделать вывод, что типологически существенные признаки могут иметь место как в чисто синхронном плане, и тогда можно говорить о *синхронно-типологических признаках*, существенных или типологичных, для установления типологии современных языков, так и в плане диахронном, и в этом случае мы говорим о *диахронно-типологических признаках*, существенных для определения исторических изменений типологии языков, что проиллюстрировано на примере перехода ряда германских языков от четырехпадежной системы личных местоимений к двухпадежной.

Приложение III

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ¹

Тема 1. Понятие типа языка.

Тема 2. Универсалии, их определение и значение для типологии языков.

Тема 3. Методы типологического анализа.

Тема 4. Типология фонологических систем в двух языках.

Тема 5. Типология морфологических систем в двух языках.

Тема 6. Типология словосочетания в двух языках.

Тема 7. Типология предложения в двух языках.

Тема 8. Типология словообразовательных систем.

---

¹ Перечисленные ниже темы не являются строго обязательными для преподавателей, проводящих семинарские занятия. Преподаватель, смотря по обстоятельствам, может выбрать для углубленного обсуждения в аудитории ту или иную тему или темы, а остальной материал курса предложить изучать по данному учебнику.

Учебное издание

АРАКИН Владимир Дмитриевич

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

Редактор *О.А. Пенина*

Оригинал-макет: *М.С. Ярыкина*

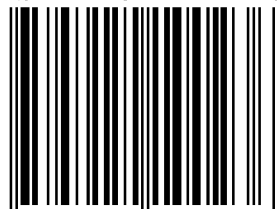
Оформление переплета: *В.В. Башевой*

ЛР № 071930 от 06.07.99. Подписано в печать 05.05.05.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 14,79. Заказ №

Издательская фирма «Физико-математическая литература»
МАИК «Наука/Интерпериодика»
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
E-mail: fizmat@maik.ru, <http://www.fml.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-9221-0023-8

9 785922 100236